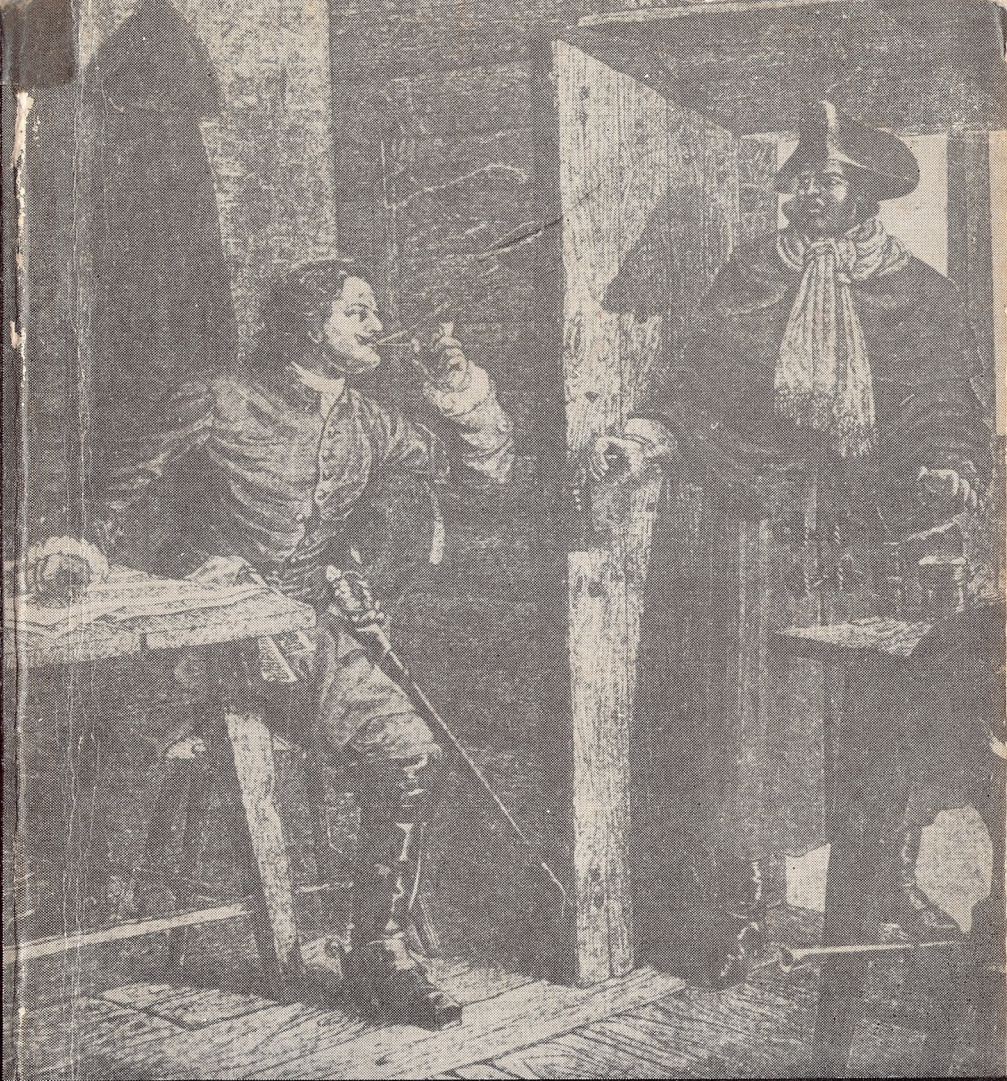

АБРАМ ПЕТРОВИЧ ГАННИБАЛ

Г ЛЕЕЦ

ГЕОРГ ЛЕЕЦ

АБРАМ ПЕТРОВИЧ
ГАННИБАЛ

Георг Леец
АБРАМ ПЕТРОВИЧ
ГАННИБАЛ

ГЕОРГ ЛЕЕЦ

Абрам Петрович
ГАННИБАЛ

БИОГРАФИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЭЭСТИ РААМАТ»
ТАЛЛИН 1984

Оформление: П. Уртсон

Леец Г.

Л 39 Абрам Петрович Ганнибал: Биографическое исследование. — Таллин: Ээсти раамат, 1984. — 192 с., 25 ил.

Биографическое исследование Г. Леца (1896—1975) — первая вышедшая отдельной книгой работа о жизненном пути прадеда А. С. Пушкина, сподвижника Петра I, выдающегося русского государственного и военного деятеля А. П. Ганнибала. Хотя книга написана в основном по материалам печатных источников, в ней приводятся и ряд новых сведений, опровергаются ложные трактовки некоторых моментов жизни и деятельности Ганнибала. Особенно обстоятельно рассматривается период пребывания его в Эстонии (1731—1752). В заключительной главе содержатся сведения о потомках «арапа Петра Великого».

Книга иллюстрирована фотографиями.

Второе издание.

Л 4603010201—125
901(15)—84 TL—12—15—83

63.3(2)

ПРЕДИСЛОВИЕ

Личность Абрама Петровича Ганнибала — воспитанника и сподвижника Петра I, прадеда Александра Сергеевича Пушкина — вызывала интерес не только современников. Образ загадочного предка-африканца привлекал пристальное внимание его гениального правнука-поэта, который собирал материалы и семейные предания, намереваясь издать полную биографию своего прадеда. Его происхождением, необычной судьбой и примечательной жизнью не переставали интересоваться историки и литературоведы последующих поколений. Фигура экзотического предка великого русского поэта и видного государственного деятеля России середины XVIII века продолжает интересовать нас и в настоящее время.

Тем не менее до сих пор не издана отдельной книгой сколько-нибудь подробная биография Абрама Петровича Ганнибала*. Причина этого, видимо, кроется в недостаточности исторически достоверного материала, а также в противоречивости источников и легенд, уже с конца XVIII века окружавших личность и судьбу А. П. Ганнибала.

Исторические документы о происхождении А. П. Ганнибала и о его детских годах на родине в Африке отсутствуют. О своем происхождении и о том, когда и как он попал к Петру I, А. П. Ганнибал рассказывает в своих кратких автобиографических заметках в челобитных к императрицам Анне Ивановне в 1733 году и Елизавете Петровне в 1742 году. О его жизни и работе при Петре I и государственной службе при последующих шести русских императорах и императрицах, в бурную эпоху дворцовых переворотов и расцвета в России абсолютизма и крепостничества, можно составить некоторое представление на основании архивных материалов, писем Ганнибала и довольно многочисленных статей в печатных изданиях минувшего XIX и нынешнего XX столетия.

---

* Наиболее полная биография А. П. Ганнибала приводится в кн.: *М. Вегнер. Предки Пушкина*. М., 1937. — *Ред.*

Отдельные весьма интересные и важные сведения о жизни и деятельности А. П. Ганнибала, опубликованные в разное время XIX века в различных периодических изданиях («Русская старина», «Русский архив», «Исторический вестник», «Летопись Историко-родословного общества в Москве» и др.), за давностью труднодоступны современному читателю.

Ряд интересных публикаций появился в разное время нынешнего XX века как в дореволюционной русской, так и в советской печати.

Относительно слабо освещена жизнь и деятельность А. П. Ганнибала в Эстонии, хотя известно, что он провел там немалое время - целых 21 год.

Работая в Таллинском городском государственном архиве*, автору предлагаемого труда посчастливилось в 1968 году ознакомиться со служебными письмами А. П. Ганнибала за 1741—1745 годы к магистрату города Ревеля. В 1969 году удалось найти в фондах этого же архива концепты писем магистрата Ревеля к обер-коменданту города генерал-майору Ганнибалу, в основном ответных на упомянутые выше служебные письма.

Переписка А. П. Ганнибала с магистратом города Ревеля в деталях еще не изучена и, безусловно, представляет для историка известный интерес. Думается, что та часть биографии прадеда А. С. Пушкина, которая охватывает время его службы в Ревеле, может быть значительно пополнена материалами из государственных архивов Эстонской ССР.

Автор настоящего труда поставил себе целью написать по возможности подробную биографию Абрама Петровича Ганнибала, с использованием всех доступных источников и публикаций (вплоть до 1974 года), — в том числе и некоторых материалов из архивов Эстонской ССР, ранее не известных советскому читателю. Критический подход к источникам, сопоставление семейных преданий и легенд с документальными материалами, изучение его писем заграничного, сибирского и ревельского периодов позволили отсеять многие ошибочные трактовки личности А. П. Ганнибала. Как увидит читатель в дальнейшем, образ этого человека с необыкновенной судьбой сам по себе настолько интересен, что не нуждается в прикрасах и небылицах.

* С 1975 г. — Центральный Таллинский государственный архив ЭССР. — *Ред.*

О ПРОИСХОЖДЕНИИ А. П. ГАННИБАЛА

Никаких документальных данных о родине и происхождении Ибрагима — так звали Абрама Петровича в младенческом возрасте на родине и, видимо, в первое время по приезде в Россию — не имеется. А. С. Пушкин в «Арапе Петра Великого» называет его то негром (le Nègre du czar), а себя в одном стихотворении «потомком негров безобразным», то арапом. В письме к князю П. А. Вяземскому Пушкин писал: «*Арап*, женск. *аранка*, так обыкновенно называют негров и мулатов. *Дворцовые араны*, негры, служащие во дворце»¹. Впрочем, не только в эпоху Петра I и при жизни А. С. Пушкина, но и позднее, вплоть до конца XIX века, всех лиц африканского происхождения именовали арапами.

Однако обратимся к первоисточникам, и в первую очередь к тому, как объяснял свое происхождение сам Абрам Петрович Ганнибал. В краткой автобиографии (1742) он пишет: «Родом я нижайший из Африки, тамошнего знатного дворянства. Родился во владении отца моего в городе Лагоне, который и кроме того имел под собою еще два города»². А немецкая биография³, помимо этого, называет и страну, откуда происходил Ганнибал, — Абиссинию⁴.

В 1899 году, к 100-летию юбилею со дня рождения

¹ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. в 10-ти тт. 2-е изд., т. 10. М., 1958, с. 613.

² Рукою Пушкина. Несобранные и неопубликованные тексты. М.—Л., 1935, с. 864.

³ После смерти А. С. Пушкина в 1837 г. в его архиве, опечатанном по приказу Николая I, были найдены: а) относительно подробная биография А. П. Ганнибала на немецком языке, писанная мелким аккуратным готическим шрифтом на 11 страницах; б) сокращенный русский перевод ее, сделанный поэтом, и в) краткая биографическая записка Петра Абрамовича о своем отце на 2 страницах. Документы эти хранятся ныне в фондах Института русской литературы АН СССР (Пушкинский дом) в Ленинграде.

⁴ Рукою Пушкина, с. 43 и 50.

А. С. Пушкина, появилась в печати большая статья известного русского, а позднее и советского антрополога и географа академика Д. Н. Анучина (1843—1923), в результате исследовательской работы которого были устранены многие неясности в вопросе о происхождении «африканского арапа» Ибрагима.

Исходя из указанного Ганнибалом места рождения, Д. Н. Анучин проделал большую работу по определению родины прадеда А. С. Пушкина. Он пишет об этом следующее: «Таким образом, Лагон должен находиться в Абиссинии. Было бы, впрочем, напрасным трудом искать это название на обыкновенных картах географических атласов, где указаны только немногие более крупные населенные пункты. Необходимо обратиться к более подробным новейшим картам, к сочинениям по Абиссинии, к лицам, специально знакомым с этой страной и с ее историей. Так я и сделал...

... Я обратился к известному знатоку северо-восточной Африки, профессору Пауличке, и новейшему французскому путешественнику по северной Абиссинии Saint-Yves... Сведение, сообщенное мне проф. Пауличке, представляет большую ценность. По его мнению, Лагон Ганнибала должен соответствовать округу Loggon (Логгон или Логон), который лежит на правом берегу Мареба и вместе с соседними округами входит в состав горной страны Намасэн (Хамасен или Амасен). Расположенная приблизительно под 15° сев. широты, страна Хамасен приходится почти прямо на запад от Массавы, примерно в 100—150 километрах от нее по прямой линии, но уже на абиссинском нагорье, на высоте 1500—2000 м над уровнем моря. Население этой области чисто абиссинское, хотя темнокожее и курчавоволосое. Настоящих городов в европейском смысле здесь ныне нет, а только более или менее значительные селения, местоположение которых могло меняться с течением времени, но названия областей и округов идут из глубокой древности. Во всяком случае, другого имени, сколько-нибудь соответствующего названию «Лагон», в Абиссинии нет... а потому и следует признать, что здесь именно была родина Ганнибала»⁵.

Отец Ибрагима был владетельным князем в северной Абиссинии, названной позднее Эритреей и граничащей

⁵ Д. Н. Анучин. А. С. Пушкин. (Антропологический эскиз). М., 1899, с. 15—16.

на северо-востоке с Красным морем. Он имел резиденцию на Абиссинском плоскогорье, на берегах реки Марерб, на границе между округами Хамасен и Сарае, в городе Логоне. Некоторые обстоятельства позволяют предполагать, что это был именно князь Приморской провинции, имевший своей столицей в конце XVII века Добарву, или Дебарву (Dobagwa), которая могла называться также, по имени всего округа, и Логон. Добарва была тогда городом с видными каменными постройками, и живший в ней князь был сравнительно богатым человеком. У этого князя имелась большая семья, много жен и детей, — как и у позднейших князей той же провинции, судя по описаниям многих путешественников XIX столетия.

Писатель-путешественник нашего времени Н. П. Хохлов разыскал в 1971 году в Эфиопии места, о которых Д. Н. Анучин писал в 1899 году как о родине Ибрагима-Абрама. Н. П. Хохлов побывал в Эритрее и в бывшей столице Приморской провинции городе Добарве на берегу реки Марерб, и в Лого (Логон у Анучина, ныне деревушка в 4 километрах от Добарвы). Это Лого в далеком прошлом было местом жительства правителей провинции, бахр-нагашей (или бахар-негашей), — в том числе и отца Ибрагима в конце XVII — начале XVIII века. В Лого нашлись и потомки бывших бахар-негашей, ныне крестьяне⁶.

В период детства Ибрагима над родиной его властвовали турки, которые держали покоренные территории в повиновении не гарнизонами своими, а тем, что брали от местной знати заложников (аманатов). Платить туркам дань и представлять им периодически в заложники сыновей должен был и отец Ибрагима. Видимо, отсюда в памяти А. П. Ганнибала и удержалась картина увода в неволю 19 старших братьев, когда он сам был еще ребенком и бегал на свободе «под фонтанами отеческого дома». Когда Ибрагим подрос, участь старших братьев постигла и его. Ибрагима увезли заложником в Константинополь и как мальчика княжеского рода поместили в один из сералей султана.

В немецкой биографии, явно со слов самого А. П. Ганнибала, увоз Ибрагима из Африки описывается подробнее:

«... Он был родом африканский арап из Абиссинии; сын одного из тамошних могущественных и богатых

⁶ Н. Хохлов. Присяга просторам. М., 1973, с. 55—70.

влиятельных князей, горделиво возводящего свое происхождение по прямой линии к роду знаменитого Ганнибала, грозы Рима. Его отец был вассалом турецкого императора или Оттоманской империи; вследствие гнета и тягот он восстал в конце прошлого (XVII. — Г. Л.) века с другими абиссинскими князьями, своими соотечественниками и союзниками, против султана, своего государя; этому последовали разные небольшие, но кровопролитные войны; однако же, в конце концов победила сила, и этот Ганнибал, восьмилетний⁷ мальчик, младший сын владетельного князя, был с другими знатными юношами отправлен в Константинополь в качестве заложника.

Собственно, по молодости лет, этот жребий должен был миновать его. Однако, так как у его отца, по мусульманскому обычаю, было много, и даже чуть ли не тридцать, жен и соответственно этому множество детей, эти многочисленные старые княгини с детьми, объединенные стремлением спасти себя и своих, нашли способ хитростью и интригами почти насильно посадить его, как младшего сына одной из младших княгинь, не имеющей при дворе достаточно приверженцев, на турецкий корабль и поручить его предназначенной ему судьбе.

У его единственной родной сестры Лагани, бывшей на несколько лет его старше, нашлось достаточно мужества, чтобы воспротивиться этому насилию. Испытав все средства, но принужденная наконец уступить большинству, она еще, в тлеющей надежде вымолить или выкупить за свои драгоценности свободу возлюбленного брата, проводила его до борта этого кораблика; однако, видя, что все последние усилия ее нежности бесплодны, она бросилась в отчаянии в море и утонула. Еще в конце своих дней проливал сей достопочтенный старец слезы, вспоминая об этой нежнейшей дружбе и любви, так как, несмотря на его чрезвычайную молодость в момент этого трагического происшествия, это печальное воспоминание вставало перед ним как новое, во всех подробностях каждый раз, что он думал о сестре; ибо этой жертвы тем более заслуживала ее нежность сестры, что она боролась за его свободу, и что они были единственными детьми своей матери»⁸.

⁷ В немецком тексте — «in seinen achten Jahre», т. е. на восьмом году жизни.

⁸ Рукою Пушкина, с. 43--44 и 50.

В этом предании достойно внимания имя сестры Ганнибала — Лагань (Lahann), созвучное с названием города Лагон, о котором он упоминает в своем прошении императрице Елизавете в 1742 году.

Итак, А. П. Ганнибал был уроженцем Абиссинии, теперешней Эфиопии. В связи с этим небезынтересно отметить, что уже на монументах древнего Египта, в изображениях победных шествий и триумфов фараонов, жители Эфиопии («страны ароматов») всегда отличаются от негров менее темным цветом кожи, более длинными, хотя и курчавыми, волосами, менее толстыми, невздутыми губами, правильным носом, чертами лица вообще более утонченными. Своеобразие типа оправдывает выделение абиссинцев совместно с нубийцами, египтянами, галласами и другими в особую антропологическую расу, которую чаще всего называют хамитской⁹.

* * *

Дата рождения Ибрагима в документах не отражена, поэтому и в литературе о годе рождения А. П. Ганнибала царит разногласие. Однако и в этом вопросе можно прийти к определенному решению, с точностью до одного-двух лет.

Сам А. П. Ганнибал, очевидно, года своего рождения не помнил, так как в автобиографии он писал: «... в 706 году выехал я в Россию из Царяграда при графе Савве Владиславиче, волею своею, в малых летах и привезен в Москву»¹⁰.

А. С. Пушкин в «Начале автобиографии» обходит этот вопрос, но в примечаниях к данному тексту говорится: «Абиссинец по происхождению Ибрагим или Абрам Петрович Ганнибал (1698—1781)»¹¹.

Современники Пушкина Д. Н. Бантыш-Каменский (1836) и Д. И. Языков (1839) пишут, что Ганнибал был «похищен с берегов Африки на осьмом году своего возраста»¹².

⁹ Д. Н. Анучин. А. С. Пушкин, с. 21—22.

¹⁰ Рукою Пушкина, с. 864.

¹¹ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. в 10-ти тт. 2-е изд., т. 8. М., 1958, с. 538.

¹² Д. Бантыш-Каменский. Словарь достопамятных людей Русской земли... В 5-ти ч., ч. 2-я. М., 1836, с. 12; Энциклопедический лексикон, посвященный его величеству государю императору Николаю Павловичу, т. 13. СПб., 1839, с. 289.

М. Лонгинов (1866) в результате анализа записей в формулярном списке А. П. Ганнибала пришел к выводу, что годом рождения его следует считать 1696 год. П. В. Долгоруков (1867), базируясь на хронологических датах, полученных от старшего сына прадеда поэта, также считает годом его рождения 1696 год.

В энциклопедиях год рождения А. П. Ганнибала помечен следующим образом:

— «Энциклопедический словарь» (издание Ф. А. Брокгауза и И. А. Ефрона, 1892): «родился, вероятно, в 1696 г.»;

— «Русская Энциклопедия» (1911): «род. 1697(8)»;

— Большая Советская Энциклопедия» (1952): «ок. 1697».

Н. Гастфрейнд (1904) и М. Вегнер (1937) считают годом рождения его 1697 или 1698 год. Сторонники 1698(7) года рождения Ганнибала выводят эту дату из года его смерти (1781) в возрасте 83 лет, считая «93 года» в немецкой биографии простой опиской.

Если принять во внимание указанный А. С. Пушкиным в «Начале автобиографии» возраст Ганнибала в год его смерти, то выходит, что он должен был родиться в $1781-92=1689$ году; соответственно у Бантыш-Каменского и Языкова в $1782-91=1691$ году, у Гельбига в $1781-87=1694$ году, у Бергманна в $1781-86=1695$ году.

Опубликованная в 1969 году статья заместителя директора Центрального государственного архива древних актов В. Козлова «Когда родился прадед Пушкина Ганнибал?» еще более углубляет разрыв между предполагаемыми датами рождения А. П. Ганнибала. Статья эта интересна тем, что в ней приводится найденный автором в фонде Правительствующего сената документ 1716 года, доказывающий, что в России жил один из старших братьев А. П. Ганнибала — Алексей Петров, крещенный Петром I в православную веру в 1696 году и бывший в 1716 году музыкантом-гобоистом в лейб-гвардии Преображенском полку¹³. Доселе относительно существования в России брата Ганнибала не имелось никаких данных. Однако расчеты В. Козлова в связи с текстом этого документа и выводы его о годе рождения Ибрагима около 1688 года и о приезде его в Россию в восьмилетнем воз-

---

¹³ В. Козлов. Когда родился прадед Пушкина Ганнибал? — «Неделя», 1969, № 44, с. 19.

расте вместе со старшим братом в 1696 году — не убедительны. Они опровергаются самим Ганнибалом, который в автобиографии указывает, что он приехал в Россию в 1706 году «в малых летах». К тому же Алексей Петров в этом документе не говорит, что был привезен в Россию вместе с младшим братом Авраамом (Ибрагимом). Поэтому естественнее предположить, что братья были привезены в Россию «арапчатами» в разное время, — это вполне согласуется и с известием немецкой биографии о судьбе 19 старших братьев Ганнибала, увезенных в неволю раньше него.

Какой же год из приведенных выше считать наиболее близким к истинному году рождения А. П. Ганнибала?

Прежде всего следует принять во внимание, что как А. С. Пушкину, так и современникам его Д. Н. Бантыш-Каменскому и Д. И. Языкову, а также Г. фон Гельбигу не были известны опубликованные позднее документальные материалы об А. П. Ганнибале: 1) в 1862 году письма Ганнибала (Пекарский)¹⁴, 2) в 1864 году формулярный список его (Лонгинов)¹⁵ и 3) в 1891 году его краткая автобиография (Барсуков)¹⁶. Поэтому ошибки их в связи с определением возраста Ганнибала в год его смерти понятны и извинительны. Учитывать при расчетах 93-летний возраст его в год смерти нельзя: это либо описка, либо ошибка немецкого биографа, так как в другом месте той же биографии указан правильный возраст Ганнибала при производстве его Петром I в бомбардир-поручики лейб-гвардии Преображенского полка (28 лет в 1724 году).

При определении года рождения А. П. Ганнибала мы будем исходить из следующих документов:

1. В письме из Франции в Петербург к кабинет-секретарю Петра I Алексею Васильевичу Макарову Ганнибал пишет 5 марта 1722 года: «То ли я выслужил, живучи при его величестве 17 лет...» Приняв возраст

¹⁴ П. Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом, т. 1. СПб., 1862, с. 164—167.

¹⁵ М. Лонгинов. Абрам Петрович Ганнибал. — «Русский архив», 1864. 2-е изд. М., 1866, с. 218—232.

¹⁶ А. Барсуков. Автобиографические показания о происхождении, приезде в Россию и службе прадеда Пушкина Абрама Петровича Ганнибала и денщика Петра Великого Андрея Козмича Дреwnика. — «Русский архив», 1891, кн. 2, с. 101—103.

Ибрагима при приезде в Россию равным 9 годам¹⁷, получим $17+9=26$; $1722-26=1696$. Правда, тут может возникнуть сомнение, допустимо ли в эти 17 лет жизни «при его величестве» включать годы пребывания Ганнибала во Франции (с июня 1717 года по март 1722 года, т. е. около 5 лет), которые по букве письма были не «при его величестве»? Думается, что такое сомнение все же безосновательно, поскольку сам А. П. Ганнибал приводит в автобиографии и формулярном списке даты, на основании которых можно заключить, что он считал себя и во Франции находящимся на службе у Петра I. Это соответствовало и общему положению при прохождении военной и государственной службы, где командировка и длительный отпуск учитывались по прежней должности.

2. В 1726 году А. П. Ганнибал, поднося Екатерине I экземпляр своей книги по фортификации, писал ей, чтобы она «призрела его, иностранца, воспитанного от самого младенчества при доме его величества 22 года...»¹⁸ Таким образом: $22+9=31$; $1726-31=1695$.

3. В немецкой биографии говорится, что Ганнибал был произведен Петром I в бомбардир-поручики Преображенского полка 28 лет от рождения; по документам, назначение это состоялось в 1724 году, следовательно: $1724-28=1696$.

4. В рапорте Ганнибала к своему начальнику генерал-фельдмаршалу Б. Х. Миниху об увольнении в отставку по болезни и в докладе Миниха от 30 апреля 1733 года императрице Анне сказано, что служит капитан Аврам Петров «с 705-года»¹⁹. Отсюда: $1705-9=1696$.

5. А. П. Ганнибал, будучи в 1742 году произведен в генерал-майоры, писал императрице Елизавете в своей

---

¹⁷ Согласно немецкой биографии Ибрагим пробыл в Константинополе «ein Jahr und etliche Monate», т. е. один год и несколько месяцев (Рукою Пушкина, с. 44). Прибавив этот срок к возрасту мальчика при увозе его из Логона, получим цифру, близкую к 9 годам.

¹⁸ М. Вегнер. Предки Пушкина, с. 36. Здесь уместно заметить, что Ибрагима привезли в Москву, когда Екатерина I была уже женою Петра, так что она не могла не знать года его приезда к «дому его величества».

¹⁹ Н. А. Малеванов. «Петра питомец» А. П. Ганнибал. По новым архивным материалам. — «Нева», 1972, № 2, с. 191—192. Племянница Петра I царевна Анна Ивановна (1693—1740) жила в 1705 г. в московском дворце, и ей был совершенно точно известен год приезда Ибрагима в Москву.

краткой автобиографии: «в 706 году выехал я в Россию из Царяграда... в малых летах...»²⁰, т. е.: 1706—9=1697.

6. В 1752 году генерал-майор А. П. Ганнибал, будучи переведен с должности обер-коменданта города Ревеля в Инженерный корпус в Петербург, представил согласно существовавшему порядку в новое место службы формулярный (послужной) список. В нем не обозначен год его составления. Однако М. Лонгинов справедливо указывает в своем исследовании, что формуляр мог быть составлен только в 1752 году, в связи с переводом составителя в другое ведомство²¹. Последняя запись в формуляре сделана 25 апреля 1752 года — дата перевода его в Инженерный корпус. В формуляре А. П. Ганнибал указывал свой возраст — 56 лет. Итак: 1752—56=1696.

7. Наконец, в мемуарах князя П. В. Долгорукова на основании данных, полученных от Ивана Абрамовича Ганнибала, годом рождения А. П. Ганнибала помечен 1696 год, а годом увоза его из Абиссинии в турецкую столицу — 1703 год²².

Итак, указанные достаточно серьезные источники и расчеты по ним позволяют отнести год рождения Абрама Петровича Ганнибала к 1695 году (в одном случае), к 1696 году (в пяти случаях) и к 1697 году (в одном случае). Преимущество за 1696 годом, который мы и считаем наиболее вероятным годом рождения прадеда А. С. Пушкина.

---

²⁰ Рукою Пушкина, с. 864.

²¹ М. Лонгинов. Абрам Петрович Ганнибал, с. 221—223.

²² Mémoires du prince Pierre Dolgoroukow, t. I. Genève, 1867, p. 244.

«АРАП ПЕТРА ВЕЛИКОГО»

(1705—1717)

При каких обстоятельствах, когда и каким путем малолетний Ибрагим из дворца тогдашнего турецкого султана Ахмеда III попал в Москву к Петру I?

В немецкой биографии Ганнибала говорится, что император Петр «...обдумывал средство воспитать несколько таких человеческих образцов, которые бы поражали самым внешним видом, чтобы выставить их затем примером своему народу; тут он напал на мысль написать своему, тогда находившемуся в Константинополе, послу, чтобы тот ему достал и переслал нескольких африканских арапчат, отличающихся хорошими способностями. Его посол в точности выполнил это повеление: он познакомился с заведующим сералем, где воспитывались и обучались пажи султана, заметил себе нескольких лучших из них, пригодных для его целей, и наконец тайным и отнюдь не безопасным способом, при посредстве тогдашнего великого визиря, получил трех мальчиков, расторопных и способных, как это покажут последствия»¹.

А. С. Пушкин пишет об этом так:

«...Русский посланник в Константинополе как-то достал его из сераля, где содержался он аманатом, и отослал его Петру Первому вместе с двумя другими арапчатами»².

Так же, очевидно со слов Пушкина, описывают приезд Ибрагима в Россию современники поэта Бантыш-Каменский и Языков³.

¹ Рукою Пушкина, с. 44 и 51. Российскими послами в турецкой столице были: в 1699—1701 гг. думный дьяк Емельян Украинцев, в 1702—1714 гг. Петр Андреевич Толстой.

² А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. 8, с. 78.

³ Д. Бантыш-Каменский. Словарь достопамятных людей Русской земли..., ч. 2-я, с. 12; Энциклопедический лексикон..., т. 13, с. 289.

Однако при жизни А. С. Пушкина в петербургском обществе распространялась и другая версия появления в царском дворце Ибрагима. Недоброжелатели поэта, не любившие его за острые эпиграммы и завидовавшие его таланту, рассказывали, что прадед Пушкина будто бы был арапом-юнгой, купленным Петром I за границей с иностранного (не то английского, не то голландского) корабля. Этим сплетников А. С. Пушкин высмеял в стихотворении «Моя родословная» (1830):

«Решил Фиглярин, сидя дома,
Что черный дед мой Ганнибал
Был куплен за бутылку рома
И в руки к шкиперу попал.

Сей шкипер был тот шкипер славный,
Кем наша двинулась земля,
Кто придал мощно бег державный
Рулю родного корабля»⁴.

По поводу выпадов против него Ф. Б. Булгарина поэт писал в 1830 году: «В одной газете (почти официальной) сказано было, что прадед мой Абрам Петрович Ганнибал, крестник и воспитанник Петра Великого, наперсник его (как видно из собственноручного письма Екатерины II), отец Ганнибала, покорившего Наварин (см. памятник, воздвигнутый в Царском Селе гр. Ф. Г. Орлову), генерал-аншеф и проч. — был куплен шкипером за бутылку рому. Прадед мой если был куплен, то, вероятно, дешево, но достался он шкиперу, коего имя всякий русский произносит с уважением и не всуе. Простительно выходцу не любить ни русских, ни России, ни истории ее, ни славы ее. Но не похвально ему за русскую ласку марасть грязью священные страницы наших летописей, поносить лучших сограждан и, не довольствуясь современниками, издеваться над гробами праотцев»⁵. Основание для подобных разговоров мог дать Гельбиг, который писал в 1809 году в своей книге о русских фаворитах XVIII века, что Ганнибал был юнгой. Впрочем, Ибрагим был не первым африканцем у Петра, и его могли спутать с кем-либо из других арапов, привезенных раньше или позже. Припомним случай с братом Ибрагима, который был привезен в Москву около 10 лет ра-

⁴ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. в 10-ти тт. 2-е изд., т. 3. М., 1957, с. 210.

⁵ Там же, т. 7. М., 1957, с. 210.

нее Ибрагима. У П. П. Пекарского описывается следующий случай, который мог послужить как Гельбигу, так и пушкинскому Фиглярину фабулой для различных домыслов и толкований: когда Петр I в первое свое путешествие по Европе (1697—1698) был в Лондоне, то любимец его и член «великого посольства» генерал-адмирал Ф. Я. Лефорт просил царя достать в Лондоне арапов и 8 февраля 1698 года писал ему из Амстердама на ломаном русском языке латинскими буквами: «роцјалест не забовват соупит араби»⁶.

Видимо, Петр действительно достал в Лондоне мальчика-арапа, о котором в 1699 году Петр Апраксин доносил царю:

«Сего числа послал к тебе, государю, арапчика Каптинер, который из английской земли прислан по твоему государеву указу ко мне с капитаном с Иваном фон Тариом; и русскому языку он ныне гораздо понавык; и которую имел трудную некоторую скорбь, от того, государь, за помощью божиею оздравел. А о крещении его к тебе, государю, преж сего писал, и указа твоего государева не было, и он доньше у меня не крещен»⁷.

У того же П. П. Пекарского встречается известие еще об одном арапе Аврааме. Просматривая дела синодального архива за 1727 год, он нашел в списках учеников духовной школы при Александро-Невском монастыре отметку эконома монастыря, иеродиакона Иосифа Жданова, такого содержания:

«Дому императорского величества служитель, арап Авраам вступил в школу 14 марта, 1723 году, изучил букваря до 5-й заповеди и взят к дому императорского величества 27 ноября 1724 года»⁸.

Наконец, сохранилось известие об отправке в 1704 году трех «арапчиков» из Константинополя русским агентом Саввой Рагузинским в подарок вице-канцлеру графу Г. И. Головкину и П. А. Толстому; один из этих арапов также назывался Абрамом. Все три арапа были привезены в Россию сухим путем «через мултянскую и валашскую земли», — т. е. через Молдавию и Валахию⁹. Очевидно, в петровские времена был обычай давать

---

⁶ П. Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом, т. I, с. 163.

⁷ Там же.

⁸ Там же, с. 112.

⁹ Д. Н. Анучин. А. С. Пушкин, с. 7.

привозимым арапам по преимуществу имя Авраам или Абрам. П. Анненков пишет: «Множество арапчиков было выписываемо и прежде и после Абрама Петровича из того же Константинополя. Многие из них и назывались Абрамами — именем, как будто уже присвоенным этим несчастным детям»¹⁰.

Б. Бергманн явно спутал прадеда поэта с Лефортовым арапом, — с «четырёхлетним негритянским мальчиком, попавшим к Петру I во время первого пребывания его в Голландии»¹¹.

М. Д. Хмыров пишет, что в документах московских архивов за 1700—1701 годы упоминается арап Ибрагим¹². У Д. Д. Благого есть известие о том, что в дворцовой книге за 1698 год имеется запись полученных из Казенного приказа товаров, предназначенных на пошив платья «арапам Томосу, Секе и Абраму», а в записи той же дворцовой книги за 1699 год упомянут арап «Аврам Петров»; в этой же книге 1699 года записано, что на «кафтан русский» для арапа Абрама было «закуплено сукна макова, бобрового пуху, снурку, шелку и нитей», и ему же «суконные рукавицы, опущены пухом — бобровый, испод недопесковый», чулки и две пары «сафьянных сапог»¹³. Как далее увидим, не этому арапу Авраму (Абраму) суждено было в будущем стать прадедом великого русского поэта.

Сохранилась приходно-расходная тетрадь бережливого Петра I за 1705—1716 годы, где записано, за что он получал и на что тратил свое жалованье. В этой тетради есть следующая запись:

«... 1705 года, 18 февраля, по росписи купчины Чувашева Абраму Арапу к делу мундира и в приклад дано 15 рублей 15 алтын»¹⁴.

В другом документе из дел Дворцовой канцелярии за 1709 год значится:

«Декабря в 20 день, по приказу, деланы кафтаны Якиму карле, и Абраму арапу, к празднику Рождества Христова, с камзолы и штаны. Куплено сукна красного

---

¹⁰ П. Анненков. Александр Сергеевич Пушкин в Александровскую эпоху 1799—1826 гг. СПб., 1874, с. 8.

¹¹ В. Bergmann. Peter der Grosse, Bd. VI. Mitau, 1830, S. 334.

¹² Исторические статьи М. Д. Хмырова. СПб., 1873, с. 4.

¹³ Д. Д. Благой. Абрам Петрович Ганнибал — арап Петра Великого. — «Молодая гвардия», 1937, № 3, с. 74—75.

¹⁴ Н. А. Малеванов. «Петра питомец» А. П. Ганнибал, с. 192.

обеим по осьми аршин (разрядка моя. — Г. Л.), по два рубли по шестнадцати алтын по четыре деньги аршин; им же пуговиц медных вызолоченных пять портищ по шестнадцати алтын по четыре деньги портище; им же позументу золотного сорок девять аршин, весом 93 золотн., ценою по осьми алтын по 2 деньги золотник; камки на подпушку 6 аршин по 26 алтын по 4 деньги; стамеду; им же на камзолы штофу 8 арш. по 2 р. по 10 алтын аршин; им же на подкладку штофу 11 арш. по 10 алтын; также пугвиц шелков. на камзолы по два портища»¹⁵.

М. Д. Хмыров справедливо замечает, что в 1709 году одеть «Абрама арапа» и «Якима карлу» было одно и то же. Следовательно, этот «Абрам арап» был тогда одного роста с карликом Якимом, т. е. был мальчиком, а никак не 19—20-летним юношей, каким должен был быть в 1709 году тот арап Абрам или Аврам, который упоминался в дворцовых книгах за 1698—1699 годы (Д. Д. Благой) и в документах московских архивов за 1700—1701 годы (М. Д. Хмыров).

По нашему мнению, именно этот мальчик Абрам, о котором говорит документ 1709 года, стал в будущем известным нам Ганнибалом. С этим выводом хорошо согласуются хронологические даты в документах об Абраме Петровиче Ганнибале: в докладе Б. Х. Миниха императрице Анне, в автобиографии, в формулярном списке, а также сведения из немецкой биографии.

С опубликованием в 1891 году найденной А. Барсуковым в архиве Правительствующего сената краткой автобиографии А. П. Ганнибала (1742) вопрос о времени приезда его в Россию получил определенное решение. Ганнибал пишет в автобиографии:

«В 706 году я выехал в Россию из Царяграда, при графе Савве Владиславиче, волею своею, в малых летах и привезен в Москву, в дом блаженный и вечнодостойная памяти Государя Императора Петра Великого»¹⁶.

Однако в другом документе — формулярном списке — есть запись о поступлении Ганнибала на службу при Петре в 1705 году¹⁷. В докладе фельдмаршала Б. Х. Ми-

¹⁵ Исторические статьи М. Д. Хмырова, с. 6—7.

¹⁶ Рукою Пушкина, с. 864.

¹⁷ М. Лонгинов. Абрам Петрович Ганнибал, с. 221.

ниха императрице Анне об отставке «инженерного корпуса капитана Аврама Петрова» также говорится, что «служит он... с 705-го года». Наконец, в прошении на имя Екатерины II, составленном А. П. Ганнибалом в июле 1762 года, он писал, что «предкам вашим и вашему императорскому величеству верно рабскую мою службу продолжал 57 лет»¹⁸, — т. е. 1762—57=1705.

Известно, что в феврале 1705 года Савва Рагузинский вернулся в Россию из Константинополя, выполнив там секретное поручение Петра I. Вернулся, по обычаю, с подарком, каковым в данном случае и был Ибрагим. Он был доставлен в Москву к Петру I, в Преображенский дворец.

Кто был Савва Владиславич, о котором пишет А. П. Ганнибал в своей автобиографии, как добыл он Ибрагима из сераля султана Ахмеда III и каким путем доставил его из Турции в Москву?

В «Письмах и бумагах Петра Великого» он именуется Саввой Рагузинским, иллирийским шляхтичем из Царьграда. Петр познакомился с ним в 1702 году, когда Савва был «греческим купцом» в Азове, захваченном у турок в 1696 году. За коммерческие услуги Петр I дал ему 6 июля 1703 года жалованную грамоту на право торговли в России, пожаловав вместе с тем в Азове «дом и лавку торговую»¹⁹. В 1711 году Савва сопровождал Петра I в Прутском походе.

Предприимчивый Савва стал затем владельцем мануфактур и имений на Украине, торговой конторы в Архангельске, позднее был возведен в графское достоинство. В 1716 году он получил от Петра I в Прибалтике, в Рижском уезде, в аренду крупные мызы Лаудону и Лубану. При Екатерине I граф Савва Рагузинский был отправлен в 1725 году чрезвычайным посланником и полномочным министром в Китай, где в результате переговоров 14 июня 1728 года был заключен Кяхтинский трактат.

Вопрос о том, как Ибрагим попал из султанского сераля к Савве Рагузинскому, был ли он куплен или выкраден в результате подкупа дворцовой администрации, участвовало ли в этой операции русское посольство во главе с П. А. Толстым — остается невыясненным. Сам

¹⁸ Э. С. Паина. Об обстоятельствах отставки А. П. Ганнибала. — В сб.: Пушкин. Исследования и материалы, т. IV. М.—Л., 1962, с. 413.

¹⁹ Письма и бумаги Петра Великого, ч. 2. СПб., 1889, с. 207—209.

А. П. Ганнибал в автобиографии упоминает имя одного Саввы, которым он «из Царяграда...привезен в Москву». Участие русских дипломатов в похищении из султанского дворца знатных заложников было предприятием рискованным и маловероятным. Скорее всего это было делом рук «греческого купца Саввы», имевшего в Константинополе давнишние торговые связи. Ему, с 1703 года коммерсанту на службе у Петра I, было в видах дальнейшей карьеры важно заручиться расположением царя. Очевидно, Савва и взялся доставить нескольких арапов в подарок Петру, любившему всякие редкости. Турецких сановников того времени легко было подкупить, поэтому Савве не составляло особого труда увести мальчика на корабль и привезти его сначала в свою факторию в Азове, а оттуда уже в Москву к Петру I. Впрочем, отнюдь не исключено, что Ибрагим мог быть доставлен и сухим путем через Молдавию и Валахию, — подобно тому, как в 1704 году тем же Саввой были привезены три «арапчика» в подарок русским сановникам Головкину и Толстому. Таким рисуется нам путь Ибрагима из заложников турецкого султана в арапы Петра Великого.

Известно, что во многих странах чернокожими слугами пользовались уже в древности, со времен египтян. В Европе в XVII—XVIII веках не было короля или владетельного герцога, который не имел бы при своем дворе слуг африканского происхождения. Петр I перенял эту моду от иностранных государей. Арапов в разное время у Петра бывало помногу. Так, при праздновании Ништадтского мира на торжествах в Петербурге 10 сентября 1721 года императрица появилась на маскараде на Троицкой площади, окруженная восьмью арапами в индийских костюмах.

В. И. Даль так определяет значение слова арап:

«Арап м. арапка ж. по природе, по племени чернокожий, чернотелый человек жарких стран, особ. Африки; мурин, негр. При Дворе это должность, занимаемая ингода и белым служителем: придверник, припорожник»²¹.

---

²¹ Вл. Даль. Толковый словарь живого великорусского языка, т. I. М., 1955, с. 21.

Поначалу Ибрагиму, зачисленному в 1705 году в штат придворной челяди царским арапом, и пришлось быть у Петра таким придверником, припорожником, мальчиком на побегушках.

В русском переводе немецкого текста биографии Ганнибала говорится:

«... Император Петр Великий, в качестве не менее великого знатока людей, установил сразу наклонности своих прибывших питомцев и предназначил своего Ганнибала, живого, расторопного и горячего мальчика, в военную службу...

Что касается Ганнибала, то он спал в дополнительном кабинете государя, в токарне, и вскоре сделался во многих важных случаях секретарем своего государя; у последнего над постелью всегда висело несколько аспидных досок; как бы он ни был утомлен от дневных трудов и как бы ни нуждался в покое, его великий дух, вечно деятельный во благо подданных, этот почти никогда не отдыхающий дух, часто будил его и поддерживал в бодрствующем состоянии; и тут в темноте, без света, записывал он по вдохновению важные и длинные проекты; наутро его питомец должен был эти заметки переписывать начисто и после надлежащего подписания рассылать их по коллегиям и соответственным учреждениям, в качестве новых законов и повелений для исполнения. Великий монарх, которому не свойственно было проглядеть заслуги и хорошие качества, и здесь изо дня в день все больше убеждался в способностях этого юноши, которые предвещали большее, чем судьбу писца; чтобы их в полной мере развить и образовать, и чтобы выработать из Ганнибала того мужа, которым он впоследствии стал, он назначил ему под собственным присмотром лучшие и наиболее действительные награды; во многих же науках, особенно математических, и в других знаниях наряду с языками приставил он самых искусных учителей. Эти занятия продолжались с неугасимым прилежанием даже во время самых тяжелых путешествий, кампаний и походов государя, в коих Ганнибал неизменно присутствовал. Приблизительно в 1707 году был он в Польше окрещен в греческую веру, и сам император вместе с польской королевой, супругой Августа II, почтили этот обряд своим высочайшим присутствием в качестве восприемников. По имени своего высокого восприемника был он назван Петром, но так как прежде, на

родине, его именовали Ибрагимом, что по-арабски значит Авраам, и ввиду того, что он так долго оставался некрещеным, то по общей привычке звать его Авраамом сохранилось за ним до самой смерти не новое, а старое имя; он даже получил затем разрешение именоваться и подписываться этим именем, и только в церковных книгах его называли Петром. По отчеству, употребляемому согласно греческому обычаю, назван он Петрович в честь своего августейшего приемника»²².

А. С. Пушкин в своей автобиографии пишет:

«Государь крестил маленького Ибрагима в Вильне, в 1707 году, с польской королевою, супругою Августа, и дал ему фамилию Ганибал. В крещении наименован он был Петром; но как он плакал и не хотел носить нового имени, то до самой смерти назывался Абрамом. Старший брат его приезжал в Петербург, предлагая за него выкуп. Но Петр оставил при себе своего крестника»²³.

Сам А. П. Ганнибал в автобиографии пишет, что был «привезен в Москву в дом блаженный и вечнодостоинныя памяти Государя Императора Петра Великого и крещен в Православную, Греческого исповедания веру; а приемником присутствовать изволил Его Императорское Величество своею Высочайшею персоною; и от того времени был при Его Императорском Величестве неотлучно»²⁴.

В семейных преданиях А. С. Пушкина рассказ о том, что Петр I с самого начала проявлял особое внимание к образованию Абрама и что учебные занятия с ним «продолжались непрерывно, в самых трудах и походах императора», безусловно, преувеличен. В то время шла трудная война со Швецией, на берегах Невы строилась новая столица, укреплялись Москва, Архангельск, Псков и другие города, шло строительство военно-морского флота, проводились государственные реформы, — и все это под непосредственным руководством и с участием неутомимого Петра, носившегося на лошадях с одного конца своей страны в другой. В этой обстановке вряд ли хватало ему времени на систематическое обучение грамоте и наукам своего арапа, который должен был его всюду сопровождать.

---

²² Рукою Пушкина, с. 45—46 и 51—52.

²³ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. 8, с. 78.

²⁴ Рукою Пушкина, с. 864.

Не отвечает действительности и то, что Абрам при крещении получил от Петра фамилию Ганнибал.

Если Абрам был действительно крещен в 1707 году в Польше в городе Вильно, то это должно было случиться в сентябре или в первой половине октября, так как с 11 июля по 4 сентября Петр I находился в Варшаве²⁵. Историей не подтверждается и факт пребывания в 1707 году в Вильно польского короля Августа II. Известно, что союзник Петра Август II был в 1704 году свергнут с польского престола вторгнувшимся с армией в Польшу шведским королем Карлом XII; после поражения саксонско-польских войск при Фрауштадте 3 февраля 1706 года Август бежал в Краков, изменил союзу с Россией, заключив 13 октября 1706 года в Альтранштадте (Саксония) сепаратный мир с Карлом XII, и перешел к шведам. Только после разгрома Петром шведов под Полтавой 27 июня 1709 года и бегства Карла XII в Турцию Август II вновь появился в Польше и восстановились его прежние отношения с Петром I²⁶. Поэтому и польская королева Христина-Эбергардина вряд ли могла в 1707 году находиться в Вильне. Соответствующая запись в немецкой биографии о крестной матери А. П. Ганнибала, откуда ее заимствовал А. С. Пушкин, а за ним впоследствии и другие биографы, явно ошибочна, если дату крещения Ганнибала отнести к 1707 году. Однако картина меняется, если приезд Ибрагима к Петру I состоялся в 1705 году, к чему мы пришли на основании приведенных выше данных.

На стене Пятницкой православной церкви в Вильнюсе, построенной в 1345 году супругою великого князя Литовского Ольгерда Марией, русской княжной Витебской, и восстановленной из развалин в 1865 году, находятся три мраморные доски. На одной из них написан следующий текст без знаков препинания:

«В сей церкви Император Петр Великий в 1705 году слушал благодарственное молебствие за одержанную победу над войсками Карла XII подарил ей знамя отнятое в той победе у шведов и крестил в ней Африканца Ганнибала деда знаменитого поэта нашего А. С. Пушкина»²⁷.

²⁵ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. в 10-ти тт. 2-е изд., т. 9. М., 1958, с. 182.

²⁶ Е. В. Тарле. Северная война и шведское нашествие на Россию. М., 1958, с. 102, 106, 117, 463—465.

²⁷ Текст этой надписи любезно прислала автору из Вильнюса Е. Душаускене в 1970 г.

Надо полагать, что администрация Пятницкой церкви при составлении текста для мраморной доски с датой 1705 года опиралась на соответствующую запись в своих церковных книгах. В пользу этого говорит еще одно косвенное обстоятельство: не в обычае православной церкви было медлить с крещением в православную веру «басурманской веры отрока», первое сообщение о существовании которого при Петре I может быть отнесено к февралю 1705 года.

Известно, что в июле 1705 года Петр I находился в Вильне²⁸. Вполне вероятно, что именно в это время состоялось в Пятницкой церкви крещение Ибрагима, 8—9-летнего мальчика, крестным отцом которого был царь Петр, а крестной матерью, по мемуарам князя П. В. Долгорукова, «la reine de Pologne, électrice de Saxe (Christine-Eberhardine de Brandenbourg-Bayreuth)»²⁹.

Наконец, в предисловии-посвящении к поднесенному императрице Екатерине I в 1726 году своему сочинению «Геометрия и фортификация» сам Абрам Петров прямо пишет, что был крещен в городе Вильне в 1705 году Петром I, бывшим его «восприемником от купели»³⁰.

В итоге мы склоняемся к тому, что крещение Ибрагима состоялось в Вильне не в 1707, а в 1705 году.

Немецкая биография сообщает, что вскоре после того, как Ибрагим был увезен из владения отца в Африке, отец скончался и преемником его сделался старший сын от другой жены. Побуждаемый, вероятно, просьбами матери Ибрагима, этот новый глава рода, полагая, что Ибрагим находится в Константинополе, послал туда одного из братьев с поручением разыскать там Ибрагима и обменять его на других заложников. Посланный искал Ибрагима в Стамбуле и, узнав, что он находится в России, отправился с большим выкупом в Петербург.

«Однако было невозможно возратить язычеству и варварству столь многообещающего юношу, уже чувствующего себя убежденным христианином; привыкнув к европейскому образу жизни, он и сам не проявлял желания вернуться, и этому помогающемуся брату было отказано в его просьбе; тогда, одарив младшего брата

²⁸ Е. В. Тарле. Северная война и шведское нашествие на Россию, с. 92—93.

²⁹ Mémoires du prince Pierre Dolgoroukow, t. I, p. 244.

³⁰ Исторический очерк и обзор фондов рукописного отдела Библиотеки Академии наук, вып. I. XVIII век. М.—Л., 1956, с. 66.

ценным оружием и арабскими рукописями, касающимися их происхождения, уехал он на родину, не добившись поставленной цели, с большой скорбью с той и другой стороны.

Много позже, уже в наше недавнее время, покойный родоначальник ныне в Европе существующего рода Ганнибалов хотел притязать на возобновление княжеского титула, опираясь на свое рождение от княжеских предков согласно этим документам и доказательствам; однако его старший сын, генерал-лейтенант и кавалер Иван Абрамович Ганнибал, отсоветовал ему это предприятие на основании того аргумента, что княжеское достоинство требует и княжеского состояния.

Достичь этих требований старого времени в нужной степени было бы покойному главе этого рода вполне легко в нашем государстве, где заслуги столь достаточно вознаграждаются, если бы он отличался меньшей скромностью и умеренностью. Ибо блаженной памяти императрица Елизавета была его особенно милостивой и благосклонной защитницей, нередко оказывала ему честь, именуя братом, и неизменно встречала с особыми отличиями перед многими другими.

Однако он ни разу не воспользовался в свою выгоду представлявшимися случаями и не просил ничего для себя или своих; поэтому дело ограничилось теми подарками, о которых будет сказано ниже; к этому состоянию прикупил он еще несколько имений на собственные благоприобретенные средства, так что после его смерти его наследие могло состоять из тысячи четырехсот душ мужского пола»³¹.

Как уже указывалось, в 1716 году в Петербурге жил и один из старших братьев Абрама — Алексей Петров. Примечательно, однако, что этот брат, будучи также крестником царя, не смог за 20 лет службы продвигнуться дальше рядового музыканта лейб-гвардии Преображенского полка. Отсюда можно заключить, что Абрам Петров обладал гораздо большими способностями, которые вместе с незаурядными чертами характера сделали из него любимца Петра I и со временем крупного специалиста по военно-инженерному делу в России.

В формуляре А. П. Ганнибала значится, что до 1717 года он «был при всех тех походах и баталиях, при ко-

---

³¹ Рукою Пушкина, с. 52—53.

торых Его Величество своей особою присутствовать соизволил»³². Фельдмаршал Б. Х. Миних также писал в 1733 году в своем докладе императрице Анне, что Абрам Петров «при дяде Вашего императорского величества высокоблагенные и вечнодостойные памяти государе императоре Петре Великом был при всех тех баталиях, при которых его величество своею особою присутствовать соизволил, а именно: под Добрыным, под Лесным, под Полтавою, при Ангуте, под Прутом и во многих зело трудных походах всегда при его величестве»³³.

Известные из истории Северной войны баталии и походы эти с личным участием Петра I происходили: у села Доброе в ночь на 30 августа 1708 года, где был разбит шведский авангард генерала Росса; у деревни Лесная 28 сентября 1708 года, где были разгромлены войска генерала Левенгаупта, двигавшиеся из Лифляндии на соединение с Карлом XII; знаменитое сражение под Полтавой 27 июня 1709 года, где была уничтожена шведская армия и решена участь войны со Швецией; тяжелый и неудачный Прутский поход против турецкой армии в 1711 году; морское сражение у берегов Финляндии при Гангуте 27 июля 1714 года, где все шведские суда были захвачены и отведены в Петербург, а командовавший шведским отрядом кораблей адмирал Эреншильд пленен³⁴.

Не следует, однако, думать, что Ганнибал принимал участие в этих боях и сражениях в качестве воина, с ружьем в руках. Он был тогда еще очень молод, — в битве под Полтавой 13-летним мальчиком, а в морском сражении при Гангуте 18-летним юношей. Будучи в это время арапом-прислужником при царе, он скорее всего находился в штаб-квартире (шатре) Петра. Но так как Петр I обычно располагался как можно ближе к неприятелю, то и штаб-квартира в ходе сражения бывала в сфере досягаемости артиллерийского огня противника; следовательно, и «арап Аврам» подвергался непосредственной опасности. Такое «присутствие» учитывалось по правилам прохождения военной службы как участие в военных действиях, поэтому и соответствующая запись в формулярном списке и докладе Миниха («был при всех

³² М. Лонгинов. Абрам Петрович Ганнибал, с. 221.

³³ Н. Малеванов. Прадед поэта. — «Звезда», 1974, № 6, с. 157.

³⁴ А. А. Строков. История военного искусства. Рабовладельческое и феодальное общество. М., 1955, с. 492—508.

походах и баталиях...») оправданна и вполне правильна.

Так как в окружении Петра I все должны были служить на военной службе, а сам он имел звание капитана бомбардирской роты лейб-гвардии Преображенского полка, то он зачислил в эту роту и своего любимого арапа — для начала барабанщиком. Когда именно это произошло, неизвестно, но в уцелевших остатках списков личного состава бомбардирской роты того периода встречаются записи «барабанщик Абрам Петров арап», «барабанщик Абрам арап»³⁵. Бомбардирская рота Преображенского полка была вместе с тем первой военной школой, учрежденной Петром в 1698—1699 годах для подготовки офицеров-артиллеристов и военных инженеров³⁶. Служить в этом старейшем полку русской гвардии, и особенно в бомбардирской его роте, почиталось за великую честь. По-видимому, Абрам только числился в списках роты, фактически же продолжал нести службу лично при своем «ротном командире» Петре I.

Оценив способности своего арапа и полюбив его за усердие, исполнительность и преданность, Петр, несомненно, заботился и о его образовании. Однако занятия Абрама по наукам, принимая во внимание характер его работы, не могли быть регулярными. Находясь при царе неотлучно, он выполнял при нем сначала обязанности казачка, а потом, по мере того как вырослел и набирался ума-разума, — камердинера и личного секретаря.

Историк Иван Иванович Голиков (1735—1801), ровесник Ивана Абрамовича Ганнибала (также 1735—1801!), издавший в конце XVIII века многотомный труд о Петре I и его эпохе и общавшийся с самим арапом Петра, записал следующий рассказ, слышанный им из первоисточника:

«Сей российский Ганнибал, между другими дарованиями, имел чрезвычайную чудкость, так что, как бы он ни крепко спал, всегда на первый спрос просыпался и отвечал. Сия чудкость его была причиною, что монарх сделал его своим камердинером и повелевал ночью ложиться или в самой своей спальне, или подле оной.

Сей Ганнибал сам предал нам сей анекдот, рассказывая всегда оный со слезами, то есть, что не проходило

³⁵ Исторические статьи М. Д. Хмырова, с. 7.

³⁶ Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII в. Преобразования Петра I. М., 1954, с. 358.

ни одной ночи, в которую бы монарх не разбудил его, а иногда и не один раз. Великий сей государь, просыпаясь, кликивал его: «Арап!» — и сей тот же час отвечивал: «Чего изволите?» — «Поддай огня и доску» (то есть аспидную, которая с грифелем висела в головах государевых). Он подавал оную, и монарх пришедшее себе в мысль или сам записывал, или ему приказывал, и потом обыкновенно говорил: «Повесь и поди спи». Поутру же неусыпный и попечительнейший государь обделывал свои мысли или, внося оные в записную свою книжку, отлагал исполнение оных до другого времени, смотря по важности дела»³⁷.

Случалось Абраму, как и другим приближенным, отвечать и дубинки царя. В третьей книге «Русского архива» за 1877 год описывается следующий случай.

Однажды Петр I, имевший обыкновение отдыхать днем и не выносивший, чтобы его тревожили в это время, проводил рабочий день на корабле и заснул после обеда в своей каюте. Некоторые из его свиты, в том числе лейб-хирург Лесток (впоследствии граф и тайный советник) и камергер Жонсон, расшалились на палубе, неподалеку от каюты царя. Петр проснулся от шума и взбешенный бросился на палубу. Шалуны, услышав его шаги, попрятались. Первым попался царю на глаза Абрам и был отхлестан канатом не на шутку. Узнав потом о его невиновности, Петр смеясь сказал арапу: «Я поколотил тебя напрасно; зато, если в чем-нибудь провинишься, напомни мне, чтобы тебя простить». Таких случаев представлялось немало, и Абрам долго пользовался терпением государя³⁸.

Имеются и более точные доказательства того, что Абрам Петров занимал при Петре должность камердинера. В протоколе, составленном канцелярией Правительствующего сената, записано со слов старшего брата Абрама следующее:

«1716 года марта в 9 день в Канцелярии Сената араленин Алексей Петров допрашиван. А в допросе сказал: крещен де он в православную христианскую веру на Москве в Преображенском тому лет с двадцать, а вос-

³⁷ И. И. Голиков. Деяния Петра Великого, мудрого преобразителя России, собранные из достоверных источников и расположенные по годам. Изд. 2-е, т. XV. М., 1843, с. 156—157.

³⁸ Анекдоты прошлого столетия. — «Русский архив», 1877, кн. III, с. 284.

преемником был царское величество. И служит в Преображенском полку в гобонстах лет с восемь. И в нынешнем 1716 году в январе месяце по указу великого государя, а по прошению брата ево Алексеева государева камардина Аврама Петрова отпущен он был в Пустозерский острог на четыре месяца для свидания с женою своею для того, что женат он из дому князя Василия Голицына на послуживице на девке Авдотье. А женился он на Пенежском волоку в то время, когда к городу был его царского величества второй приход...»³⁹

На основании приведенного документа можно считать установленным, что в 1716 году 20-летний Абрам Петров занимал при Петре I должность личного камердинера. Он был слугой, наиболее близким к персоне царя, всюду его сопровождал и пользовался, видимо, неограниченным доверием своего господина и его семьи. Жалованья он в это время получал 100 рублей в год⁴⁰.

После присоединения к России в 1710 году герцогства Эстляндского Петр I часто приезжал в главный город Эстляндии, крепость и морской порт Ревель, ставший военно-морской базой русского флота на Балтике. Известны его посещения Ревеля в 1711, 1714, 1715, 1717, 1718, 1719, 1721 и 1723 годах. С лета 1714 года он обычно останавливался в небольшом домике (ныне Дом-музей Петра I), спешно построенном весной того же года в Екатеринентальском (Кадрюоргском) парке. В спальне этого дома и сейчас стоят две простые кровати; одна побольше под пологом служила постелью для Петра, другая поменьше (рама) предназначалась, вероятно, для камердинера. Надо полагать, что этим камердинером в 1714 и 1715 годах был питомец и любимец Петра Абрам Петров — в будущем генерал и обер-комендант города Ревеля Абрам Петрович Ганнибал.

---

³⁹ В. Козлов. Когда родился прадед Пушкина Ганнибал? Фаворит старшей сестры Петра царевны Софьи Алексеевны князь В. В. Голицын, после падения правительницы Софьи и заточения ее в монастырь, был сослан Петром в 1698 г. в Пустозерский острог. Вторая поездка Петра I в Архангельск, о которой упоминает Алексей Петров, состоялась в 1702 г.

⁴⁰ Энциклопедический словарь. Изд.: Ф. А. Брокгауз и И. А. Ефрон, т. VIII, кн. 15. СПб., 1892, с. 87.

АБРАМ ПЕТРОВ ВО ФРАНЦИИ

(1717—1722)

Петр I, приступив с присущей ему энергией к европеизации России, нуждался прежде всего в образованных помощниках, необходимых ему для проведения в государстве преобразований и реформ. После первой своей поездки в 1697—1698 годах в Германию, Голландию и Англию и личного знакомства с западноевропейскими порядками он стал посылать за границу способных молодых людей для обучения их разным прикладным наукам¹.

В 1716 году Петр отправился вторично в длительное заграничное путешествие и взял с собой своего камердинера Абрама Петрова. Будучи с 26 апреля по 9 июня 1717 года в Париже, Петр оставил там из своей свиты двоих: Алексея Юрова — для обучения гражданским и политическим наукам, и Абрама — фортификации и артиллерии, «главнейше же инженерству»².

Сам А. П. Ганнибал пишет об этом следующее:

«... а в 1717 году (государь) изволил своим несравняемым в свете милосердием меня оставить во Франции для обучения военных дел. Того ради сей монарх, великий отец отечеству, изустно меня рекомендовать изволил дюку Дюмену³, принцу Домеру⁴ и великому генералу

¹ Интересно отметить, что Петр I поспешил использовать с этой целью также учебные заведения в завоеванной Прибалтике. Так, после капитуляции в 1710 г. Ревеля он отправил в следующем 1711 г. в Ревельскую гимназию 30 юношей для обучения их иностранным языкам (см.: Landrath Wrangells Chronik von Ehstland. Dorpat, 1845, S. 109).

² И. И. Голиков. Деяния Петра Великого..., т. XV, с. 157.

³ Дюк Дюмен — это Людовик Август Бурон, герцог Менский (1670—1736), сын Людовика XIV и г-жи Монтеспан (1641—1707), легитимированный в 1673 г. Во время визита Петра I в Париж он был членом регентского совета при малолетнем короле Людовике XV.

⁴ Принц Домер — это, видимо, князь Домбский (1700—1755), старший сын герцога Менского.

фельдцейгмейстеру Франции⁵, сыну натуральному славного короля французского Людовика великого, где я имел честь быть в службе от 1717 году и дослужился до капитанского рангу, на которые ранги и имею патенты за рукою его королевского величества Людовика 15 от начала моей службы»⁶.

В одном из своих писем из Парижа в Петербург к кабинет-секретарю царя А. В. Макарову Абрам пишет: «Его императорское величество... по отъезде своем изволил нам с Алексеем Юровым из уст своих сказать, что ежели мы будем моты или в тюрьму попадем, то б нам не иметь никакой милости от его величества для нашей выкупки. Потом изволил сказать: ежели мы будем прилежно учиться, также чтоб иметь доброе житье, то я вас не оставлю»⁷.

О пребывании своего прадеда во Франции А. С. Пушкин рассказывает в повести «Арап Петра Великого» и в своей автобиографии. В последней он пишет об этом следующее:

«До 1716 году Ганибал находился неотлучно при особе государя... потом послан был в Париж, где несколько времени обучался в военном училище, вступил во французскую службу, во время испанской войны был в голову ранен *в одном подземном сражении* (сказано в рукописной его биографии) и возвратился в Париж, где долгое время жил в рассеянии большого света. Петр I неоднократно призывал его к себе, но Ганибал не торопился, отговариваясь под разными предлогами. Наконец государь написал ему, что он неволить его не намерен, что предоставляет его доброй воле возвратиться в Россию или остаться во Франции, но что во всяком случае он никогда не оставит прежнего своего питомца. Тронутый Ганибал немедленно отправился в Петербург. Государь выехал к нему навстречу и благословил образом Петра и Павла, который хранился у его сыновей, но которого я не мог уж отыскать... Это было в 1722 году»⁸.

Немецкий биограф А. П. Ганнибала пишет об этом периоде его жизни:

⁵ Здесь подразумевается первый генерал-инспектор французской артиллерии Жан Вальер (1667—1759).

⁶ Библиотека АН СССР. Отдел рукописной и редкой книги. Основное собрание, 17. 14. 4.

⁷ П. Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом, т. I, с. 166.

⁸ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. 8, с. 78—79.

«Император Петр Великий с удовольствием видел растущие успехи своего крестника в знаниях и науках; для усовершенствования соответственно обстоятельствам тогдашнего времени послал он его с значительной стипендией и особыми рекомендациями к тогдашнему регенту Франции герцогу Орлеанскому с горячей просьбой взять на себя наблюдение за ним; там он полностью закончил в дворянском военном училище свою военную подготовку, особенно же изучение математики при великом Белиоре; произведенный оттуда в офицеры артиллерии, он затем участвовал в войне за испанское наследство во всех походах в чине капитана артиллерии; тогда же он был использован и в инженерном деле в минных галереях, участвуя здесь в подземных сражениях; при этом однажды был сильно ранен в голову и в конце концов взят в плен.

Петр Великий тем временем неотступно следил за ним, замечая все его деяния. Если государь его и прежде любил почти отечески, то вследствие его хорошей славы, отзывов об усердии, способностях и поведении стал к нему милостивее, желая использовать в собственной службе своего питомца, в воспитании коего он заложил фундамент, он его вызвал по истечении 6 или 7 лет обратно.

Однако заметные преимущества, которые Франция в то время имела перед Россией, тогдашняя роскошь двора и даже климат, более благоприятный природе африканца, представляли для него столько неотразимой прелести, что он не сразу последовал вызову на север и в течение еще двух лет отговаривался то еще неполным освоением всех математических наук, то плохим состоянием здоровья, и все откладывал свое возвращение. Настоящая причина этой проволочки не могла укрыться от проницательности государя. Он написал регенту, что Ганнибала к своей службе не неволит и настоящим предоставляет ему полную свободу действовать по собственной совести и доброй воле. Герцог показал ему письмо государя. — Это вновь оживило в нем признательность, и его благодарность к своему лучшему благодетелю заставила его сейчас же благодарить (французов) за всю честь и милости, которые он испытал на французской службе. Он подал в отставку и поспешил к своему государю, чтобы верноподданнически представиться для возобновления службы. Получив известие об его приближении, государь со своей супругой, императрицей Екатериной, поехал ему

навстречу из Петербурга до Красного Села, на 27-ю версту, а затем назначил его на 28-м году капитан-лейтенантом бомбардирской роты лейб-гвардии Преображенского полка; в последней каждый правящий монарх всегда сам является капитаном, и потому Ганнибал по своей должности имел ежедневный верный случай часто говорить со своим капитаном, без предварительного доклада»⁹.

Сам Ганнибал в своей автобиографии говорит о пребывании во Франции очень коротко следующее:

«По нескольких же летах по Высочайшей Его Императорского Величества милости послан я был для наук в чужие края и по Всемиловейшему Его Императорского Величества соизволению был в службе Его Королевского Величества Французского в Лейб-Гвардии Капитаном, и потом паки выехал в Россию...»¹⁰

Сравнивая рассказ А. С. Пушкина о пребывании Ганнибала во Франции с текстом немецкой биографии, мы видим, что в основном Пушкин придерживался этой биографии, прибавив к ней лишь несколько подробностей, взятых, очевидно, из семейных преданий (обучение в военном училище в Париже, благословение Петром Ганнибала в 1722 году при возвращении из Франции иконой Петра и Павла). Однако и некоторые сведения немецкой биографии противоречат историческим фактам, а некоторые являются явно приукрашенными. Напомним характеристику этой биографии, приведенную в 1899 году Д. Н. Анучиным: «Данные ее подтверждаются, в главных чертах, и другими источниками, только при составлении ее, очевидно, имелось в виду выставить в наиболее благоприятном свете родоначальника Ганнибалов и умолчать о некоторых нежелательных подробностях»¹¹.

Ниже укажем на некоторые ошибки в описаниях пребывания А. П. Ганнибала во Франции, встречающиеся как у Пушкина, так и у других авторов, пользовавшихся в своих статьях пушкинскими материалами.

Прежде всего не соответствует действительности утверждение немецкой биографии, будто Петр I послал Абрама во Францию учиться «с значительной стипендией». Из приведенного выше отрывка письма Абрама

---

⁹ Рукою Пушкина, с. 46—47 и 53—54.

¹⁰ Там же, с. 864.

¹¹ Д. Н. Анучин. А. С. Пушкин, с. 10.

мы видели, каким образом был он оставлен в Париже Петром в июне 1717 года. Противоречит истине и замечание Пушкина в «Арапе Петра Великого», что Петр, «крайне бережливый в собственных своих расходах, не жалел для него своей казны, присовокупляя к червонцам отеческие советы»¹².

Академик П. П. Пекарский нашел в Государственном архиве, в делах Кабинета Петра Великого, и опубликовал в своем капитальном труде «Наука и литература в России при Петре Великом» ряд писем из Франции Абрама, Юрова и Резанова, рисующих тяжелое материальное положение командированных во Францию молодых людей¹³. В своем обобщающем комментарии к этим письмам Пекарский характеризует общее положение петровских учеников за границей следующим образом: «Говоря о русских, учившихся за границей во времена Петра Великого, невозможно пройти молчанием обстоятельства, несомненно бывшего важным препятствием тому, чтобы наша молодежь могла приобретать там основательные знания — это недостаток в материальных средствах и вообще крайняя беззаботность, по милости которой молодые русские оставались в отдаленных краях совершенно на произвол судьбы, без всякой почти помощи. Конечно, в этом никто не решится обвинять Петра Великого: он везде и всюду должен был работать за всех, без устали, часто не имея ни днем, ни ночью покоя. Исполнители его воли, за весьма редкими исключениями, делали только то, что им наказывал или подтверждал царь, а он, при разнообразии занятий, при многочисленности замыслов, которые ему хотелось осуществлять, легко мог не помнить о подтверждениях раз данных им приказаний. Неудивительно поэтому, что бедные молодые люди, заброшенные «для науки» по разным городам Европы, нередко терпели нужду и всевозможные лишения от недостатка заботливости о них»¹⁴.

В дополнение к письмам, приводимым в труде П. П. Пекарского, правнучка Абрама Петровича, Анна Семеновна Ганнибал, разыскала в Государственном архиве Министерства иностранных дел еще 7 писем

---

¹² А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. в 10-ти тт. 2-е изд., т. 6. М., 1957, с. 9.

¹³ П. Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом, т. I, с. 163—167, 242.

¹⁴ Там же, с. 163.

Абрама, отправленных в 1722 году из Парижа к А. В. Макарову, и опубликовала 5 из них в сборнике «Пушкин и его современники»¹⁵. Из этих писем видно, что кроме денежных дел Абрам Петрович хлопотал и о том, чтобы получить от Петра I разрешение остаться еще на один год во Франции для окончания курса в военной школе.

В 1715 году Петр послал во Францию одного из своих доверенных лиц, капитан-поручика Конона Зотова¹⁶, которому поручил «сыскать все, что ко флоту надлежит, на море и в портах»; вместе с тем он должен был следить за тем, как обучаются командированные туда ученики. В 1717 году К. Зотов доносил через А. В. Макарова о русских гардемаринах, обучающихся морскому делу во Франции, следующее:

«Приняли их в гардемарины весьма ласково и охотно; только прискорбна душа моя даже до смерти, смотря на их нищету... для чести государевой, я от своей ревности роздал парик, кафтан, рубахи, башмаки и деньги. Желал бы сам быть палачом и четвертовать того, который на смех вас обнадеживал, что здесь гардемаринам хорошее жалованье и мундир и квартиры. На день им идет по 12 коп. только, и больше нет ни мундиру, ни квартир. Так мне прискорбно, что легче бы было видеть смерть перед глазами моими, нежели срамоту такую нашему отечеству, и лучше бы их перебить, что поросят, нежели ими срамиться и их здесь с голоду морить. Многие хотят в холопы идти, только я их стращаю жестоким наказанием, истинно против своей совести, ибо знаю, что худо умирать с голоду. Надобно одноконечно им присылать по 300 ефимков в год хотя из казны»¹⁷.

В подобном же приблизительно положении оказался питомец Петра I арап Абрам. В подтверждение этого приведем некоторые из писем Абрама и Юрова. За пять с половиной лет пребывания во Франции ими отправлено в Петербург четырнадцать писем:

— Юрова и Абрама к царю 5 марта 1718 года,

— Абрама к Макарову 11 марта 1718 года,

---

¹⁵ А. Ганнибал. Ганнибалы. Новые данные для их биографии, I. — В сб.: Пушкин и его современники. Материалы и исследования, вып. XVII—XVIII. СПб., 1913, с. 208—216.

¹⁶ Конон Зотов, впоследствии контр-адмирал, был одним из сыновей Никиты Зотова, воспитателя Петра I.

¹⁷ М. Вегнер. Предки Пушкина, с. 26.

- Абрама к Макарову 8 октября 1718 года,
- Юрова к Макарову в конце 1718 года,
- Юрова и Абрама к царю 24 октября 1718 года,
- Юрова к царю 1 ноября 1718 года,
- Юрова и Абрама к царю 24 декабря 1718 года,
- Абрама к Макарову 5 февраля 1722 года,
- Абрама к Макарову 16 февраля 1722 года,
- Абрама к Макарову 24 февраля 1722 года,
- Абрама к Макарову 5 марта 1722 года,
- Абрама к Макарову 18 марта 1722 года,
- Абрама к Макарову 25 марта 1722 года,
- Абрама к Макарову 11 апреля 1722 года¹⁸.

Как видим, уже через девять месяцев после отъезда из Парижа царя начались жалобы их на тяжелое материальное положение, с просьбами об увеличении содержания. Эти письма имеют важное документальное значение. Они показывают, в каком положении фактически жил во Франции А. П. Ганнибал, где и чему он учился, чего достиг на французской службе. Письма эти помогают также выявить несостоятельность некоторых выдуманных впоследствии «приукрашений».

Первое письмо к Петру I от Юрова и Абрама:

«Всемиловитейший государь! На что себя определили по желанию нашему, и мы оное управить с совершенным прилежанием, яко должность наша повелевает, вашему величеству обещаем, дабы могли удостоиться вашего милостивого покрову. Того ради, не имея никакой надежды, ниже какое заступление, опричь единого вашего величества призрения, молим всепокорнейше о призрении нашего убожества и определить нас своим государевым жалованьем, которым бы нам можно прожить здесь без долгов. Истинно, яко самому Богу, верно доносим, что в сих странах не можно прожить двема стами сорокью ефимками французскими без всяких прихотей. Умилосердись, государь, не учини нас отчаянными исполнить и исполнять по желанию, по должности и по обещанию нашему к вашему величеству. Мы не посмеем определить сумму, но полагаемся на ваши царские и отеческие щедроты и на верное об нас доношение г. капитан поручика Конона Зотова. И тако, ожидая оногo призрения, пребываем вашего величества сыны и рабы

¹⁸ П. Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом, т. I, с. 164—167; А. Ганнибал. Ганнибалы, I, с. 207—216.

препокорнейшие и вернейшие — Алексей Юров. Абрам. Из Парижа в 5 д. марта 1718 года»¹⁹.

Кроме этого, Абрам писал к кабинет-секретарю царя А. В. Макарову следующее:

«Мой премилостивый государь Алексей Васильевич, мой государь! Прошу вас, моего государя, нас чтоб не оставить в такой бедности, и здесь приложить свое милосердие в прощении к его величеству об нас бедных презря все мое глупое, младые поступки к себе показанной и явить над нами свое милосердие отеческое, яко над детьми своими, чтоб нам не пропасть в нищете здешнем. Во истину, мой государь, не можем пропитаться определенными 240 ефимками французскими, и о чем писали его величеству, при том просим и ваше милосердие. При сем остаюся вам, моего государя, слуга Абрам. Париж 11 марта 1718 года»²⁰.

8 октября 1718 года Абрам и Алексей Юров опять обращаются к А. В. Макарову с просьбой о присылке денег:

«... На плечах ни кафтана, ни рубашки почитай нет, мастера учат в долг. Просим по некоторому числу денег, чтобы нам мастерам дать, но наше прошение всегда вотще...»

1 ноября 1718 года Алексей Юров шлет Петру I следующее письмо:

«Всемиловивейший царь и государь! Не здравый ищет врача, но болящий: как я уже конечно нахожуся внешна и внутренно скорбяща, не имеяй иного дохтора, ни лекарства, разве высокою вашего величества милостию исцелити бедность мою можете. Ей, всемиловивый государь, в крайней нищете уже есмь, и препятствует много бедность наша вам угодное по желанию нашему исполнить, ибо вся науки за ничто здесь не даются, но всякая заплата своей требует. Я никогда не забуду милостивого указу вашего величества, который при отъезде вашем из Парижа нам дан устно не так как рабам, но как детям своим, дабы не попасться в тюрьму. Но я воистину сего боюся, не ради мотовства, ни гулянья, но ради бедности нашей скорей может статья, ибо милостиво определенным жалованьем вашего величества защитить себя двема стами ефимками французскими ни по которому образу не возможно. Умилосердися, великий государь, над бедностью нашею по обыкновенной своей

¹⁹ Исторические статьи М. Д. Хмырова, с. 9—10.

²⁰ Там же, с. 10.

высокой милости, повели прибавить вашего государева жалованья! Призри, милостивый государь и отче, слезно вопиющих к тебе, которые не имеют иныя надежды, ни прибежища, ни заступника, кроме вашего величества! Истинно, не гипокрицким образом простираем прошение, но слезным, а будем ожидать высокой нам милости вашего величества, всемилостивейшего нашего царя и государя всенижайший раб Алексей Юров.

Из Парижа, ноября 1 дня 1718 года»²¹.

Но помощи, видимо, не было, и 24 декабря того же 1718 года Абрам и Юров снова шлют в Петербург слезное прошение о прибавке им денег на содержание:

«Всемилоостивейший Царь Государь

По многом нашем слезном вопле паки Ваше Величество трудить кровно принуждены о прибавке вашего Государева жалования. Истино, Всемилоостивейший Государь, мучимся совестью нашею, чтобы за такую нашу бедностию не упустить времени; умилоостердися, Всемилоостивейший Государь, утверди высокую вашу Государевую милостию то, за что ухватились, дабы из рук нам не упустить. Мы видим, колико миллион душ питаются милостивым призрением Вашего Величества и все радуются, как и мы оною милостию воспитанны; порадуй, Всемилоостивейший Государь, истинно скорбящих, повели прибавить вашего Государева жалованья, а нам Сава Рагузинский здесь дает через своего кореспондента толко по 200 рублей, которыми не токмо пропитатися, ни от долгов себя защитить невозможно.

Всемилоостивейший Государь
Вашего Величества всенижайшие рабы
Алексей Юров, Абрам.

Декабрь 24 1718 г.
Из Парижа»²².

Другой русский, также бывший с ними в одно время в Париже, Гавриил Резанов, был менее терпелив и написал 20 февраля 1719 года А. В. Макарову такое письмо:

«Государь мой Алексей Васильевич! Его величество желает, чтобы мы учились наук, в которые мы определены, и воля б его величества была исполнена, если бы

²¹ П. Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом, т. I, с. 164—165.

²² А. Ганнибал. Ганнибалы, I, с. 207.

ваше призрение было; чего я до нынешнего времени не вижу. Уже шесть месяцев прошло, что я к вам пишу беспрестанно и прошу, чтоб перевели мое жалованье на июнскую половину 1718 года, а от вас ничего не вижу ни жалованья, ни переводите, ни ответствуете. И если бы ваше желание было, чтоб воля государева исполнялась, тоб вы рассудили, что у меня никакова промысла нет, чем бы я мог кормиться и деньги наживать на содержание мастеров. И бывши такое долгое время не получаючи его величества мне жалованья, не могу я инак быть, как нищим, чего вы не рассуждаете и оставляете нас бедных здесь, как бы скотину. И во истинно уже пришли так, что пить-есть нечего, а мастерам платить и поготова (?), чего ради принуждены им отказать, для того что в долг не хотят верить. Сего ради, прошу вас еще, чтоб пожаловали перевели мое вышеписанное жалованье, такожде и на январскую половину 1719 года без отложения, чтоб я мог исполнить волю государеву и окончити науку свою и время свое не терял»²³.

Заслуживает внимания обстоятельство, что в 1719, 1720 и 1721 годах от Абрама писем из Франции в Петербург не поступало. Чем это объяснить? Стали ли аккуратнее поступать ему деньги на содержание и обучение наукам, или причину этого явления следует искать в чем-либо другом? Как увидим дальше, годы эти приходятся на время службы Абрама во французской армии добровольцем (волонтером), участие его в военной экспедиции против Испании (1719), а затем на учебу в военном училище в городе Ла-Фере (1720—1722). Материальное положение Абрама при этом должно было улучшиться, так как содержание волонтеров оплачивалось государством, а офицеры получали твердую ставку по должности, которую занимали. Поэтому в эти годы ему, видимо, не было причин жаловаться «на бедность». О службе во французской армии «для лучшего учения» Абрам извещает А. В. Макарова задним числом, весной 1722 года, а об участии в войне против испанцев и во все умалчивает, опасаясь, возможно, гнева Петра за проявленную инициативу, не получив на этот шаг предварительного разрешения царя.

В январе 1722 года князь В. Л. Долгорукий, русский посланник в Париже, объявил ученикам, посланным во

²³ П. Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом, т. I, с. 165.

Францию, приказ царя возвратиться в Петербург морем весною того же года. Абрам по этому поводу писал А. В. Макарову:

«Париж 5 февр. 1722 г.

Государь мой милостивый,

Светлейши князь объявил всем сдес указ Его Императорское Величества, да бы нам ехат на весну в Питербурх. Но я готов исполнять волю Его Величества, токмо прошу вас, моего государя, доложить Императорскому Величеству, что я не морской человек; вы сами, мой Государь, изволите ведать, как я был на море храбр, а ноне пуще отвык. Моя смерть будет, ежели не покажут надо мною милосердие Божеское, понеже светлейши князь сказал, что морем ехат всем. Ежели Императорское Величество ничего не пожалует, чем бы нам доехат в Питербурх сухим путем, то рад и готов пешком итти.

Р. S. прошу донести Цесарскому Величеству что я был в службе здес порутчиком инженерским, в котором полку я служил полтора года учеником. Понеже сделали здес школу новую для молодых инженеров в 1720 году, в которую школу не принимали иностранных, кроме тех, которые примут службу французскую, но я надеялся, что не будет противно Его Величеству, что я принял службу для лутчего учение, иежели Его Величество изволит повелит мне пребыть сей год для учение, понеже мы зделали сами без мастеров город для учение атакое разных, также и для подкопов.

Ежели вы разсудите за благо сие мое прошение, чтоб меня оставит на год здес, также чтоб не противно было Его Величеству, то прошу вас, моего милостиваго государя и отца, чтобы доложить.

Ежели вы призрите, что будет противно Его Величеству мое прошение, то не изволте упоминать: я готов ехать с тем, что могу знать и что учил, токмо прошу Христа ради и Богородицы, чтоб морем не ехат.

О школе, о котором я вам доносил, — и она не здес, около Парижа, токмо сто мил в ростояни от Парижа. Но ко мне писали, чтоб приехат в Париж, — и я сегодня приехал.

Светлейши князь указ обявил, чтоб ехат в Петербурх; я чаю, что Его Светлость писал к двору об моем прошении, чтоб меня оставит на год здес.

Ежели вы предвидите, что сие будет противно Императорскому Величеству, вы меня поволите по своей отеческо милосердие меня охранить от гневу Его Величества и чтоб не упоминать ничего об моем прошени, что я просил, чтоб здес остатся.

Мой Милостивый Государь

батюшка Алексей Васильевич, хотя единую строчку прикажи отписать сюда х кому изволите, что будет обо мне указ и чтоб мне не упоздать от других,

ваш все послушны
и верны слуга Абрам»²⁴.

Не дожидаясь ответа, Абрам 16 февраля 1722 года пишет опять Макарову, чтобы повелели ему ехать в Россию сухим путем, а не морем, и снова просит разрешения остаться во Франции до конца 1722 года:

«Ежели Его Императорское Величество повелит мне еще пребыть здес нынешней год, чтоб мне видет хотя малую практику, понеже в оной школе инженерской нарочно зделали город земленой, которому будем в нынешнем году приступ делать, шанцы вести, подкопы копать и протчае, что из практике принадлежит знат. Прошу вас, моего государя, приказать мне отповед дат, чтоб мне время не утратить, живучи здес, понеже я приехал в Париж из моего гарнизона, которой от Парижа 100 мил расстояния.

... И у меня надежды никакой боле нет, кроме Бога и Его Величества, а учение мое и житие всем руским здес известно и особливо ведает господин Зотов и Туволков, когда они были в Париже, то во истенно, что я никуда по неделе и по две с двора моего не выходил и старался об учении моем, как возмог, и чего не мог выучить, истенно не от нерадения моего, но токмо разве за недостатком моего разума, а более за денгами: денги здес дают много знат»²⁵.

Чем объясняется боязнь Абрама возвращаться в Россию морским путем (через Северное море и Балтику)? У Д. Д. Благого есть известие о том, что Петр I в 1717 году, на пути из Голландии во Францию, отправил своего камердинера Абрама с несколькими людьми из obsługi вперед себя, из Кале в Париж, для необходимых приго-

²⁴ А. Ганнибал. Ганнибалы, I, с. 208—209.

²⁵ Там же, с. 210.

товлений. Во время переезда из Кале морем во Францию корабль, на котором ехал Абрам, видимо, попал в жестокий шторм, после чего он испытывал панический страх перед всяким морским путешествием²⁶.

Однако известие Д. Д. Благого о морском путешествии не подтвердилось. Из Кале Абрам действительно по распоряжению Петра отправился 18 апреля с 6 служителями в Париж, но ехали они туда перед царским поездом, сухим путем по маршруту Булонь—Монтрей—Абевиль—Бове—Бомонт—Париж, куда и прибыли 26 апреля 1717 года. В дороге всех их приказано было «кормить и квартиры платить из денег его величества»²⁷.

В письме от 5 марта 1722 года Абрам жаловался Макарову, что они во Франции умирали с голоду, так как жалованье получали бумажными деньгами, которые тогда упали в цене:

«...Мы здесь все в долгу не от мотовства, но от бумажных денгах, о чем вы, я чаю, известны чрез графа Мусина-Пушкина, какое здес житие было здешними денгами, и ежели бы здесь не был Платон Иванович, то бы я умер с голоду: он меня по своей милости не оставил, что обедал и уженал при нем по вся дни. Мой Милостивый Государь, я надеюсь, что Его Императорское Величество оставить меня не прикажет, понеже по отезде своем изволил нам с Алексеем Юровым из уст своих сказать, что ежели мы будем моты или в тюрьму попадем, то бы нам не имет никакого милости от Его Величества для наше выкупки, потом изволил сказать, ежели мы будем прилежно учиться, также чтоб имет доброе житие, то я вас не оставлю ее. И я вам, мой государ, доношу, что всем руским известно, какое я имел старание к моеи учени: искал всякое оказие, где бы можно лучше учиться, также и принял службу, чтоб лучше знат мое дело, где не примали никакого иностранных, кроме тех, которые службу примут во Франции, то ли я выслужил, живучи при Его Величестве 17 лет, выгоняют отсюда, как собак, без денег, хотя бы на подем не давали, да пожаловали бы дать нашу жалования годовое: я бы с тем поехал, ежели не достанет, то бы милостину стал бы просить дорогой, а морем не поеду, воля Его Величества»²⁸.

²⁶ Д. Д. Благой. Абрам Петрович Ганнибал — арап Петра Великого, с. 76.

²⁷ Н. Малеванов. Прадед поэта, с. 158.

²⁸ А. Ганнибал. Ганнибалы, I, с. 211—212.

Князь В. Л. Долгорукий со своей стороны поддерживал разумное желание учеников доучиться наукам во Франции. В письме к кабинет-секретарю Макарову он писал 9 марта 1722 года из Парижа:

«...Прежде сего изволил ты ко мне писать, чтоб разнаго народа, которые присланы сюда для разных наук, отправить в отечество. Я о том мыслил и за потребно рассудил мнение мое донести, которые здесь учатца теологии, я мню напрасно толко от них убыток, которой от начала до ныне понесен: той науке могли бы выучитца и в России, не вывозя денег в здешние краи и, конечно, надлежит их весною отправить... Которые учатца другим наукам, держав их столько лет в здешних краях и понещи убыток, а выслать из недоучас, оне будут ни ученики, ни мастера, толко напрасно пропадет убыток, которой от них понесен, того для не повелит ли Его Императорское Величество дать им время те их науки здесь оқончатъ, как Аврам мне сказал, что ему нужно от сего времени еще год жить, чтоб гораздо видеть практику»²⁹.

Наконец деньги прибыли, просьба возвращаться в Россию сухим путем была Петром уважена, и 11 апреля 1722 года Абрам писал Макарову:

«Я зело благодарствую вам, моему Милостивому Государю, что приказали перевест денег мне, которые мы получили сего 11-го дня сего месяца, также, чтоб мне ехать с его светлостью (князем В. Л. Долгоруким) в Питербурх»³⁰.

Затем следует просьба об уплате долгов, сделанных им по случаю падения курса бумажных денег, и кончается письмом следующим пожеланием:

«Пожалуй, мой Милостивой Государь, прикажи надо мною показат милост свою, чтоб я не был оставлен, а что мне велено ехать с Его Светлостью, и о том прошу вас, моего государя, чтоб к нему отписат, пока он изволит здесь жить в Париже, чтоб меня приказал поит и кормит у себя, чтоб мне опять в долг не входить, понеже я не имею за душою единую копейку, а он сказал: хотя де с голоду умирайте — у меня вам нету хлеба, а мне де на то указу нет, чтоб вас кормит; также, чтоб в дороге нас не оставил, чтоб нас приказал вести на своих (лошадях) и кормить дорогою, чтоб с голоду не помереть»³¹.

²⁹ А. Ганнибал. Ганнибалы, I, с. 212—213.

³⁰ Там же, с. 215.

³¹ Там же, с. 215—216.

Из приведенных писем видно, что материальное положение Абрама, как и других командированных во Францию юношей, было незавидным. Назначенная на содержание сумма в 240 «ефимков французских» в год была невелика³². Деньги высылались из Петербурга неаккуратно, шли разными путями и часто запаздывали. В связи с финансовым кризисом во Франции были выпущены бумажные деньги, и в результате обмена серебряных «ефимков» Абрам много терял по курсу. В силу этих обстоятельств ему приходилось бедствовать уже с первого года пребывания во Франции. Позднее, чтобы облегчить свое материальное положение и вместе с тем получить право на поступление в военную школу, Абрам поступил на французскую военную службу. Это должно было, с одной стороны, значительно смягчить материальные затруднения, а с другой — дать возможность основательно изучить артиллерийские и фортификационные науки.

При всем этом необходимо иметь в виду, что Абраму пришлось затратить немало усилий на изучение французского языка, которого он ранее не знал.

Встречающееся у А. С. Пушкина сообщение о том, что Абрам обучался в военном училище в самом Париже, не отвечает действительности, так как в столице Франции в те годы военного училища не было. Генерал Вейган в своей «Истории французской армии» пишет, что первое военное училище в Париже было открыто лишь в 1751 году.

В письмах к А. В. Макарову от 5 и 16 февраля 1722 года Абрам пишет, что новая военная школа, в которой он учится с 1720 года, находится в 100 милях от Парижа. Места он не называет, но надо думать, что это была артиллерийская школа, основанная в Ла-Фере действительно около 1720 года. В этой школе Абрам учился математике, фортификации и артиллерии под руководством известного ученого профессора Бернара Фореста де Белиора (1697—1768), о чем упоминается и в немецкой биографии А. П. Ганнибала.

В биографических статьях об А. П. Ганнибале рассказывается об его участии в рядах французской армии во франко-испанской войне, о его ранении и захвате в

---

³² Эти «ефимки французские» были экю — серебряная монета весом 29,35 г.

плен испанцами. При этом одни биографы относят это к войне за Испанское наследство или просто к «войне гишпанской» без определения даты (немецкая биография, Пушкин, Бантыш-Каменский, Языков, Шмурло); другие указывают различные не совпадающие друг с другом даты: 1718 год — у Миниха; 1719 год — у Хмырова, в «Русском биографическом словаре», у Модзалевского и Вегнера; 1720 год — у Долгорукова и Лонгинова. Не говорят об участии Ганнибала в войне «Русская Энциклопедия» (1911) и «Большая Советская Энциклопедия» (1952); не упоминает об этом и сам Ганнибал ни в письмах из Франции, ни в своей автобиографии и формулярном списке. Где правда? Мог ли он участвовать в военных действиях и когда именно?

Обратимся к справочникам по истории европейских государств в XVIII веке. Как известно, война за Испанское наследство, в которой король Франции Людовик XIV хотел отвоевать от так называемой большой коалиции европейских держав испанскую корону для своего внука Филиппа Анжуйского, началась в 1701 году и закончилась в 1713 году Утрехтским и в 1714 году Раштаттским миром. Абрам же, как мы видели, приехал с Петром I во Францию в 1717 году, — т. е. спустя три года после окончания этой войны. Следовательно, в ней участвовать он не мог.

Однако через несколько лет начались раздоры между прежними союзниками, — на этот раз в несколько другой обстановке. В августе 1718 года в Гааге образовался четверной союз в составе Англии, Франции, Австрии и Голландии, направленный против Испании, не пожелавшей выполнять условия Утрехтского договора и стремившейся восстановить свое подорванное могущество. Летом 1717 года Испания напала на Италию, флот ее захватил Сардинию, а в 1718 году Палермо и Мессину. Но затем в ходе военных действий наступил перелом. В августе 1718 года английский адмирал Бинг уничтожил испанский флот у берегов Сицилии, а в следующем году французские войска под командованием маршала Джемса Бервика вторглись в северную Испанию, где осадили и завладели городами Фуэнтерабия, Сан-Себастьян и Ургел. В конце 1719 года Испания капитулировала и подписала в январе 1720 года соглашение с державами четверного союза.

А. П. Ганнибал, будучи в это время волонтером в инженерном полку французской армии, имел реальную

возможность участвовать вместе с полком в осаде названных выше испанских городов, где отличился, был ранен в голову и за храбрость произведен в лейтенанты, как об этом пишет в своих мемуарах князь П. В. Долгоруков³³. В упомянутом докладе фельдмаршала Б. Х. Миниха императрице Анне прямо указано, что Ганнибал «служил в тамошней военной службе и тамо в 1718-м году при атаке города Фонтараби ранен тяжело на голове в двух местах»³⁴. Ошибка здесь только в годе: осада и взятие Фуэнтарабии на берегу Бискайского залива происходили, как мы видели, не в 1718 (Миних) и не в 1720 (Долгоруков), а в 1719 году.

Единственным из известных нам биографов, кто в прошлом несколько подробнее коснулся этого события в жизни прадеда поэта (без указания источника, откуда почерпнуты сведения), был М. Д. Хмыров. Он пишет: «Между тем, с наступлением 1719 г., Испания и Франция объявили одна другой войну, маршал Бервик повел французскую армию к границам испанским — и Ганнибал, вступив в ряды этой армии, инженерным учеником, участвовал при взятии французами Фонтарабии и Сан-Себастиана, был ранен «в подземной войне» (в траншеях) и, за отличие, награжден чином инженер-поручика»³⁵. Как мы видели, рассказ Хмырова отвечает фактам:

Из письма Абрама к А. В. Макарову от 11 апреля 1722 года видно, что ему вместе с денежным переводом передали приказание Петра I вернуться в Россию вместе с русским посланником в Париже князем Василием Лукичем Долгоруким. В этом письме Абрам просит распоряжения об уплате долгов его, сделанных в связи с падением курса французских бумажных денег. 16 октября 1722 года Петр I из Астрахани (на обратном пути из персидского похода) дал следующее указание канцлеру графу Гаврилу Ивановичу Головкину:

«Писали сюда из Парижа Абрам арап, Гаврило Резанов и Степан Коровин, что они по указу в свое отечество ехать готовы, токмо имеют на себе долгу каждый ефимков по 200: да сверх того, им всем надобно на проезд 300

---

³³ Mémoires du prince Pierre Dolgoroukow, t. I, p. 245.

³⁴ Н. А. Малеванов. «Петра питомец» А. П. Ганнибал, с. 192.

³⁵ Исторические статьи М. Д. Хмырова, с. 11.

ефимков. Того для те деньги, как на оплату долгов, так и на проезд их, по приложенной при сем ассигнации, взяв от соляной суммы, переведите в Париж к послу, кн. Долгорукову, а буде он уже выехал, то кн. Александру Куракину, и отпишите, чтобы их немедленно оттоль отправил в Петербург»³⁶.

В начале января 1723 года князь В. Л. Долгорукий выехал из Парижа в Россию, а вместе с ним и отставной капитан французской армии Абрам Петров.

Известно, что Абрам вывез из Франции порядочную по тому времени библиотеку, содержащую около 400 томов. В ней, кроме книг математических и технических, были сочинения исторические, географические, философские, политические, литературные³⁷. Это позволяет судить о разнообразии умственных интересов Абрама, получении им во Франции не только хорошей специальной, но и некоторой общей подготовки. Не известно только, на какие средства он купил эти книги, которые в совокупности стоили немалых денег. Надо думать, что при весьма скромном образе жизни Абраму все же удалось скопить некоторую сумму. С тех пор, как он стал получать регулярно месячный оклад французского офицера, он, видимо, имел возможность откладывать часть денег из тех, что приходили с запозданием из Петербурга. У букинистов в Париже можно было купить по недорогой цене книги самого разнообразного содержания. Абрам знал, что возвращение из Франции с такой библиотекой будет высоко оценено Петром I, который очень заботился о пополнении библиотек в своей северной столице.

Возвращение Абрама немецкая биография описывает следующим образом:

«Он подал в отставку (во Франции) и поспешил к своему государю, чтобы верноподданнически представиться для возобновления службы. Получив известие об его приближении, государь со своей супругой, императрицей Екатериной, поехал ему навстречу из Петербурга до Красного Села, на 27-ю версту...»³⁸

А. С. Пушкин, передавая в сокращенном виде этот рассказ, прибавляет:

«Государь выехал к нему навстречу и благословил

³⁶ П. Пекарский. Наука и литература в России при Петре Великом, т. I, с. 242.

³⁷ А. Ганнибал. Ганнибалы, I, с. 231—234.

³⁸ Рукою Пушкина, с. 47 и 54.

образом Петра и Павла, который хранился у его сыновей, но которого я не мог уж отыскать... Это было в 1722 году»³⁹.

В действительности ничего этого не было. И не могло быть по той причине, что Петр I находился с 18 декабря 1722 года по 23 февраля 1723 года в Москве⁴⁰. В Москву и прибыл из Франции 27 января 1723 года князь В. Л. Долгорукий вместе с Абрамом⁴¹. А. С. Пушкин, как видим, ошибся и в годе возвращения Абрама в Россию (1722 вместо 1723).

Относительно иконы, хранившейся, со слов Пушкина, у сыновей Ганнибала, Д. Н. Анучин выяснил следующее. У правнучки А. П. Ганнибала, Анны Семеновны Ганнибал, Анучин видел образ с надписью на оборотной стороне, удостоверяющей его принадлежность прадеду поэта. По семейному преданию, это был именно тот образ, которым Петр I некогда благословил своего крестника. Однако образ этот был не св. Петра и Павла, о котором говорит Пушкин, а Нерукотворного Спаса⁴².

Что касается сообщений немецкой биографии и А. С. Пушкина об участии Ганнибала в придворной жизни в Париже, о почестях и милостях, которыми он якобы пользовался при королевском дворе в качестве крестника русского царя, о письмах Петра I к герцогу Орлеанскому с просьбой держать Ганнибала под своим наблюдением, «о рассеянной жизни» его в большом свете, — то все это является большей частью вымыслом. Однако, учитывая службу Абрама в чине капитана французской гвардии в Париже (видимо, во второй половине 1722 года), не следует полностью исключать и возможность появления его на открытых приемах в королевском дворце. Согласно описаниям придворной жизни в исторических романах французских авторов (А. Дюма и др.), для капитана гвардии это было бы вполне естественным. Но участие в придворной жизни — по крайней мере систематическое — требовало немалых денежных средств, а их-то у Абрама, судя по его письмам из Франции, и не было.

---

³⁹ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. 8, с. 79.

⁴⁰ Там же, т. 9, с. 437, 441.

⁴¹ Д. Н. Анучин. А. С. Пушкин, с. 8.

⁴² Там же.

СЛУЖБА В ПЕТЕРБУРГЕ

(1723—1727)

О том, как Петр I использовал Абрама на первом году по возвращении его из Франции, отсутствуют документальные данные. По одним сведениям, он принимал участие в строительстве крепостных сооружений на острове Котлине, в Кронштадте¹, по другим — вступил в исполнение своих прежних обязанностей при Петре, получив в свое заведование кабинет царя, в котором находились чертежи, проекты разных сооружений и библиотека². В пользу последнего известия говорит письмо императрицы Екатерины II к А. П. Ганнибалу в 1765 году по поводу материалов Петра I касательно проекта канала между Москвой и Петербургом. Возможно, он совмещал две должности — инженера-консультанта по строительству Кронштадтской крепости и личного секретаря при Петре.

Спустя год, 28 января 1724 года, в списке тех, кто просили разных милостей, Петр I против имени Абрама Петрова сделал собственноручную пометку: «дать чин»³. В начале февраля 1724 года Петр приказал генерал-фельдмаршалу князю А. Д. Меншикову определить его инженер-поручиком в бомбардирскую роту Преображенского полка:

«К его светл. князю.

Записано

Господину подполковнику

Абраму (арапу), который во Франции служил капитаном и привез сведетелство, того ради определите ево поручиком бомбардирскую роту к инженерам, которых из

¹ Большая Советская Энциклопедия. 2-е изд., т. 10. М., 1952, с. 208; Б. Л. Модзалевский. Пушкин. Труды Пушкинского Дома Академии наук СССР. Л., 1929, с. 49.

² А. Ганнибал. Ганнибалы, I, с. 216.

³ Там же, с. 217.

молодых в кондукторы надлежит собрать корпоральство из наших полков и их детей, которые тому обучаютца.

Питербург.
4 февраля
1724.

Петр»⁴.

Новое назначение соответствовало его специальности и указывает на то, что Абрам был переведен на педагогическую работу и привлечен к подготовке младших командиров инженерных войск (кондукторов), которых готовили тогда в бомбардирской роте лейб-гвардии Преображенского полка. Ему было поручено учить математике и фортификации гвардейскую молодежь, кандидатов в военные инженеры. Это видно из того, что приказ Петра I Меншикову об определении Абрама был дан одновременно с распоряжением об отборе из того же полка «капральства молодых солдат для назначения их в кондукторы». Кроме того, в «Записках» известного мемуариста XVIII века А. Т. Болотова под 1753 годом сказано: «У дяди моего нашел я также и несколько математических книг печатных и скорописных, а особливо была у него прекрасная геометрия и фортификация, писанная и черченая самим им в молодости, когда он учился наукам сим у Ганнибала»⁵.

Обращались к помощи Абрама и при переводе иностранной литературы. Так, поручая Конону Зотову перевод двух книг с французского на русский язык, Петр писал ему: «А буде вы из тех книг, которых не изволите знать терминов, то извольте согласиться с Абрамом Петровым»⁶.

За несколько месяцев до своей смерти, осенью 1724 года, Петр командировал Абрама в Ригу для проектирования и закладки новых укреплений в Рижской крепости. Немецкая биография пишет об этом:

«... Незадолго до смерти государя он был командирован в Ригу для закладки нескольких крепостных верков. Ощущая недостаток в деньгах для личных расходов, он доложил это государю, который немедленно распоря-

⁴ А. Ганнибал. Ганнибалы, I, с. 217.

⁵ Жизнь и приключения Андрея Болотова, описанные самим им для своих потомков. 1738—1793, т. I. СПб., 1870, стлб. 233.

⁶ М. Вегнер. Предки Пушкина, с. 34.

дился о пересылке ему 2000 голландских дукатов⁷; вскоре же затѣм скончался. Еще большее доказательство высокой милости приснопамятного императора дает следующий факт: на смертном одре он не забыл своего Ганнибала, но в присутствии всех, окружающих его в момент кончины, настоятельнейшим образом поручил своей высокой наследнице — августейшей супруге и высокой принцессе, своей дочери, впоследствии императрице Елисавете, дальнейшую заботу о нем и защиту его как иностранца. Вскоре, по выполнении поручения, он вернулся из Риги ко двору, искреннейше помог оставшимся верным и преданным слугам почившего императора оплакивать столь болезненную и невознаградимую потерю своего горячо любимого государя и после многих усилий и хлопот все же наконец получил при посредстве великой княжны Елисаветы назначенные ему две тысячи дукатов (немалая сумма по тому времени)»⁸.

После смерти Петра I встал вопрос о престолонаследии, так как преемника себе Петр не успел назначить. При решении этого вопроса обнаружились резкие противоречия между родовитой знатью и служилым дворянством. Вельможи, выдвинувшиеся при Петре в первой четверти XVIII века, хотели видеть на престоле жену Петра, императрицу Екатерину, рассчитывая на возможность влияния на нее. Родовая знать прочила на престол внука Петра I по линии его сына Алексея от первого брака — великого князя Петра Алексеевича. Властолюбивому А. Д. Меншикову, правой руке умершего царя и главе «новой знати», было невыгодно выдвижение на престол малолетнего Петра II, за спиной которого стояли князья Голицыны, Долгорукие и другие представители феодальной знати. 28 января 1725 года, в день смерти Петра I, Меншикову и его сторонникам удалось добиться возведения на престол Екатерины I, — спор в ее пользу решили гвардейские полки⁹.

Кто была благоволившая к Ганнибалу Екатерина I? М. Д. Хмыров пишет:

---

⁷ Монета с содержанием 9,65 г серебра.

⁸ Рукою Пушкина, с. 47—48 и 54.

⁹ Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия во второй четверти XVIII в. Народы СССР в первой половине XVIII в. М., 1957, с. 249.

«Странна, необычайна была ее судьба. Рожденная в невысоком звании, на четвертом году оставшаяся без матери, призренная добрыми людьми, Екатерина видела разорение своего родного края (Лифляндии), стала пленницей врагов (1702), последовательно находилась в домах генерала Боура, фельдмаршала Шереметева, князя Меншикова, здесь была замечена Петром, понравилась государю, приняла православие, сочеталась с императором, объявлена потом императрицею, спасла честь России в прутском бедствии (1711), сделалась неразлучною спутницею своего супруга, коронована им (1724), наследовала ему и первая из женщин царствовала в России самодержавно»¹⁰.

Екатерина I знала Абрама со дня его приезда к Петру в 1705 году. Она ценила как его преданность царской семье, так и его способности и знания. В начале ее царствования, в 1725 году, Абраму было поручено преподавать математические науки наследнику престола великому князю Петру Алексеевичу, и он находился, видимо, в качестве одного из воспитателей постоянно при нем. 23 ноября 1726 года он поднес Екатерине I авторский экземпляр своей книги по инженерному искусству, с письмом к ней, чтобы она «призрела его, иностранца, воспитанного от самого младенчества при доме его величества 22 года, дабы он мог иметь без нужды пропитание». «Вашему величеству известно, — писал он, — что я не имею по бозе иного прибежища, кроме вашего императорского величества»¹¹.

В том же 1726 году Абрам продал за 200 рублей в царскую библиотеку часть своих книг, привезенных из Франции, оставив, однако, около 300 томов себе. А. С. Ганнибал приводит документ, касающийся продажи этих книг:

«26 марта 1726 г.

---

¹⁰ М. Д. Хмыров. Графиня Екатерина Ивановна Головкина и ее время. СПб., 1867, с. 124.

¹¹ Рукопись труда А. П. Ганнибала в двух томах под названием «Геометрия и фортификация» хранится в фондах Библиотеки Академии наук СССР; первый том — курс геометрии и тригонометрии, второй — курс фортификации. В фондах библиотеки хранятся также его рукописные переводы французских изданий по фортификации и составленная им карта местности на реке Вегмас в Карелии, где были найдены лечебные воды (см.: С. П. Луппов. Книга в России в первой четверти XVIII века. Л., 1973, с. 245).

По указу Ея Имп. Величества выдано капитану-лейтенанту от гвардии Преображенского полку Авраму Петрову за книги его, которые взяты в библиотеку Ея Имп. Величества денег двести рублей — 200». И тут же собственноручная расписка: «выше писанные деньги двесте рублей Абрам Петров принял и росписался»¹².

В немецкой биографии А. П. Ганнибала этот период его жизни описывается так:

«Императрица Екатерина I немедленно приставила его, как первого и лучшего инженера России, к своему внуку, наследнику, великому князю Петру Алексеевичу, будущему императору Петру II, для преподавания главным образом математических наук; в течение всего ее царствования он отправлял это поручение со всем прилежанием и усердием, был чрезвычайно любим этим государем и всегда неотлучно при нем находился. После смерти блаженной памяти императрицы Екатерины I этот наследник вступил на дедовский престол, и в это же время Ганнибал был удален от двора»¹³.

Причиной удаления послужило участие Ганнибала в дворцовых интригах, направленных против А. Д. Меншикова. Напомним, что в продолжение двухлетнего царствования Екатерины I князь Меншиков в силу своего положения в государственном аппарате и своих прежних отношений с Екатериной пользовался неограниченной властью. Его властолюбие и «казнолюбие» и прежде не знало границ¹⁴, теперь же он сумел довести число крепостных крестьян, принадлежавших ему, до ста тысяч. В 1726 году его собственностью стал город Батурин (1300 дворов), кроме того — еще 2000 дворов, относившихся к Гадяцкому замку... Все это вызывало недовольство политических противников Меншикова, мечтавших о его низвержении, в том числе и членов кружка княгини

---

¹² А. Ганнибал. Ганнибалы, I, с. 234.

¹³ Рукою Пушкина, с. 48 и 54—55.

¹⁴ В частности, в 1711 г. Меншиков получил от магистрата г. Ревеля в качестве «подарка» (взятки) знаменитую дарохранительницу (Monstranz) из лютеранской церкви св. Николая — за обещание поддержать перед царем просьбу магистрата об утверждении привилегий города. Эта серебряная вызолоченная дарохранительница высотой 112 см весила около 10 кг и была изготовлена в 1474 г. известным ревельским ювелиром Гансом Риссенбергом (Hans Rysenberch). Петр I, увидев это произведение искусства у Меншикова, приказал взять его в Кунсткамеру. Сейчас оно хранится в Эрмитаже (см.: W. Neumann. Riga und Reval. Leipzig, 1908, S. 118).

А. П. Волконской (урожденной Бестужевой), куда, помимо А. П. Ганнибала, входили братья М. П. и А. П. Бестужевы, кабинет-секретарь И. А. Черкасов, камергер Екатерины и заведовавший воспитанием наследника С. А. Маврин, фаворит царевны Елизаветы А. Б. Бутурлин¹⁵, член Военной коллегии Е. И. Пашков. Все члены этого кружка были давнишними друзьями, невидными и мало знатными, и стремились упрочить свое положение, опираясь на наследника престола и царевну Елизавету. В интересах кружка Абрам завел близкое знакомство с австрийским посланником графом Рабутином, также стоявшим за наследника, покойная мать которого была близкой родственницей австрийского императорского дома. Однако дальше события развивались совсем не по тому плану, который виделся А. П. Ганнибалу и его единомышленникам. Меншикову удалось напасть на следы кружка, и это решило его судьбу. Правда, месть свою Меншикову пришлось отложить до смерти Екатерины I, которая не позволила бы ему расправиться с близкими ей людьми.

---

¹⁵ Александр Борисович Бутурлин был ранее денщиком Петра I.

ССЫЛКА И СЛУЖБА В СИБИРИ

(1727—1730)

После смерти Екатерины I (6 мая 1727) и со вступлением на престол 12-летнего Петра II А. Д. Меншиков поспешил свести счеты с членами враждебного ему кружка. 8 мая от гофмейстерины умершей императрицы княгини А. П. Волконской были отобраны все письма и бумаги и ей было приказано выехать в Москву или в свою деревню; камергер покойной Екатерины С. А. Маврин был отправлен в Тобольск; кабинет-секретарь И. А. Черкасов был разжалован в обер-секретари синода и послан в Москву для описи церковной утвари¹.

Для удаления А. П. Ганнибала Меншиков воспользовался указом Верховного тайного совета от 30 декабря 1726 года по поводу предложения российского посланника в Китае, графа Саввы Рагузинского, касающегося постройки Селенгинской крепости. Указ этот гласил:

«Доносил Нам отправленный к Китайскому Двору Чрезвычайным Посланником, Наш Действительный Статский Советник Иллирийской Граф Савва Владиславич... что по усмотрению его во всей Сибири ни одного крепкого города, ни крепости не обретается, наипаче на границе по сию сторону моря Байкальского. Селенгинск ни город, ни село, ни деревня, понеже в оном токмо 250 дворов и строен на месте ни к чему годном, и ко всяким набегам опасном, ничем не огорожен, к тому ж оной за низкостию места повсегодно водою и реки Селенги разлитием потопляется: и для того он Граф Владиславич

---

¹ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен. В 15-ти кн., кн. X (тт. 19—20). М., 1963, с. 91.

приискал к строению тамо фортеции иное вблизи удобное место; почему и указали Мы: крепость Саленгинскую строить вновь на приисканном от помянутого Графа Владиславича месте у реки Селенги... к тому ж употребить по рассмотрению Сибирского Губернатора и тамошних жителей, и для строения оной отправить туда из Военной Нашей Коллегии немедленно Инженера и Артиллерийского офицера; а какую там крепость удобнее делать, каменную ль или земляную ль, в том, також и во удовольствовании оной новой крепости артиллериею и аммуницею и гарнизоном, Нашей Военной Коллегии поступить по своему рассмотрению...»²

Приведенный указ предоставлял Меншикову удобный повод для отправки в Сибирь под предлогом необходимости строения Саленгинской фортеции Ганнибала — квалифицированного военного инженера и артиллерииста.

После смерти Екатерины I и на другой же день по воцарении своего питомца — Петра II А. П. Ганнибал получил следующее предписание:

«1727 года Мая 8 дня. По Его Императорского Величества указу, Государственная Военная Коллегия приказали: лейб-гвардии Преображенского полку от бомбандир-поручика Абрама Петрова отправить немедленно в Казань, и велеть ему тамошнюю крепость осмотреть, и каким образом ее починить или вновь запотребно рассудить сделать цитадель, тому учинить план и проэкт; а осмотра ее в Военную Коллегию отписать на почте, к которому числу тот план и проэкт поспеть может. И отправить его на почте, и дать ему на четыре почтовые подводы прогоны из Казначейской Конторы, и о выдаче тех прогонных денег в Казначейскую Контору послать указ, а о подорожной в Ямскую Канцелярию промеморию, а в Казань к губернатору для ведения и о вспоможении послать указ же»³.

На этом предписании внизу пометка рукою Ганнибала: «С тем я поехал из Петербурга в Казань, и был в Казани 25 дней; потом получил другой указ, чтоб ехать в Тобольск».

---

² Полное собрание законов Российской империи с 1649 года, т. VII (1723—1727). 1830, с. 724—725 (№ 4994).

³ Исторические статьи М. Д. Хмырова, с. 18—19.

По форме это была служебная командировка, обычная для военного инженера с такой подготовкой, какую имел Абрам. Но на самом деле данное поручение являлось удалением его из столицы, за которым могли последовать более серьезные репрессии. И Абрам именно так понял то, что скрывалось за предписанием.

В письмах и бумагах, отобранных у княгини Волконской, Меншиков никаких улик против Абрама не нашел. Однако из всех членов кружка для Меншикова, метившего в тестя молодого императора Петра II, более всего неудобен был именно Абрам, который слишком много знал про него. Будучи неотлучно при Петре I до середины 1717 года и по возвращении из Франции неся службу опять поблизости от престола, Абрам ведал все грехи «светлейшего князя»; он знал про прежние интимные связи между Меншиковым и Екатериной; знал про его корыстолюбие и злоупотребления, за которые Петр I с него взыскивал. Опасным должен был Абрам казаться Меншикову и из-за возможного влияния на Петра II, одним из воспитателей которого он являлся.

Командировкой Абрама Петрова в Казань не ограничились. 28 мая 1727 года Меншиков, получив 12 мая высокое звание генералиссимуса русской армии, шлет Абраму новый указ, полученный им в пути, в Москве «за Абрамом, за земельным городом»:

«Почтенный господин лейб-гвардии от бомбандир-поручик Абрам Петрович! Его Императорское Величество указал ехать тебе в Тобольск, а по инструкции губернатора князя Долгорукого построить крепость, против сочиненного чертежа. Того ради, вам указом Его Императорского Величества предлагаем: изволь туда ехать безо всякого замедления, понеже в строении той крепости состоит необходимая нужда, а чертеж пошлется к вам на предбудущей почте. А которого числа ордер получишь, и когда отправишься, о том репортуй к нам, в немедленном времени. Из Петергофа Мая 28 дня 1727 года. Александр Меншиков»⁴.

На копии этого письма пометка рукою Ганнибалы: «С тем прибыл я в Тобольск, и отправился... к Савве Рагузинскому»⁵.

---

⁴ Исторические статьи М. Д. Хмырова, с. 19.

⁵ Там же.

27 июня Абрам написал из Казани письмо княгине А. П. Волконской с просьбой, «чтоб я не был оставлен в вашей особенной милости наипаче в письмах... молю, да повелите исправить бедного человека прошения, который ниоткуда не имеет помочи...»⁶

29 июня из Казани же Абрам шлет униженное письмо А. Д. Меншикову:

«Не погуби меня до конца имене своего ради и кого давить такому превысокому лицу такого гада и самая последняя креатура на земли, которого червь и трава может сего света лишить: нищ, сир, беззаступен, иностранец, наг, бос, алчен, жажден; помилуй, заступник и отец и защититель сиротам и вдовицам...»⁷

Очевидно, будущее рисовалось Абраму в самых мрачных красках. Должно быть, отчаянию его не было границ и велик был страх перед всемогущим временщиком, если он мог унижить себя до таких выражений в письме.

Предчувствие дальнейших преследований со стороны Меншикова не обмануло Ганнибала. Одновременно с приказом Абраму о следовании из Казани без промедления в Тобольск Меншиков в тот же день 28 мая отправил сибирскому губернатору князю М. В. Долгорукову предписание, чтобы Абрама, по прибытии его в Тобольск, немедленно направили дальше, «а понеже он человек иностранный и опасно, чтобы не ушел за границу, того ради надлежит за ним иметь крепкий присмотр и в деле той крепости дать ему инструкцию, а чертеж будет прислан впредь»⁸.

В августе того же 1727 года в помощь Ганнибалу, под его начальство, из Петербурга в Селенгинск командировали нескольких младших военных инженеров: инженер-прапорщика Семена Боборыкина, кондукторов Ефима Бузолева и Григория Карцова, инженерного ученика Ивана Титова⁹.

Абрам выехал из Казани в конце июня и приехал в Тобольск 30 июля, а уже 3 августа был отправлен дальше в Иркутск и оттуда — в Селенгинск. В записи

---

⁶ С. Н. Шубинский. Княгиня А. П. Волконская и ее друзья. (Эпизод из придворной жизни XVIII столетия). — «Исторический вестник», 1904, т. 98, с. 939.

⁷ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. X, с. 91.

⁸ М. Вегнер. Предки Пушкина, с. 44—45.

⁹ Исторические статьи М. Д. Хмырова, с. 27.

иркутского архива значится: «В декабре месяце (1727), прибыл из Тобольска лейб-гвардии, бомбардирной роты, поручик Абрам Петров. Арап Ганнибал, для строения селенгинской крепости»¹⁰.

На пути к месту назначения Абрам шлет 25 октября из Томска в Москву длинное письмо княгине А. П. Волконской, в котором просит, чтобы И. А. Черкасов прислал ему денег, и указывает Волконской способы к реабилитации сосланных: «...Пожалуй дай знат моим друзьям сердешным и чтоб старались об нас для возвращения. Я ныне поехал из Тобольска...для строения тамошней крепости. Постарайся о всех вышеписанных, чтоб был прислан указ к Саве Рагузинскому, дабы меня взял с собою в Питербурх, как назад поедет»¹¹.

Направление Абрама в Сибирь последовало, видимо, в силу еще одного, третьего по счету, указа, о котором сам он в Иркутске упоминает в следующем документе:

«Его Императорского Величества, Иркутской провинциальной канцелярии, лейб-гвардии преображенского полка от бомбардир-поручика Абрама Петрова, ведение. Прошедшего июля 28 дня, 1727 года, по указу Его Императорского Величества и по письму из Петергофа от его светлости генералиссимуса, светлейшего князя, Александра Даниловича Меншикова, велено мне ехать... для строения крепости, и при мне определенные деньщики, которым, по присланному из Тобольска указу, велено получать провиант солдатской, а именно двум человекам; и по отъезде из Тобольска, с августа месяца 1727 года по январь месяц 1728 года, определенного провианта нигде не получили. И чтоб повелено было против указа Его Императорского Величества в Иркутку или где востребуется от него ведением, оным деньщикам провиант выдавать, где принадлежит... заслуженное и впредь без задержания. И о том, куды надлежит, из Иркутской провинциальной канцелярии послать Его Императорского Величества послушные указы, чтоб за нечаею оным денщикам, будучи при мне какой нужды не возыметь в провианте. К сему ведению руку приложил

---

¹⁰ Исторические статьи М. Д. Хмырова, с. 27.

Запись эта любопытна тем, что в ней впервые встречается будущая фамилия Абрама «Ганнибал», легализованная им впоследствии в Эстляндии.

¹¹ А. Ганнибал. Ганнибалы, I, с. 220.

преображенского полку от бамбандир-поручик Абрам Петров. Генваря 15 дня 1728 году»¹².

Из этого документа видно, что в сибирской командировке в личном услужении Абрама находились положенные ему по званию лейб-гвардии бомбардир-поручика два денщика.

Между тем, пока Ганнибал в далекой Сибири добирался до места назначения — за громадностью расстояния, свыше 6000 верст от Петербурга, — довольно медленно, события в Петербурге шли своим чередом. Друзья не забывали Абрама и старались помочь ему. Так, русский посланник в Дании Алексей Бестужев, узнав о смерти Екатерины I и не будучи еще оповещенным об удалении Абрама, писал из Копенгагена 23 мая 1727 года своей сестре княгине А. П. Волконской в Петербург:

«Как к Рабутину (австрийскому посланнику в Петербурге) отсюда писано, так и к венскому двору, дабы он, Рабутин, инструктирован был стараться о вас, чтобы вам при государыне великой княжне цесарского высочества (Наталье Алексеевне, сестре Петра) обер-гофмейстерной быть, такожде чтоб и друзья наши, Абрам Петрович (Ганнибал) и Исак Павлович (Веселовский) достойнейше награждены были. Вы извольте согласно с помянутым Рабутином о том стараться»¹³.

Но вскоре затем граф Рабутин умер в Петербурге и Меншиков, как мы видели, обрушился на княгиню Волконскую и ее кружковцев.

Однако вслед за тем в Петербурге произошло событие, которое должно было, как казалось, благоприятно отразиться и на судьбе Абрама: 8 сентября 1727 года князь А. Д. Меншиков пал и сам был отправлен в ссылку в Сибирь. «Прошла и погибла суетная слава прегордого Голиафа!» — писали друг другу сторонники княгини Волконской, поздравляя себя с несчастьем нареченного тестя молодого императора Петра II¹⁴.

В сентябре Алексей Бестужев писал сестре в Москву:

«Понеже чрез печатные указы опубликовано, чтоб указов Меншикова не слушать, того ради, не ожидая себе никакого позволения, поспешайте в С.-Петербург, о чем

¹² Исторические статьи М. Д. Хмырова, с. 20.

¹³ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. X, с. 90.

¹⁴ 25 мая 1727 г. 16-летняя дочь А. Д. Меншикова Мария была обручена с императором Петром II. Невеста разделила участь отца.

и друзьям нашим, господину Маврину и прочим советуйте, ибо так оным, как и вам, не от его императорского величества, но от Меншикова повелено было»¹⁵.

За этим письмом через неделю последовало второе, в котором Алексей Бестужев писал между прочим:

«... и ежели б его императорское величество да не свободил империю свою от ига варварского, то б мне трудно было толь скоро всем вам вспомочь; ныне же уповаю, что вы с друзьями нашими и без посторонней помощи по отлучении известного варвара (Меншикова) всякой сами себе вспомочь можете»¹⁶.

Ганнибал в это время ехал из Тобольска в Иркутск и, конечно же, не знал еще о падении своего главного врага, «прегордого Голиафа». Да и за дальностью расстояния у него не было возможности «вспомогать себе». Однако его не забывали друзья, которые с воцарением Петра II возлагали надежды на родную бабушку молодого императора, первую жену Петра I царицу Евдокию, постриженную в 1699 году в монахини. 24 октября 1727 года один из друзей Абрама, член Военной коллегии генерал-майор Е. И. Пашков, писал из Петербурга в Москву княгине А. П. Волконской:

«Надлежит вам чаще ездить в Девичий монастырь искать способу себе какова. О Семене Маврине и об Абраме стараюсь, чтоб их взять из ссылки, да не могу чрез кого учинить, все, проклятые, злы на них, как собаки... Про компанию нашу прежнюю часто и милостиво изволит (Петр) упоминать, только от прежних ваших неприятелей неможно свободного способу сыскать, как бы порядочно донести, однако же хотя и с трудом, только делаем сколько возможно»¹⁷.

И. А. Черкасову тот же Пашков писал:

«О верных приятелях наших, об Абраме и об Семене, прилежно стараюсь, каким бы случаем их взять, и кажется, что многие об них сожалеют, а говорить никто не хочет за повреждением себя»¹⁸.

Из Томска Абрам писал княгине А. П. Волконской 15 ноября 1727 года:

«Что вы мне обещали сделать, пожалуй не запамятуй,

---

¹⁵ Исторические статьи М. Д. Хмырова, с. 22.

¹⁶ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. X, с. 131.

¹⁷ Там же, с. 130.

¹⁸ Там же, с. 130—131.

чтобы *Панталон* и *Козел* (Михайла и Алексей Бестужевы) приложили к тому свое старание»¹⁹.

15 ноября 1727 года А. П. Ганнибал отправил из Томска письма также старшей дочери Петра I, Анне Петровне, с просьбой выхлопотать ему разрешение вернуться в Петербург²⁰, камер-юнкеру при ней П. Сумарокову и своему старому другу А. Б. Бутурлину.

Однако положительных результатов все эти письма Абрама и попытки друзей «взять его из ссылки» не дали. Напротив, вышло гораздо хуже, чем могли ожидать приятели княгини Волконской. Переписка членов кружка, в том числе и Абрама, была захвачена и интрига их открыта. По инициативе новых временщиков князей Долгоруких было произведено следствие, на основании которого 28 мая 1728 года Верховный тайный совет вынес следующий приговор:

«По осмотру явились писанные к княгине Волконской от отца ее Петра Бестужева, от матери Авдотьи, от братьев Алексея и Михайлы, от Егора Пашкова, от Семена Маврина, Аврама Петрова, Юрья Нелединского, Исака Веселовского, Тимофея Кутузова, Ивана Черкасова и от прочих (письма), и потом письмом явилось, что они все делали партии и искали при дворе его императорского величества для собственной своей пользы делать интриги, и теми интригами причинить при дворе беспокойство, искали себе помочи чрез Венский двор у министра графа Рабутина, а именно: княгиня Волконская с братом Алексеем и с Абрамом Арапом, и для того имели переписки, и тако хотели вмешать постороннего государя в домовые его императорского величества дела. Того ради княгиню Волконскую сослать в дальний девичий монастырь; сенатору Нелединскому в Сенате у дел впредь не быть; Егору Пашкову в Военной Коллегии у дел не быть же; Веселовского, который уже прежде за измену двоих братьев послан был в Гилянъ, послать опять в Гилянъ; Кутузова посадить на месяц в тюрьму и определить с умалением ранга одною степенью; штал-

¹⁹ С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. X, с. 131.

²⁰ Анна Петровна была замужем с 21 мая 1725 г. за герцогом Гольштейн-Готторпским Карлом Фридрихом и при Екатерине I жила с мужем в Петербурге в качестве одного из предполагаемых кандидатов на русский престол. После смерти Екатерины I Меншиков в июле 1727 г. добился удаления герцога с женой из России, чего Абрам в Сибири не знал.

мейстера Кречетникова, отлуча от двора, написать в прапорщики; Черкасова послать в Астрахань к провиантским делам»²¹.

Как видим, «Абрама Арапа», хотя он и фигурирует в приговоре, в числе наказанных нет. Однако он не был и помилован. Относительно него, видимо, также производилось расследование, так как за 5 дней до приведенного выше приговора Верховный тайный совет переименовал «от бомбардир-поручика Абрама Петрова арапа в Тобольский гарнизон майором»²². Этим постановлением Ганнибал переводился из самой привилегированной гвардейской части столицы в провинциальную армейскую часть, хотя соотношение в званиях (чинах) и было соблюдено. Такой перевод фактически был особым видом наказания, ибо лишал Абрама надежды попасть из Сибири обратно в Петербург.

1728 год А. П. Ганнибал прожил в Селенгинске. Селенгинск, в котором пришлось жить и работать Абраму, был в то время небольшим селением на берегу реки Селенги, где по ведомости 1724 года числилось дворян 3, детей боярских 4, пятидесятников, десятников и казаков 224²³. В базарные дни туда съезжались из окрестных селений буряты, исконные жители забайкальские. После Москвы, Петербурга и Парижа житье в Селенгинске должно было казаться Абраму жестокой ссылкой. Облегчением ему служило то обстоятельство, что в Селенгинске имело временное пребывание русское посольство во главе с давнишним знакомым Абрама графом Саввой Владиславичем Рагузинским, еще в 1725 году отправленным Екатериной I в Китай чрезвычайным посланником и полномочным министром.

Ганнибал выполнил порученное ему задание в части составления плана строения предполагаемой крепости и города на противоположном берегу Селенги. В делах Артиллерийского архива в Петербурге были найдены план и профиль спроектированной Селенгинской крепости, присланные не раньше 1730 года в Канцелярию главной артиллерии и фортификации и там уменьшенные в масштабе²⁴.

²¹ Исторические статьи М. Д. Хмырова, с. 23—25.

²² Там же, с. 25.

²³ И. К. Кирилов. Цветущее состояние Всероссийского государства. М., 1977, с. 285.

²⁴ Исторические статьи М. Д. Хмырова, с. 27.

Однако трудам Ганнибала не суждено было осуществиться на деле. Некоторый свет на причины этого проливает следующее сообщение: «Необоронительное состояние сего пограничного места подало иллирическому графу Саве Владиславичу, во время заключения мира с Китайцами, причину к предложению, чтоб строить новую Селенгинскую крепость, довольным пространством, каменную, по регулам фортификации, на левом берегу Селенги, прямо супротив нынешнего города. И подлинно сие место, с первого виду, весьма способным кажется; но земля там вся каменная, чего ради другие признавали сие предложение за невозможное»²⁵. Думается, что среди этих «других», считавших невозможным построить каменную крепость на правом берегу реки Селенги, первым был ученый фортификатор Абрам Петрович Ганнибал. Но окончательное решение по данному вопросу, видимо, было принято несколькими годами позже, так как еще 27 марта 1728 года Правительствующий сенат послал графу Савве Рагузинскому указ о форсировании «строения нового Селенгинска, такожды и других пограничных прежних городов и острогов, чтоб не токмо для обороны, но и для порядочных торгов и пошлинного сбора служили». Этими другими пограничными укреплениями были возведенные Саввой Рагузинским крепостцы в Кяхте и Троицкосавске, планы которых, по всей вероятности, были сделаны Ганнибалом и им же построены укрепления в 1728 году, по заключении Буринского трактата с Китаем²⁶.

Сам А. П. Ганнибал между тем старался с помощью графа Рагузинского поскорее вырваться из Селенгинска. Он подал в походную посольскую канцелярию заявление, в котором писал, что «де сослан от князя Меншикова по злобе, а не по указу его императорского величества, также книгами и инструментами не награжден, жалованья ни подъемных денег ни откуда ему не определено». Граф Рагузинский отпустил его в Тобольск к сибирскому губернатору, написав последнему 14 апреля 1728 года: «по-неже де он по силе партикулярного письма князя Меншикова, а из государственной иностранных дел коллегии в грамотах и ни откуда в указах его императорского

²⁵ Исторические статьи М. Д. Хмырова, с. 27—28.

²⁶ Ф. Ласковский. Материалы для истории инженерного искусства в России, ч. III. СПб., 1865, с. 49.

величества о нем к нему не упомянуто». Губернатор, не зная что делать, послал 15 июня запрос в Петербург.

17 июля 1728 года последовал указ Верховного тайного совета сибирскому губернатору, причем о переименовании Аврама в армейские майоры Тобольского гарнизона 23 мая того же года было забыто:

«По сему доношению ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО указал, посланного порутчика Аврама Петрова для строения... по чертежу крепости, ежели он в Тобольск прибудет, то послать по прежнему в то место, где он был, и велеть ему по прежде определенному чертежу крепость строить по окончани строения той крепости ему писать и ожидать указа, а без указа никуда не выезжать; а буде он в дороге, то послать из Тобольска на встречу, чтоб ево поворотили назад»²⁷.

Губернатор князь М. В. Долгоруков отправил Аврама из Тобольска обратно в Селенгинск, о чем послал следующее донесение в Верховный тайный совет:

«Его Императорскому Величеству Самодержцу Всероссийскому всеподанейшее доношение из Сибирской губернии.

В указе Вашего Императорского Величества из Верховного Тайного Совета, писанном июля 17, а в Тоболску полученном августа 17 чисел сего 1728 года под номером 450, написано о посылке посланного порутчика Аврама Петрова для строения по прежде определенному чертежу крепости.

И посиле онаго Вашего Императорского Величества указу оной порутчик Аврам Петров ис Тоболска отправлен сего августа 21 дня и по прошению ево, Петрова для вышепомянутой посылки и для дального расстояния и необходимых ево нужд выдано ему, Петрову ис Тоболской рентереи денег сто рублей, а оные денги даны ему, Петрову для крайней ево нужды и дального пути на пропитание, понеже ему, Петрову жалованья никакого и по присланном Вашего Императорского величества указом не определено, а доношением оной Петров объявил, что определенного жалования он, Петров не получал с прошлого 1727 году с майской трети, отчего пришел во всеконечную скудость и питатся нечем, и впредь будучи у онога дела жалованье ему, Петрову по ево трактаменту

²⁷ Письма Аврама Ганибала. (Архивные документы). Издал Н. Гастфрейнд. СПб., 1904, с. 10—11.

повелено ль будет давать, о том ожидаем Вашего Императорского Величества повелительного указа. К поданию в Верховном Тайном Совете.

Августа 21 дня
1728 года.
А. № 385.

Князь Михала Долгоруков
Иван Болтин
Секретарь Козма Баженов.
Канцелярист Федор Неволин»²⁸.

Из этого донесения губернатора видно, что о денежном довольствии командированного в Сибирь Абрама Петрова забыли распорядиться, и материальное положение его в Сибири, с двумя денщиками, было тяжелое.

31 августа 1729 года Абрам отправил Петру II следующую челобитную, из которой можно получить представление об обстановке, в которой он жил в Сибири:

«Служу я вашему имп. в-ву в преображенском полку в бомбардирской роте и 1727 года был я послан по партикулярному письму бывшего генералиссимуса Александра Меншикова в Казань, для снятия плана, и того же года получил я от него Меншикова партикулярное же письмо, в котором повелел мне ехать, рабу в. и. в-а, в Селенгинск, для строения крепости на приисканном месте графом Саввою Владиславовичем, а когда указом в. и. в-ва запрещено было, дабы не исполнять ничего по письмам показанного Меншикова, и того ради я подал доношение посланнику Владиславовичу, в котором я объявлял, что бывший генералиссимус меня послал для своего партикулярного интереса и по злобе и по наущению его креатур, а не для дела в. и. в-ва, понеже не дав мне инструкции и указа, где мне получать в. и. в-ва жалованья, такожде и инструментов, бумаги и краски, которые к тому делу принадлежат, и в вышеписанной моей челобитной объявлял я показанному графу Владиславичу, что я оному делу и строению городов не искусен и в практике не бывал, понеже оное великое дело требует весьма человека искусного и практичного, по которому моему челобитью отпущен был я до Тоболска и в 1728 году августа 17 дня был получен указ к... губернатору сибирскому князю М. В. Долгорукову, дабы меня вторично возвратил к строению оной Селенгинской крепости

---

²⁸ А. Ганнибал. Ганнибалы, I, с. 222.

и которому уже приiskanному месту, от него, графа Владиславича, сочинен план и послан в Верховный тайный совет, понеже на оном месте строению никакому быть невозможно. А по указу в. и. в-ва послан нарочный для одного дела из государственной военной коллегии инженерного корпуса прапорщик с кондукторами и ему же даны указы и инструкции, также инструменты и бумага, и краски, и прочее, что к тому принадлежит, а я раб в. и. в-ва, живу без всякого дела, чему уже идет третий год и без всякого определения и умираю голодную смертью без в. и. в-ва жалованья. Окладу мне на месяц идет по 25 рублей, да рация дается на 11 лошадей и одного в. и. в-ва мне и на денщиков не дано, с прошлого 727 года майской и сентябрьской трети, а рации я не получал с 726 года. А ежели оное строение по указу в. и. в-ва повелено будет мне делать, чтоб повелено было кондукторам быть с оным, а ежели же оное строение указом в. и. в-ва отрешено будет, дабы повелено было ехать в полк (т. е. в Петербург) или до Тобольска, впредь до указа в. и. в-ва»²⁹.

Из этого прошения видно, что Абрам считает себя все еще офицером лейб-гвардии Преображенского полка, незаконно сосланным в Сибирь бывшим генералиссимусом Меншиковым «для своего партикулярного интереса и по злобе и по наущению его креатур». Вместе с тем из него явствует, что строительные работы по возведению Селенгинской крепости на намеченном графом Саввой Рагузинским месте в августе 1729 года не были еще начаты.

В своих пожеланиях к Петру II Абрам весьма сдержан: он просит о распоряжении относительно выплаты причитающихся ему денег и о разрешении вернуться либо в Преображенский полк в Петербург, либо в Тобольск, поскольку для крепостных работ прибыл «инженерного корпуса прапорщик с кондукторами» и техническим снаряжением.

Однако в Петербурге и Москве подозрения насчет роли Ганнибала в дворцовых интригах получили, видимо, но-

---

²⁹ М. Вегнер. Предки Пушкина, с. 64—66.

Этот и ряд других документов, касающихся пребывания А. П. Ганнибала в Сибири, приводятся также в ст.: М. Сергеев. Сибирские злоключения арапа Петра Великого. Историческое повествование в размышлениях, подлинных письмах, доношениях, указах и приговорах XVIII века. — «Ангара», 1970, № 6. — Ред.

вую пищу. Положение его резко ухудшилось. 22 декабря 1729 года появился новый указ Верховного тайного совета:

«ЕГО ИМПЕРАТОРСКОЕ ВЕЛИЧЕСТВО указал послать в Сибирскую губернию к действительному тайному советнику и губернатору Князю Михайлу Володимировичу Долгорукову указ, чтоб он велел выбрав в Тоболску кого из офицеров доброго и искусного человека отправить тайным образом... где ныне обретається поручик Аврам Петров, и приказать тому посланному офицеру в начале упомянутого поручика Аврама Петрова пришед к нему в квартиру незапно, отобрать все обретающиеся при нем письма, которые хотяб в каких малых и черных ласкутках были, и собрав оные в одно место запечатать и к себе взять; а ежели у него, Аврама Петрова, есть какие книги, чертежи и инструменты инженерские, то осмотря, нетли между ними каких писем, оставить оные при нем; и потом ево, Аврама Петрова велеть отправить оттуда, где его тот посланный офицер найдет с пристойным конвоем в Томск, но в пути вести его с крепкою осторожностью, чтоб каким способом куда не ушел; и в Томску велеть оного содержать впредь до указу ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА за караулом с крепким же смотрением, дабы не мог оттуда уйтить. А жалованья ему, Авраму Петрову давать в Томску из доходов в Сибирской губернии по десяти рублей на месяц. Вышеупомянутые же письма, которые возмуться у него Аврама Петрова, — посланному туда офицеру привезть в Тобольск и оттуду оные не осматривая прислать запечатав в Москву в Верховной Тайной Совет»³⁰.

Оба документа Верховного тайного совета, — как от 17 июля 1728 года, так и от 22 декабря 1729 года, — показывают, что временщики князя Долгорукие не забыли А. П. Ганнибала в его почетной ссылке в Сибири и замышляли еще что-то против него, но не успели осуществить свои замыслы, так как сами пали в апреле 1730 года.

В январе же 1730 года указ Верховного тайного совета от 22 декабря 1729 года был выполнен. Аврама подвергли в Селенгинске тщательному обыску, переписку

---

³⁰ Письма Аврама Ганибала, с. 11—12.

его изъяли и отослали в Верховный тайный совет в Москву, а самого его арестовали и под конвоем увезли в Томск, где содержали под караулом, выплачивая ему «жалованья» по 10 рублей в месяц. Вместе с тем был произведен обыск вещей Абрама в Петербурге, библиотеку его описали и передали в Академию наук; книги его были взяты академией на учет и оценены в 200 рублей³¹.

Но вскоре обстоятельства изменились в пользу Абрама. 19 января 1730 года неожиданно скончался от оспы 15-летний император Петр II, и на престол вступила племянница Петра I Анна Ивановна, которая знала Абрама с юных лет и благосклонно к нему относилась. По ее указанию Верховный тайный совет облегчил участь княгини Волконской и ее друзей. Велено было «арапа Аврама Петра освободить из-под караула и быть ему в Тобольске при полках майором». 25 февраля 1730 года вышел указ:

«От бомбардир-поручику Аврааму Петрову быть в Тобольском гарнизоне майором, и для того, буде он, по посланному декабря 23 дня прошлого 1729 года указу, послан в Томск за караулом, оттуда его возвратить и из-за караула освободить... И буде которые письма у него отобраны, те ему возвратить»³².

Относительно исполнения этого указа сохранилось следующее донесение из Сибири:

«Ея императорскому величеству самодержице все-российской всеподданейшее доношение из сибирской Губернии. № 1833.

В указе Вашего Императорского Величества из Верхового Тайного Совета, писанном февраля 25, а в Тоболску полученном марта 13 чисел сего 1730 году, под № 36 в Сибирскую Губернию, написано о бытии от бомбардир порутчику Авраму Петрову в Тоболском Гварнизоне маэром и освободе его ис Томска из за караулу и о возврате ему отобранных у него писем.

И по силе оногo ваше императорского величества указу о свободе оногo порутчика Петрова ис Томска из за караулу и о бытии ему в Тоболскé Вашего Импера-

³¹ А. Ганнибал. Ганнибалы, I, с. 235.

³² С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. X, с. 217.

торского Величества указ в Томск послан с нарочнопосланным солдатом сего марта 14 дня. К поданию в Верховном Тайном Совете.

Марта 18 дня
1730. № 134

Иван Болтин
Секретарь Козма Баженов
Канцелярист Федор Неволин»³³.

Таким образом, арест Абрама длился недолго, — всего около двух месяцев. Однако его оставили в Сибири, хотя и перевели из захолустного Селенгинска в центр тогдашней Сибирской губернии. В Тобольске Абрам встретился со своим приятелем С. А. Мавриным, назначенным тобольским комендантом. Надо полагать, что уроженца знойной Африки вряд ли устраивала жизнь в губернском городе холодной Сибири, и он, несомненно, продолжал хлопотать о переводе обратно в Петербург.

Князь П. В. Долгоруков сообщает в своих мемуарах, что Абрам из Томска писал в Москву, где в то время находился императорский двор, к своему знакомому по Парижу князю Василию Лукичу Долгорукому и просил о помощи в постигшей его беде. Именно благодаря заступничеству тогда еще весьма влиятельного В. Л. Долгорукого последовал февральский указ Анны Ивановны об освобождении Абрама из-под ареста и о назначении майором в Тобольский гарнизон³⁴.

В начале 30-х годов на крупные военные и государственные посты выдвинулся сподвижник Петра I граф Б. Х. Миних³⁵, заведовавший всей военно-инженерной частью в государстве. Миних знал Ганнибала с петровского времени и ценил его как способного военного инженера. Поэтому вполне естественно, что он принял живое участие в судьбе Абрама и вскоре вызволил его из Сибири.

³³ А. Ганнибал. Ганнибалы, I, с. 230—231.

³⁴ Mémoires du prince Pierre Dolgoroukow, t. I, p. 245.

³⁵ Бурхард Христофор Миних, сын датского тайного советника, родился в 1683 г. в Ольденбурге. В войне за Испанское наследство сражался под знаменами принца Евгения в Нидерландах, был ранен в 1712 г. при Денене и взят в плен французами. Вскоре перешел в чине полковника на польско-саксонскую службу, где командовал коронной гвардией и в 1717 г. произведен в генерал-майоры. Вследствие дуэли должен был уйти со службы и предложил в 1721 г. свои услуги России. Петр I произвел его в 1722 г. в генерал-лейтенанты и поручил ему многие инженерные работы, в том числе и постройку Ладожского канала. При Петре II генерал-аншеф. В 1729 г.

25 сентября 1730 года генерал-прокурор П. И. Ягужинский объявил Правительствующему сенату, что императрица Анна Ивановна указала «лейб-гвардии от бомбардир-поручика Абрама Петрова, которому велено быть в Тобольском гарнизоне майором, послать в команду графа фон Минихена, а ему определить его в Пернове инженерным и фортификационным делам по его рангу»³⁶.

Итак, А. П. Ганнибал был из Тобольского гарнизона переведен на службу по своей специальности в военно-инженерное ведомство, или, говоря языком царского указа, — «послан в команду графа фон Минихена», главы всех военных инженеров России. Было указано и новое место службы Абрама — Пернов (Пярну), небольшой город с крепостью на западном побережье Эстонии.

возведен в графское достоинство Российской империи и назначен санкт-петербургским генерал-губернатором. В 1730 г. генерал-фельдцейхмейстер, в 1732 г. генерал-фельдмаршал и президент Военной коллегии. В 1734 г. главнокомандующий русской армией в войне против Польши и в 1735—1739 гг. против Турции. По заключении Белградского мира был награжден чином подполковника лейб-гвардии Преображенского полка, бриллиантовыми знаками ордена св. Андрея и шпагой с драгоценными камнями. В 1740 г. при императоре Иоанне VI первый министр. В 1741 г. при восшествии на престол Елизаветы Петровны арестован и сослан в Сибирь (Пелым). В 1762 г. Петр III освободил его и вернул ему все чины и отличия, Екатерина II назначила его главным директором Ревельской и Нарвской гаваней, Кронштадтского и Ладожского каналов и достройки Балтийского Порта (Палдиски) в Эстляндии. Умер в 1766 г. и погребен в Эстонии в своем поместье Луунья (Luunja), в 12 км восточнее г. Тарту.

³⁶ С. М. Соловьев, История России с древнейших времен, кн. X, с. 259.

А. П. ГАННИБАЛ В ЭСТОНИИ

(1731—1752)

1. Служба в городе Пернове

(1731—1733)

Абрам Петрович Ганнибал вернулся из Сибири в Петербург в декабре 1730 года. В автобиографии он пишет совсем уж кратко, что «по кончине государя императора Петра II, с 730-го года служил в инженерном корпусе капитаном». В формуляре также говорится о чине капитана Инженерного корпуса. В немецкой биографии ошибочно сообщается о присвоении Абраму чина инженер-майора.

Из Петербурга А. П. Ганнибалу предстояло в скором времени ехать на новое место службы — в город Пернов. Перед отъездом он успел жениться.

Вернувшись из Сибири, А. П. Ганнибал познакомился в Петербурге с капитаном галерного флота Андреем Диопером, греком по национальности, и его семьей. Младшая дочь капитана, красавица Евдокия, была не замужем и имела несчастье понравиться 34-летнему холостяку. Абрам посватался к ее отцу. Однако Евдокия имела жениха — флотского поручика Александра Кайсарова, за которого собиралась замуж. За Абрама она выходить не согласилась: «понеже арап и не нашей породы». Но отец все-таки заставил дочь повенчаться с Абрамом. Этот брак по принуждению оказался неудачным и обернулся вскоре несчастьем для Абрама и трагическими последствиями для его молодой жены.

Свадьба состоялась в январе 1731 года, а уже через месяц Абрам с женой отправился в Пернов.

Пернов (Пярну) — один из древних городов Эстонии на берегу Балтийского моря, в устье одноименной

реки, основан в середине XIII века¹. В средневековые замок и город были обнесены каменной крепостной стеной с 7 башнями. К началу XVIII века это был город-крепость с шведским гарнизоном, с модернизированными укреплениями, состоявшими из массивного вала с шестью бастионами, рavelинами, гласисом, с широким и глубоким рвом, наполненным водой. В ходе Северной войны в октябре 1700 года в Пернове высадился шведский король Карл XII с армией (5223 человека и 37 пушек) и направился отсюда к Нарве, осажденной Петром I. В августе 1710 г. шведский гарнизон Пернова капитулировал и сдал крепость русским войскам. В это время в самом городе, внутри крепостного обвода, было 198 домов и в пригороде 148 домов. Жителей в 1710 году насчитывалось 1670 человек, в 1816 году — 3408 человек². Население города в основном состояло из бюргеров немецкой национальности, а в пригороде из эстонцев-ремесленников. Город управлялся магистратом на основе прежних привилегий, утвержденных Петром I.

Гарнизон города состоял, по-видимому, из сформированного в 1711 году Перновского гарнизонного полка, прибывшего сюда из Ревеля³, и подчинялся коменданту города в чине бригадира или генерал-майора. Комендант ведал всеми крепостными сооружениями, магистрат города отношения к ним не имел.

Пернов являлся одним из городов России, где по указу Петра I в 1721 году были учреждены гарнизонные военные школы для подготовки унтер-офицерских кадров для армии⁴. В Перновской гарнизонной школе готовились младшие военные инженеры (кондукторы), и Абраму Петровичу было поручено преподавать им математические науки, фортификацию и черчение. В этом, видимо, и заключалась служба Абрама в Пернове. Возможно, что комендант города использовал его как сведущего военного инженера и при обновлении фортификационных сооружений крепости, если таковые работы в то время там производились.

Известно, что в 1731 году Абрам получил предписание

---

¹ История Эстонской ССР, т. I. Таллин, 1961, с. 203.

² «Das Inland», 1836, №№ 8, 10.

³ В. И. Годунов. Краткий очерк истории Эстляндии. Ревель, 1910, с. 62.

⁴ Очерки истории СССР. Россия в первой четверти XVIII в., с. 358.

прибыть в Канцелярию главного управления артиллерии и фортификации в Петербурге. Там он должен был явиться к инженер-генерал-майору И. Л. Люберасу⁵ для дачи справок о Селенгинской крепости, при которой он «не малое время обретался и о тамошних местах довольно знать ему можно»⁶. Видимо, именно тогда решался вопрос о судьбе Селенгинской крепости, строительство которой Ганнибал признал в 1729 году невыполнимым.

По характеру своей преподавательской работы в местной школе кондукторов Абраму, несомненно, приходилось ездить и в командировку в Ревель, где находилась канцелярия Эстляндской артиллерийско-фортификационной конторы, которой он был непосредственно подчинен по службе.

Осенью этого же 1731 года Абрам неожиданно решил оставить военную службу и уйти в отставку. Конкретные причины этого поступка нам не известны, однако они не могли иметь характера служебного преследования, так как положение Абрама в то время было достаточно устойчивым: он пользовался симпатией знавшей его с детства племянницы Петра, императрицы Анны Ивановны, и дружбой своего принцепала графа Б. Х. Миниха, входившего тогда в фавор.

Скорее всего причины эти были личного характера, в первую очередь связанные с неудовлетворенностью своим служебным положением. По возвращении из Сибири Абрам, несомненно, надеялся на более видное назначение в самом Петербурге, где при Петре I и Екатерине I он занимал значительные и близкие к царскому двору должности. Теперь же, при новом временщике Э. Бироне и входивших в силу немцах, он уже не мог рассчитывать на служебное повышение и перевод в столицу, где к «птенцам Петровым» относились так же подозрительно, как недавно при господстве князей Долгоруких. В такой обстановке дальнейшая служба в провинциальном городке Эстонии явно представлялась Абраму бесперспективной. Да и присвоением ему ранга инженер-капитана он был вправе считать себя обиженным; для получившего

---

⁵ Уроженец Лифляндии барон Иоганн Людовик Люберас в чине инженер-майора строил при Петре I Ревельскую гавань в 1714 г. Генерал-майор с 1726 г., генерал-лейтенант с 1739 г., инженер-генерал с 1742 г. Умер в 1752 г.

⁶ Исторические статьи М. Д. Хмырова, с. 30.

специальное образование во Франции бомбардир-поручика лейб-гвардии Преображенского полка и крестника первого российского императора это был в самом деле чин невеликий. Абраму, верно, помнились другие денщики Петра, которые были уже генералами, адмиралами (А. Б. Бутурлин, И. М. Головин, А. Девиер, П. Ягужинский и др.). Наконец, у «царского арапа» назревала с красавицей-женой, на виду немецкого общества небольшого городка, семейная драма, которую он должен был переживать весьма болезненно. Все эти обстоятельства вместе взятые и привели его, видимо, к решению оставить службу, — может быть, временно, до изменения политической обстановки в стране.

Подтверждение сказанному можно найти в немецкой биографии Абрама, где о его жизни в Пернове пишется следующее:

«Здесь же он был хоть вновь в обитаемой местности, среди людей, довольно далеко от лица своих завистников и, так сказать, незамеченным. Однако ему, человеку, который себя чувствовал способным к большему, чем это новое местопребывание, было достаточно скучно (он его терпеливо выносил все же, сколь мог, долго) ... Он решился оставить эту ему больше не выгодную службу, не дающую никаких видов на новое счастье и дальнейшее повышение в чинах»⁷.

Впрочем, не следует совершенно исключать и такую возможность, что, наученный горьким опытом и пострадавший от преследования прежних временщиков (Меньшикова и Долгоруких), Ганнибал из опасения перед новым — Бироном — не счел за лучшее временно уйти с государственной службы. Известно, что обстановка в России в начале тридцатых годов стала весьма тяжелой. М. Д. Хмыров пишет:

«Гордый, невежественный и злобный Бирон, к несчастью, был довереннейшим лицом государыни, волею которой коварно и дерзко играл он, окружая престол плотною стеною своих сторонников, таких же, как он, пришлецов. Левенвольды, Менгдены, Кейзерлинги и другие бесчисленные курляндцы, перемешанные с остзейцами, водворились тогда в России, овладели лучшими местами и должностями, наводнили все управления ... Конфискации производились тщательно; розыски чинились неуто-

---

⁷ Рукою Пушкина, с. 49 и 55—56.

мимо. Отдаленнейшие края России с ужасом узнавали имя Бирона, слишком известное пока одним Долгоруким»⁸.

«Известный арап Ганнибал, крестник Петра Великого и предок славного Пушкина, избегая преследований страшного временщика, безвыходно скрывался в каком-то захолустье. Страшное «слово и дело» раздавалось повсюду, увлекая в застенки сотни жертв мрачной подозрительности Бирона или личной вражды его шпионов, рассеянных по городам и селам, таившихся чуть ли не в каждом семействе. Казни были так обыкновенны, что уже не возбуждали ничьего внимания, и часто *заплечные мастера* клали кого-нибудь на колесо или отрубали чью-нибудь голову в присутствии двух-трех нищих старушенок да нескольких зевак-мальчишек»⁹.

Возможно, что генерал-фельдцейхмейстер Б. Х. Миних, исходя из неблагоприятной для крестника Петра I политической обстановки, и счел для него, до времени, наиболее подходящим службу в небольшом чине в удаленном от столицы Пернове. Отсюда становится понятным скрытый смысл фразы немецкой биографии: «...его старый верный друг граф Миних оказал ему помощь в возвращении из Сибири и в известном роде запрягал его затем в Перновский гарнизон...»¹⁰.

11 октября 1731 года Б. Х. Миних, получив соответствующее прошение Ганнибала, ходатайствовал об отставке инженер-капитана Абрама Петрова в связи с головными болями «и о милостивейшем к ево, со всею фамилиею, пропитанию, яко чужестранного, награждении»¹¹. В отставке ему было сначала отказано. В то время получить ее было трудно, так как, по петровскому указу, все должны были находиться на государственной службе до потери работоспособности.

7 июня 1732 года Б. Х. Миних вторично ходатайствовал об отставке Абрама. Но только 21 мая 1733 года А. П. Ганнибал был уволен в отставку с производством в следующий чин майора.

Недавно в фондах Центрального государственного

---

⁸ М. Д. Хмыров. Графиня Екатерина Ивановна Головкина и ее время, с. 162—163. См. также: С. М. Соловьев. История России с древнейших времен, кн. X. с. 268—269, 652—661.

⁹ М. Д. Хмыров. Графиня Екатерина Ивановна Головкина и ее время, с. 180.

¹⁰ Рукою Пушкина, с. 48 и 55.

¹¹ Исторические статьи М. Д. Хмырова, с. 29.

исторического архива СССР был обнаружен и сам доклад генерал-фельдмаршала Б. Х. Миниха императрице Анне Ивановне в связи с прошением Ганнибала об отставке, на котором имеется резолюция Анны: «Учинить по сему». Ввиду немалого значения этого документа с автобиографическими данными прадеда А. С. Пушкина приводим текст его полностью:

«Инженерного корпуса капитан Аврам Петров бьет челом Вашему императорскому величеству. А мне подад челобитную, в которой написал, что служит он Вашему императорскому величеству с 705-го года. И при дяде Вашего императорского величества высокоблаженные и вечностойные памяти государе императоре Петре Великом был при всех тех баталиях, при которых его величество своею особою присутствовать соизволил, а именно: под Добриным, под Лесным, под Полтавою, при Ангуте, под Прутом и во многих зело трудных походах всегда при его величестве.

А в 716-м году по указу его, государя-императора, послан во Францию, где, быв для обучения военных дел и ради присмотра тамошних порядков, служил в тамошней военной службе и тамо в 1718-м году при атаке города Фонтараби ранен тяжко на голове в двух местах. А в 724 году, прибыв оттуда паки в Россию, пожалован лейб-гвардии в бомбардирскую роту поручиком. А в 727 году послан был в Тобольск, а оттуда на китайскую границу в Селенгинск для строения тамошней крепости, где по силе Вашего императорского величества указов порученные ему дела исправлял со всяким прилежанием. А в 730-м году по указу бывшего Верховного Тайного Совета в Тобольский гарнизон определен маэром, а сентября 25 дня по именному Вашего императорского величества указу во инженерный корпус капитаном, где и поныне обретается.

А ныне за очною (глазной) болезнию и за слабым здоровьем в том корпусе служить не может и просит от воинской и штатской служб об отставке...

А понеже за очною болезнию и за слабым здоровьем и за протчими имеющимися у него болезнями при так касающемся яко инженер-капитану многотрудном до инженерного искусства деле ему, капитану, при корпусе инженером быть неспособно, того ради всеподданнейше Вашего императорского величества прошу об отставке оного капитана Петрова о всемилостивейшем указе,

А для его, яко чужестранного человека пропитания не соизволит ли Ваше императорское величество всемилоостивейше повелеть: по смерти его производить ему жалованье из ныне получаемой им суммы третью часть, а именно: по 100 рублей в год по рассмотрению Правительствующего Сената из какой суммы надлежит»¹².

2. Разрыв с первой женой и вторичная женитьба

О семейной жизни своего прадеда А. С. Пушкин пишет следующее:

«В семейственной жизни прадед мой Ганибал так же был несчастлив, как и прадед мой Пушкин. Первая жена его, красавица, родом гречанка, родила ему белую дочь. Он с нею развелся и присудил ее постричься в Тихвинском монастыре, а дочь ее Поликсену оставил при себе, дал ей тщательное воспитание, богатое приданое, но никогда не пускал ее себе на глаза. Вторая жена его, Христина-Регина фон Шеберх, вышла за него в бытность его в Ревеле обер-комендантом и родила ему множество черных детей обоего пола»¹.

В немецкой биографии Ганнибала о его семейной жизни говорится несколько иначе:

«Его первая жена была родом гречанка и называлась Авдотья Алексеевна, она родила ему дочь Авдотью и вскоре после того постриглась в Тихвине в монахини, где и скончалась. Дочь же ее умерла помолвленной невестой, в расцвете лет»².

«... За это время он вторично женился, именно на дочери тамошнего капитана Матвея фон Шёберг (Schöberg). Этот капитан Шёберг был родом швед, жена же его, урожденная фон Альбедиль (Albedyl) — лифляндка»³.

Достоверные сведения о первом браке А. П. Ганнибала стали известны широкому кругу читателей лишь в 1877 году, после того как С. И. Опович опубликовал в журнале «Русская старина» статью об Евдокии Анд-

---

¹² Н. Малеванов. Прадед поэта, с. 117. Приведенный документ хранится в ЦГИА СССР, ф. 1329, оп. 3, д. 64, л. 125.

¹ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. 8, с. 80.

² Рукою Пушкина, с. 49 и 56.

³ Там же, с. 49 и 55.

реевне Ганнибал⁴. Автору статьи удалось найти в архиве Санкт-Петербургской духовной консистории бракоразводное дело А. П. Ганнибала⁵, позволившее осветить одно из белых пятен в биографии прадеда А. С. Пушкина. Определенный интерес представляет этот документ и с исторической точки зрения, как образец бракоразводных дел в первой половине XVIII века. Ведь «дело» это велось 21 год! Чтобы читатель получил о нем цельное представление, откажемся на время от хронологической последовательности в описании жизни А. П. Ганнибала и обратимся к печальной истории его первого брака.

В предыдущей главе было сказано, что А. П. Ганнибал женился в Петербурге на Евдокии Андреевне Диопер, которая имела жениха, флотского поручика Александра Кайсарова. Вынужденная покориться воле родителя, Евдокия тем не менее до свадьбы сошлась с Кайсаровым.

Венчание состоялось 17 января 1731 года в церкви св. Симеона Богоприимца, и уже через месяц Абрам Петрович с женой отправился на службу в Пернов. Жизнь с нелюбимым мужем в провинциальном городке, видимо, очень не понравилась Евдокии Андреевне, и она стала искать развлечений. Среди подчиненных мужу курсантов гарнизонной школы ей приглянулся кондуктор Яков Шишков — ловелас, пользовавшийся успехом у перновских женщин. Ранее у Шишкова был роман со старшей дочерью мещанки Моор (Морша), которую он соблазнил обещанием жениться на ней и обманул. По жалобе матери девушки начальство распорядилось «Шишкову учинить наказание на теле, да тем дело и покончить» (Опатович). Шишков, однако, не перестал бывать у Моор, с которой вскоре познакомилась и Евдокия Андреевна. В одно из апрельских воскресений 1731 года она пришла к Моор и послала младшую дочь ее Марию за Шишковым. Сели играть в карты, в «короли». «И когда он, Шишков, король был, то ей, капитанше, наложил, чтоб она его целовала, что капитанша и учинида». После этого Евдокия Андреевна стала в отсутствие мужа при-

---

⁴ С. И. Опатович. Евдокия Андреевна Ганнибал, первая жена Абрама Петровича Ганнибала. 1731—1753. — «Русская старина», т. XVIII, 1877, с. 69—78.

⁵ В настоящее время это бракоразводное дело хранится в ЦГИА СССР, ф. 796, оп. 30, д. 479.

глашать Шишкова к себе через писаря Тимофеева. При таких свиданиях у них «любление пошло» и шло до конца февраля следующего 1732 года⁶.

В небольшом городке, принимая во внимание повышенный интерес местного немецкого общества к темнокожему «царскому арапу» и его красавице-жене, связь ее с Шишковым долго скрываться не могла. Слухи о ней скоро дошли и до Абрама Петровича. Впрочем, вряд ли Евдокии Андреевне удалось скрыть от мужа и свой поступок в Петербурге с Кайсаровым накануне свадьбы.

Помимо того, случилось неизбежное: по миновению положенного срока у Евдокии Андреевны в Пернове родился в сентябре или начале октября ребенок — та Авдотья (Евдокия), о которой пишет немецкая биография и которую А. С. Пушкин в соответствии с семейными преданиями называет «белой дочерью» прадеда. Для Абрама Петровича белая дочь явилась доказательством связи жены, до свадьбы, с Кайсаровым. Хотя в бракоразводном деле и не упоминается о рождении у Ганнибала дочери от первой жены и С. И. Опатович считает сведения об этом легендой, все же подтверждение этому можно найти в опубликованном недавно архивном материале: в исповедной росписи Воскресенской церкви пригорода Воронича за 1746 год. Дело в том, что хотя сам А. П. Ганнибал как член комиссии по размежеванию государственной границы со Швецией находился в 1745—1746 годах в служебной командировке в Финляндии, семья его жила в Петровском, в пожалованных Ганнибалу в 1742 году псковских владениях.

В исповедной росписи показаны все бывшие у причастия «военные села Петровского господина генерал-майора Аврама Петровича Ганнибала дети: Евдокия — 15 (лет), Анна — 9, Елисавета — 8, Петр — 6, Януарий — 1 год 9 месяцев»⁷. Старшая из указанных детей, дочь Евдокия — эта та самая Авдотья, о которой пишет немецкая биография Ганнибала и которую Пушкин называет Поликсеной. Старший сын Иван в это время уже учился в Петербурге в Морском шляхетском корпусе. Согласно записи в исповедной росписи Воронической церкви, Евдокия родилась в 1746—15=1731 году. Хотя календарный срок формально не исключал отцовства

---

⁶ С. И. Опатович. Евдокия Андреевна Ганнибал..., с. 71.

⁷ Н. Малеванов. Прадед поэта, с. 160.

Ганнибала, ему должно было быть ясно действительное положение вещей. В перновском обществе, как и среди офицеров гарнизона, рождение у царского эфиопа белой дочери явилось сенсацией, для Ганнибала весьма неприятной. Видимо, это и побудило его подать первый рапорт об уходе в отставку в октябре 1731 года.

Теперь подозрительному и ревнивому Абраму, до которого дошли слухи о связи Евдокии Андреевны с подчиненным ему кондуктором Шишковым, не стоило большого труда уличить жену в супружеской неверности.

28 февраля 1732 года А. П. Ганнибал письменно донес в перновскую гарнизонную канцелярию о том, что того же числа кондуктор Гавриил Кузьминский объявил ему, будто кондуктор Яков Шишков «хвалился его, капитана, окормить» и что об этом Кузьминский слышал от кондуктора Фабера. На дознании Фабер под присягою показал, что 26 февраля мещанка Моор говорила ему: «приходил-де ко мне Шишков и говорил, что капитан Абраам Петров болен и кабы капитанша была умна и послала в аптеку и купила чего и дала б ему, Петрову, и он бы не долго стал жить». То же показала и сама «Морша»⁸.

Поддав жалобу на своих подчиненных, А. П. Ганнибал принялся за жену. Согласно показаниям Евдокии Андреевны, он приставил к ней караул, запирали ее в своей комнате, где заранее были приготовлены розги, батоги и плети, и «бил и мучил несчастную смертельными побоями необычно», принуждая ее показать на суде и при допросах, что она «с кондуктором Шишковым хотела его, Ганнибала, отравить и с ним, Шишковым, блудчинила». В случае, если она не покажет по его желанию, «грозил ее, Евдокию, убить»⁹.

В гарнизонной канцелярии, где производилось дознание по делу о нарушении супружеской верности, Евдокия Андреевна все показывала по желанию мужа. В продолжение месяца она жила у мужа. По окончании дознания, в конце марта 1732 года, Евдокия Андреевна была оставлена в гарнизонной канцелярии и затем препровождена на Госпитальный двор, где обычно содержались осужденные. Там она провела 5 лет под караулом, «пока суды кончались». Арестанты Госпитального

---

⁸ С. И. Опапович. Евдокия Андреевна Ганнибал..., с. 71.

⁹ Там же, с. 71—72.

двора питались либо на средства родных, либо жили милостыней. На содержание Евдокии Андреевны муж ничего не давал, и ей приходилось часто голодать.

Между тем в следующем 1733 году А. П. Ганнибал ушел в отставку. Он сошелся с дочерью капитана Матвея фон Шёберга, девицей Христиной Региной¹⁰, и поселился с нею в купленной им маленькой усадьбе (мызе) Карьякюла неподалеку от Ревеля.

С рождением детей встал вопрос об их будущности. Судьба незаконнорожденных в те времена оказывалась незавидной, поэтому А. П. Ганнибал стал искать в Ревеле православного священника, который повенчал бы его с Христиной Шёберг. Однако священники отказывались венчать под разными предлогами, — видимо, у Ганнибала не было документа, дающего ему право вступить во вторичный брак. В конце концов А. П. Ганнибал условился со священником полковой церкви Эстляндского гарнизонного полка Петром Ильиным, который согласился повенчать их при условии, если ему предъявят так называемую «венечную память». Абраму Петровичу удалось получить «венечную память» у священника ревельской Николаевской церкви Ивана Филиппова, и в 1736 году Петр Ильин повенчал его с Христиной Матвеевной Шёберг. Согласно письменному ответу А. П. Ганнибала на запрос Санкт-Петербургской духовной консистории, венчание состоялось «в Ревельской соборной церкви»¹¹.

Соборной церковью в Ревеле с 1716 года был ныне существующий в Таллине на улице Ноорузе Преображенский собор, сохранивший по сей день интерьер таким, каким он был при венчании А. П. Ганнибала¹².

---

¹⁰ Когда, где и при каких обстоятельствах А. П. Ганнибал познакомился с Христиной фон Шёберг, а также когда стал сожителем с ней, установить не удалось. По времени это могло случиться не позже 1734 г., так как согласно формуляру у него в 1735 г. родился первый сын Иван.

¹¹ С. И. Оpatович. Евдокия Андреевна Ганнибал..., с. 75.

¹² История этого храма, одного из древнейших в Таллине, весьма интересна. Первоначально он был костелом во имя архангела Михаила при женском цистерцианском монастыре, основанном в 1249 г. К середине XVI в., с утверждением протестантской религии в Эстляндии, католический Михайловский монастырь был упразднен и храм его превратился в лютеранскую кирку. В 1631 г. по повелению короля Густава II Адольфа она стала шведской гарнизонной церковью и оставалась таковой до капитуляции Ревеля в 1710 г. В 1716 г. эстляндский генерал-губернатор князь А. Д. Меншиков по распоряжению Петра I приказал магистрату Ревеля передать эту

В связи с оформлением в Ревеле второго брака Ганнибалу, видимо, понадобился документ, оправдывающий его разрыв с первой женой, без которого ему вряд ли удалось бы получить «вечную память» у священника Николаевской церкви Филиппова. Поэтому Ганнибал обратился в военный суд Перновского гарнизона, где велось дело о нарушении супружеской верности Евдокией Андреевной, и получил оттуда сентенцию (решение, приговор) следующего содержания: «Прелюбодеице учинить наказание — гонять по городу лозами, а прогнавши, отослать на Прядильный двор, на работу вечно; а Ганнибалу, как невинному, за руками всех присутствующих, выдать аттестат»¹³.

А. П. Ганнибалу, имевшему на руках такое решение военного суда и повенчанному затем церковным браком со второй женой, могло казаться, что отношения его с первой женой разорваны, с точки зрения закона, вполне правильно.

Однако на деле получилось иное. Суд офицеров Перновского гарнизона руководствовался в 1732 году законоположениями первой четверти XVIII века, по которым преступления против нравственности (изнасилование, прелюбодеяние, кровосмешение, двоеженство и т. п.) наказывались очень строго, вплоть до смертной казни. Одним из видов наказания в подобных случаях являлась ссылка навечно или на определенный срок: мужчин — на галеру (каторгу) или на тяжелые строительные работы для нужд русского гарнизона. Квартировавший в Ревеле Эстляндский полк перенес сюда свой полковой образ (икону) св. Феодора Стратилата, и она стала именоваться соборной Феодоровской церковью. В 1734 г. она была переименована в Преображенский собор и передана духовному ведомству для гражданского населения. Однако и в XIX в. приход его отличался еще военным характером, так как к нему принадлежали военная администрация гарнизона, стоявшие в Ревеле артиллерийские части и рота военных кантонистов, не имевшие своей церкви. Теперешний наружный облик, с колокольней и куполом, собор приобрел после капитальной перестройки в 1827 г.

Примечательностью Преображенского собора (ныне эстонского прихода) является изготовленный в 1720 г. по повелению Петра I и установленный в 1732 г. великолепный позолоченный резной на дубе иконостас, находящийся ныне под охраной государства. Интересны образа, рисованные в 1829 г. живописцем Алексеем Королевым (6 образов) и академиком Алексеем Венециановым (4 образа), а также росписи стен собора, выполненные в 1895 г. известным ревельским художником Шпренгелем (см.: *К. Тизик. История Ревельского Преображенского собора. Ревель, 1896*).

¹³ С. И. Опатович. Евдокия Андреевна Ганнибал..., с. 73.

боты в Азов, Рогервик или в Сибирь, а женщин — на работы в мануфактуры, на Пряжильный двор¹⁴.

Между тем в 1724 году указом Петра I дела о нарушении супружеской верности были изъяты из ведения светского суда и переданы в ведение святейшего синода, где они должны были рассматриваться в духовных судах при консисториях. Военный суд Перновского гарнизона, очевидно, не ведал о существовании этого указа, так как по новым юридическим нормам сентенция по делу Евдокии Андреевны Ганнибал, так жестоко наказанной, оказывалась неверной, противозаконной и, следовательно, недействительной.

По применявшемуся в то время в Прибалтике шведскому законодательству (указ королевы Кристины от 18 мая 1653 года) Евдокия Ганнибал отделалась бы в гражданском суде города Пернова за нарушение брака денежным штрафом в размере 80 серебряных талеров (около 100 серебряных рублей) или, в случае неуплаты, подверглась бы публичному телесному наказанию розгами на площади перед зданием магистрата.

В 1736 году Евдокия Андреевна находилась в Пернове по-прежнему под караулом на Госпитальном дворе. Для приведения в исполнение приговора военного суда требовалось утверждение высшей судебной инстанции. Между тем осужденная написала прошение в Канцелярию главной артиллерии и фортификации, чтобы ее вытребовали в Петербург. Просьбу ее уважили. В Петербурге от ее имени была 1 марта 1737 года подана челобитная в синод. В ней Евдокия Андреевна заявляла, что показания свои в перновской гарнизонной канцелярии дала неправильно, опасаясь угроз мужа; неправильно якобы показал и кондуктор Шишков, подчиненный по службе Ганнибалу. Евдокия Андреевна просила синод пересмотреть ее дело в духовном ведомстве и передопросить как ее мужа, так и свидетелей. Вместе с тем она просила освободить ее из-под караула, чтобы «голодную смертью не помереть».

Синод после продолжительной переписки с Канцелярией главной артиллерии и фортификации вытребовал дело Евдокии Ганнибал, и 3 декабря 1743 года оно поступило в синод. Так прошло 12 лет со времени подачи

---

¹⁴ Очерки истории СССР. Россия в первой четверти XVIII в., с. 300, 402, 406.

А. П. Ганнибалом в Пернове первого заявления по этому делу. Синод передал дело епископу Санкт-Петербургскому Никодиму. По его распоряжению Евдокия Андреевна была отдана на поруки и поселилась у своих знакомых на Васильевском острове, в приходе Андреевской церкви.

А. П. Ганнибал в это время был уже снова на службе и в чине генерал-майора занимал должность обер-коменданта города Ревеля. В Петербурге он имел квартиру также на Васильевском острове в приходе Благовещенской церкви, куда временами наезжал и где имел возможность через знакомых следить за поведением своей первой жены. А Евдокия Андреевна, очутившись на свободе после долгого заключения, не вела себя осторожно. Познакомившись с подмастерьем Академии наук Абумовым, она вступила с ним в связь и забеременела. В поисках выхода из создавшегося положения она обратилась за советом к своему духовнику, настоятелю церкви св. Андрея Первозванного Андрею Никифорову. Тот посоветовал ей обратиться в консисторию с покаянием, что она и сделала.

17 мая 1746 года Евдокия Ганнибал подала в Санкт-Петербургскую консисторию прошение, составленное за ее неграмотностью священником Андреем Никифоровым. В этом прошении она чистосердечно признавалась во всех своих поступках и в заключение писала, что она и теперь «такою же своею виною одержима есть, как и ныне имеется чревата»; просила развести ее с Абрамом Ганнибалом, женившимся уже на другой и имевшим от той нескольких детей. Вскоре Евдокия Андреевна родила дочь Агриппину; ребенок родился слабеньким, через некоторое время умер и был похоронен на Самсониевском кладбище.

Получив прошение Евдокии Андреевны, Санкт-Петербургская консистория послала А. П. Ганнибалу запрос по следующим четырем пунктам: 1) действительно ли он повенчан вторично, 2) кто и в какой церкви венчал его, 3) по чьей «венечной памяти» он повенчан и 4) которым показан браком?

На запрос консистории А. П. Ганнибал ответил, что в 1736 году он действительно венчан в Ревельской соборной церкви вторым браком с дочерью умершего капитана Шёберга, девицей Христиной, и имеет с нею 5 человек детей. На другие вопросы он не ответил и заявил, что о

том, каким образом вступил в супружество с Христиной Шёберг и каким показал себя браком, а также о поступках своей первой жены Евдокии он 23 мая 1746 года подал челобитную императрице.

Прошение А. П. Ганнибала императрица Елизавета препроводила в святейший синод, а синод, в свою очередь, — в Санкт-Петербургскую консисторию. Минутно еще три года.

Чтобы выйти наконец из этого тяжелого и запутанного положения, Абрам Петрович 15 сентября 1749 года сам обратился в Санкт-Петербургскую консисторию с ходатайством о разводе с первой женой. Он просил консисторию, «чтобы в рассуждение его долговременной и беспорочной службы и вторичного брака, его всемилоостивейше оборонить, и бывшую его жену Евдокию взять в консисторию и за чинимое ею прелюбодеяние отрешить от него вовсе, дабы она прелюбодеица долее не называлась его женою и, таскаючись на воле, своими неопоробствы еще более его к бесчестию не довела»¹⁵.

К этому прошению был приложен аттестат, выданный Ганнибалу военным судом Перновского гарнизона. В аттестате говорится, что кондуктор Шишков повинен «в ослушании команды и фальшивых доношениях, и в блуде жены его, капитана, и в отраве его, капитана, женою и им Шишковым — кондуктор Гаврила Кузьминский в ведомстве приличился. И означенные кондукторы пред судом признались во всем винны, и пред судом кондукторы Шишков и Кузьминский слезно христианского прощения у Петрова просили и тот их простил. Поэтому судьи, признавая Петрова правым, выдали ему аттестат, а Шишкова и Кузьминского признали во всем повинными»¹⁶.

Прошение А. П. Ганнибала поступило на заключение к архиепископу санкт-петербургскому Феодосию, который предложил решить дело так:

1) Евдокию Андреевну с Ганнибалом разлучить, 2) По силе указа от 8 января 1744 года, учиня ей наказание, послать ее в Оренбург или, по рассмотрению синода, в отдаленный монастырь, на монастырские труды вечно, потому что «таковая сквернодеица в резидирующем граде быти не может». 3) Относительно нового брака

¹⁵ С. И. Оpatович. Евдокия Андреевна Ганнибал..., с. 76.

¹⁶ Там же.

А. П. Ганнибала говорится, что «к тому второбрачию не малую подала причину сентенция суда о наказании жены и ссылке ее на Прядильный двор на работу вечно, что и всякому, не совершенно знающему духовных прав, покажется за действительное разлучение. Сверх же всего, с нынешнею его второбрачною женою в сожитии уже 13 лет и имеет 6 детей, чего ради, вместо разлучения, снабдить его церковною епитимиею, и, сверх того, денежным штрафом, а с сею его женою брак его утвердить. Что ж военный суд, забыв опубликованный имянной блаженной и вечной славы достойной памяти государя императора Петра Великого в 1724 г. указ, по которому повелено прелюбодейным делам быть ведомым в святейшем синоде, не токмо единый суд производили, но и сентенцию над прелюбодеицею утвердили и тем оному Ганнибалу ко второбрачию оказию дали и за то присутствующие, кои под аттестатом подписались, подлежат суду»¹⁷.

Евдокию Андреевну Ганнибал предупредили, чтобы она «удалялась от прелюбодейного жития, под опасением најесточайшего наказания, без всякого помилования»¹⁸.

5 декабря 1749 года поручители Евдокии Андреевны отказались от поручительства, — видимо, по причине ее легкомысленного образа жизни. А. П. Ганнибал в тот же день подал в консисторию прошение, чтобы «жену его, ради ее непотребств, на поруки не отдавать, а, до решения дела в синоде, содержать в консистории под караулом», обещая присылать ей пропитание. Архиепископ Феодосий удовлетворил просьбу, и Евдокия Андреевна снова очутилась в арестантской Санкт-Петербургской духовной консистории, где ей пришлось просидеть под караулом еще 4 года.

17 ноября 1750 года синод передал дело Ганнибалов на рассмотрение новому архиепископу санкт-петербургскому Сильвестру Кулябке. Тому понадобились ответы на следующие вопросы: 1) какого вероисповедания вторая жена Ганнибала, 2) на каком основании повенчана с ним? Дело было в том, что Христина была лютеранкой, а православным — в данном случае Абраму Петровичу — дозволялось вступать в брак с иноверными только с разрешения епархиального начальства. Такого

---

¹⁷ С. И. Оpatович. Евдокия Андреевна Ганнибал..., с. 76.

¹⁸ Там же, с. 77.

разрешения А. П. Ганнибал не имел. Возможно, он в 1736 году и не знал о существовании такого требования, хотя это должен был знать священник, который венчал его с Христиной фон Шёберг.

Началась новая переписка. Выяснилось, что виновного ревельского священника Петра Ильина уже не было в живых, и ответа на оба вопроса архиепископа Сильвестра не удалось получить...

Наконец 9 сентября 1753 года состоялось окончательное определение Санкт-Петербургской духовной консистории по делу Евдокии Андреевны Ганнибал. Ее признали виновной в преступных сношениях до замужества с Александром Кайсаровым и после свадьбы с Шишковым и Абумовым и присудили: с Ганнибалом ее развести и препроводить в губернскую канцелярию «для отсылки куда таковых посылают» (Опатович), или отправить в отдаленный монастырь «в труды монастырские вечно»; брак Ганнибала с Христиной Шёберг утвердить, наложив на него эпитимию и денежный штраф; с Евдокии Андреевны взять подписку, «чтобы она впредь женою Ганнибала не называлась и в новое прелюбодеяние не впадала, под опасением наихудшего наказания, а за прежнее свое согрешение принесла покаяние пред отцом духовным и строго исполняла эпитимию, какая ей будет наложена»¹⁹.

Ввиду того, что в Петербургской епархии женских монастырей не было, святейший синод повелел заключить Евдокию Андреевну в Староладожский женский монастырь в Новгородской губернии, где она и закончила свои дни. Дата ее смерти неизвестна.

3. Отставка и жизнь в Карьякюла близ Ревеля

(1733—1740)

Как мы видели, 21 мая 1733 года А. П. Ганнибал был уволен в отставку с назначением ему небольшой пенсии в размере одной трети годового оклада — 100 рублей в год.

Немецкая биография сообщает об этом периоде жизни А. П. Ганнибала:

---

¹⁹ С. И. Опатович. Евдокия Андреевна Ганнибал..., с. 78.

«... Он взял свои унаследованные 2000 (дукатов) и то, что он отложил из содержания за время своей службы, и купил себе расположенное недалеко от Ревеля имение Каррикулла в 1 1/2 ревельских гаконов и жил сельским хозяином, как нетребовательный мудрец с растущим семейством, которого без этого шага он не смог бы как следует обеспечить, столь хорошо и довольно, как это ему повелевала судьба»¹.

Не позднее 1734 года А. П. Ганнибал вступил в связь, а в 1736 году заключил церковный брак с Христиной Региной фон Шёберг. Отец Регины, Матвей фон Шёберг, по национальности был шведом. Известно, что после Полтавской битвы Петр I брал к себе на службу пленных шведских офицеров. Так, когда 14 августа 1710 года Пернов капитулировал перед генералом Р. Ф. Боуром, шведский комендант полковник Я. Г. фон Швенгель вместе с вверенным ему гарнизоном (за исключением артиллеристов, ушедших в Ревель, тогда еще шведский) перешел на русскую службу. Видимо, и отец Христины, капитан Матвей фон Шёберг, был ранее офицером шведской армии.

Подтверждение этому находим в статье «Шведские предки Пушкина», помещенной в стокгольмской газете «Stockholms Dagblad» от 11 июня 1899 года. В ней говорится, что род Шёбергов был возведен в шведское дворянство в лице Матиаса Отто Шёберга, который родился в 1624 году и умер в должности шталмейстера шведского короля в 1692 году². Сын этого шталмейстера, капитан Вестманландского полка Матиас фон Шёберг, упоминается в шведской военной историографии, где сообщается, что в октябре 1709 года ему было поручено сопровождать из Риги в Стокгольм 217 русских пленных. Уезжая, он оставил в Риге свою семью и все свое имущество. «Надо предполагать, — пишет автор статьи в «Stockholms Dagblad», — что этот Матиас Шёберг был женат и что его жена и дочь 1-го июня 1710 г. попали в плен к русским, вступившим в Ригу, а затем были препровождены в Ревель, взятый русскими 29-го сентября... Христина фон Шёберг, как девица из благородной фамилии и в качестве дочери-пленницы, могла быть

---

¹ Рукою Пушкина, с. 49 и 55—56.

² Матиас Отто Шёберг получил потомственное дворянство 18 авг. 1668 г.

впоследствии принуждена вступить в неравный брак и сделаться женою негра»³.

После завоевания Петром I Прибалтики капитан Матиас фон Шёберг, видимо, вернулся из Швеции к своей семье в Эстляндию и вступил затем в русскую военную службу. Свою семью — жену и детей — он нашел в Ревеле, что подтверждается следующими документами.

1) В метрических книгах ревельской лютеранской церкви св. Николая, хранящихся ныне в Таллинском городском архиве, имеются записи

— о смерти в 1742 году капитана Матиаса Иогана фон Шёберга⁴;

— о регистрации брака дочери его Юлианы Шарлотты, вышедшей в 1742 году замуж за капитана Ревельского гарнизонного полка Георга Рейнгольда Родэ, и о рождении у них в 1743 году дочери Регины Христины⁵;

— о регистрации брака второй дочери его Анны Густавианы, вышедшей в 1746 году замуж за кондуктора Инженерного корпуса Георга Симона фон Соколовски⁶;

— о смерти Георга Карла фон Шёберга в 1757 году, на 51 году жизни, и о захоронении его под деревьями у церкви св. Николая, с уплатой в кассу церкви 5 рублей 45 копеек⁷.

2) Согласно записям в метрической книге этой же церкви, Георг Карл фон Шёберг служил в 1744 году поручиком в Ревельском гарнизонном полку, а с 1746 года был капитаном ревельской городской стражи; будучи женат на Анне Варваре Даницкой, имел сына и 5 дочерей⁸.

3) Прибалтийский историк Г. Врангель пишет в своем труде «История ревельских черноголовых», что вторая жена А. П. Ганнибала была жительницей города Ревеля⁹.

---

³ Цит. по кн.: Д. Н. Анучин. А. С. Пушкин, с. 29.

⁴ Таллинский городской государственный архив (далее — ТГА), ф. 31, оп. 2, ед. хр. 2, лл. 554, 563.

⁵ Там же, л. 554.

⁶ Там же, л. 563.

⁷ Там же, л. 1; оп. 1, ед. хр. 14, л. 311.

⁸ Там же, ф. 31, оп. 2, ед. хр. 5, лл. 47, 86, 130, 182, 231; ед. хр. 6, л. 17.

⁹ G. Wrangell. Geschichte der Revaler Schwarzenhäupter, Reval, 1930, S. 289.

Что касается матери прабабки А. С. Пушкина Христины Регины Ганнибал, то она была лифляндка, «урожденная фон Альбедиль». Семейство это — одно из древнейших в Ливонии, переселившееся сюда из Германии. Представители этого рода братья Клаус и Юрген впервые упоминаются в местной историографии в 1473 году. Семейство имело в Ливонии три ветви — лифляндскую, эстляндскую и курляндскую. Эстляндская ветвь владела крупными поместьями Аггерс (9 3/8 гака), Кунда (42 1/3 гака) и Саус (22 3/4 гака)¹⁰. В материалах Таллинского городского архива упоминаются следующие родственники жены А. П. Ганнибала: в 1738 году гвардии капитан барон Альбедиль, барон Альбедиль (видимо, штатский), в 1741 году полковник барон фон Альбедиль¹¹.

Приведенные выше данные о Матвее Шёберге и его близких родственниках в Ревеле вызывают сомнение в правильности предположения некоторых авторов о том, что знакомство А. П. Ганнибала с Христиной состоялось в Пернове (Э. Ф. Шмурло, М. Вегнер) и что он, следовательно, мог первым изменить Евдокии Андреевне, и что это могло случиться уже в 1731 году (М. Вегнер).

Документальные свидетельства службы капитана Матвея Шёберга в 1731—1733 годах в городе Пернове отсутствуют. Основанием для такого предположения послужила, видимо, фраза из немецкой биографии А. П. Ганнибала: «За это время он вторично женился, именно на дочери тамошнего капитана Матвея фон Шёберг». Эта фраза из текста биографии, где рассказывается о службе Ганнибала в Пернове, на первый взгляд весьма убедительно подтверждает такой вывод. Однако если, во-первых, принять во внимание, что эта биография была написана за пределами Эстонии после смерти Ганнибала, и, во-вторых, учитывать наличие в тексте биографии других неточностей и ошибок, то мы имеем право подойти к этой фразе более критически. По нашему мнению, понятие «тамошний» следует отнести в более широком смысле к тамошнему краю, к Эстонии, — в противоположность тому месту в России, где писалась биография (мыза Суйда, где жил и умер

---

¹⁰ Genealogisches Handbuch der estländischen Ritterschaft. Görlitz, 1931, S. 642—644; Land-Rolle des Herzogthums Ehistland nach der Revision von 1765. Reval, 1766, S. 3, 17, 28.

¹¹ ТГА, ф. 230, оп. 1, ед. хр. Ак 6, лл. 53, 54, 351.

А. П. Ганнибал?). Тогда обстоятельства, связанные со второй женитьбой Ганнибала, предстанут в следующем виде:

1. Семья «тамошнего капитана Матвея фон Шёберга» проживала в Ревеле, о чем недвусмысленно говорят приведенные выше документальные данные. Отец Христины, умерший в Ревеле в 1742 году, видимо, был в то время в отставке, ибо трудно предположить, чтобы он, будучи капитаном уже в 1709 году и оставаясь на действительной службе, за 22 года не выслужил очередного чина.

2. Родственники его жены — Альбедили — также жили в Ревеле и в своих имениях, расположенных около Ревеля (Саус) или восточнее Ревеля (Аггерс, Кунда).

3. Усадьба Карьякюла, купленная Ганнибалом в 1732 году, находилась тоже близ Ревеля, в непосредственной близости от места жительства родственников жены. Наконец, сама фраза в немецкой биографии «за это время он вторично женился» хронологически неверна, если отнести ее к Пернову: известно, что А. П. Ганнибал женился не в Пернове, а в Ревеле.

Все это вместе взятое говорит в пользу того, что знакомство А. П. Ганнибала с семейством своей второй жены Христины Регины фон Шёберг состоялось, по-видимому, в Ревеле.

Немецкая биография не сообщает, в каком году купил Ганнибал мызу Карьякюла и когда в ней поселился. Однако на основании материалов, хранящихся в Центральном государственном историческом архиве Эстонской ССР, можно заключить, что покупка Карьякюла состоялась в 1732 году. В земельных ревизионных списках этого года владельцем имения считается еще адмирал Головин, но в ландролле¹² 1732 года владельцем его помечен «Cap(itaine) Hannibal»¹³.

Что представляла собой мыза Карьякюла, где поселился А. П. Ганнибал, променявший в 1733 году военную службу на жизнь сельского хозяина, и где он прожил затем восемь лет?

В результате военных действий в Прибалтике между русскими и шведскими войсками в 1701—1710 годах и

¹² Ландролле — список имений (мыз) с указанием их размера (ценности) в гаках и фамилий владельцев.

¹³ ЦГИА ЭССР, ф. 854, оп. АЗ, ед. хр. 96, л. 6.

свирепствовавшей там эпидемии чумы население Эстляндии сильно пострадало. Многие деревни и мызы опустели. Опустела и Карьякюла, находившаяся в 30 километрах юго-западнее Ревеля (в 4 километрах северно-западнее города Кейла). Петр I подарил эту мызу адмиралу Головину¹⁴, который в последующие годы восстановил ее хозяйство. В спецификации 1732 года помечено, что за исключением одной старой риги все мызные постройки отстроены заново. Вместе с тем Головин поселил там новых крестьян-поселенцев.

За какую сумму Ганнибал приобрел у адмирала Головина мызу Карьякюла, нам не известно. Согласно немецкой биографии, ему пришлось к подаренным Петром I 2000 голландским дукатам (после Сибири вряд ли они сохранились у него полностью) прибавить сбережения из жалованья. Думается, что за деньгами на покупку усадьбы у него дело не стало, так как адмирал Головин был его давнишним знакомым по службе у Петра I и, надо полагать, с «царского арапа» дорого не взял.

В Центральном государственном историческом архиве Эстонской ССР хранится вакенбух 1739 года, подписанный А. П. Ганнибалом¹⁵. Этот документ свидетельствует, что владение Ганнибала состояло из двух частей: из четырех крестьянских хозяйств по 1/4 гака каждое и помещичьего земельного участка с посевной площадью в 6 тундеров (полубочек) зерна¹⁶. В ландролле 1745 и 1765 годов мыза Карьякюла соответствовала 2 2/5 гака¹⁷.

---

¹⁴ Иван Михайлович Головин был вначале денщиком Петра I, в 1712 г. произведен в генерал-майоры, в 1732 г. стал адмиралом и начальником галерного флота. В Северной войне командовал на Балтике отдельным морским отрядом (1714, 1715). В 1723 г. Петр I пожаловал ему в Лифляндии крупные имения Загниц и Каверсгоф. Умер в 1737 г.

¹⁵ Вакенбух (нем. Wackenbuch) — опись хутора (хозяйства) и хозяев с указанием величины и ценности земельного участка, количества трудоспособных людей (в данном случае мужчин), скота, крестьянских повинностей и налогов. Существовал в Прибалтике до отмены барщины.

¹⁶ Ревельский тундер вмещал 132,825 л.

¹⁷ Land-Rolle des Herzogthums Ehtland nach der Revision von 1765, S. 12.

Так — историческая поземельная мера в Эстляндии и Лифляндии, заключавшая в себе понятие как ценности земельного участка, так и крестьянских повинностей и налогов с этого участка. Первоначально под гаком понимали величину обычного крестьянского двора со всеми угодьями и с пашней, обрабатываемой одним плугом (сохой). В конце XVII в. в Эстляндии одному гаку соответство-

Согласно вакенбуху, на мызных крестьянских хозяйствах Карьякюла проживало 9 трудоспособных мужчин, в числе которых были 1 бурмистр, 1 пастух и 7 работников. За пользование помещичьей землей эти крестьянские хозяйства должны были отработывать барщину в количестве 11 человеко-дней в неделю на ординарной работе и 7 человеко-дней на летней вспомогательной работе; подати натурой помещику составляли 2 овцы, 4 курицы и 20 яиц¹⁸.

При трехпольной системе землепользования на посевную площадь одного поля (1/3 всей пашни) мызного участка высевали 6 тюндеров (полубочек) ржи. Обычно 0,85 тюндеров ржи сеяли на 0,52 гектара пашни. Следовательно, своей мызной пашни у Ганнибала было около 11 гектаров. Вместе с крестьянскими хозяйствами величина пахотной земли в Карьякюла достигала 18—20 гектаров. С учетом остальных угодий (сенокос, выгон, кустарниковая земля и проч.) общая площадь мызы, вероятно, составляла 120—150 гектаров. Тем не менее в списках помещичьих владений в Эстляндии в первой половине XVIII века мыза Карьякюла была одной из самых маленьких.

Здесь целесообразно коснуться и вопроса о происхождении фамилии Абрама Петровича — Ганнибал, которая встречается в ландролле за 1732 год.

А. С. Пушкин писал, что фамилию Ганнибал дал Ибрагиму (Абраму) Петр I при крещении его в православную веру в 1707 году. Мы видели, что на самом деле этого не было. Немецкая биография прадеда поэта рассказывает, что отец Ибрагима, абиссинский князь, «горделиво возводил свое происхождение по прямой линии к роду знаменитого Ганнибала, грозы Рима». Исторически эта версия кажется нам неправдоподобной. На самом деле к этой фамилии Абрам Петрович подошел сам и, видимо, не сразу.

вал двор (хутор), выполнявший шесть дней конной барщины в неделю. В первой половине XVIII в. эта основа исчисления гака была изменена и за основу гака стали принимать во внутренних районах Эстляндии пять работоспособных мужчин в возрасте от 15 до 60 лет.

¹⁸ V. Miller. Puškini vaarvanemad Eestis. — «Rahva Hääl», 1949, № 129; *idem*. Dokumendid Pushkinist Tartus. — «Edasi», 1949, № 117.

В документах петровского времени фамилия эта не встречается. В них значится, как мы видели, только «Абрам (Аврам) арап», или «арап Абрам Петров», или «Абрам Петров». В письмах из Франции к Петру I и его кабинет-секретарю стоит подпись «Абрам». После смерти Петра I в указе об отправлении в Казань и Тобольск он именуется «лейб-гвардии Преображенского полку от бомбардир-поручик Абрам Петров». Из Сибири от него поступает донесение за подписью «бомбардир-поручика Абрама Петрова». В указе Верховного тайного совета в 1729 году пишется «поручик Аврам Петров». В указах 1730 года он значится как «арап Аврам», «от бомбардир-поручик Аврам Петров», «лейб-гвардии от бомбардир-поручик Абрам Петров». И в 1731 году он был вызван из Пернова в Петербург как «инженер-капитан Абрам Петров». В докладе Миниха императрице Анне от 30 апреля 1733 года говорится об «инженерного корпуса капитане Авраме Петрове». Единственный раз будущая фамилия Абрама Петровича — «арап Ганнибал» — встречается в записи иркутского архива за 1727 год.

Видимо, мысль о фамилии зародилась у Абрама Петровича во Франции, где, как и везде на Западе, фамилия была общепринята и обязательна. Познакомившись затем в Ecole d'artillerie в Ла-Фере с военной историей и, в частности, с походами карфагенского полководца Ганнибала в III веке до нашей эры, он мог натолкнуться на некоторое сходство между названием одного из городов своего отца (например, Адди-Бало) и именем великого африканца и прийти к заключению о возможной связи между ними. Сходство имен могло польстить его тщеславию и породить убеждение в древности своего княжеского рода. Во всяком случае, как считает академик Д. Н. Анучин¹⁹, обстоятельство, что в документах будущая фамилия «арапа Абрама» встречается только после возвращения его из Франции, вряд ли может быть случайным.

Когда Абрама в 1731 году командировали в Прибалтику, вопрос о фамилии встал перед ним со всей остротой. Дело в том, что в Прибалтике фамилия была обязательной для горожан (мещан) и дворян, — ее не имело только закрепощенное крестьянское сословие да ремесленники из немцев. Поэтому и Абрам в ландролле

---

¹⁹ Д. Н. Анучин. А. С. Пушкин, с. 27—28.

1732 года фигурирует уже под своей новоиспеченной фамилией — Ганнибал. В русских актах эта фамилия впервые встречается в 1733 году, в грамоте за подписью императрицы Анны Ивановны и генерал-фельдмаршала графа Миниха, данной Абраму Петровичу по случаю отставки, где он назван инженер-капитаном «Абрамом Ганібалом». Поступив затем в начале 1741 года вновь на службу, он стал на всех официальных бумагах подписываться «А. Ганібал» или «А. Ганибал». Под этой фамилией он значится и в грамоте о произведении его в чин «генерал-маэора», данной за подписью императрицы Елизаветы и генерал-фельдмаршала князя Долгорукова²⁰.

Если верить немецкой биографии, то сельская жизнь в Карьякюла в качестве мелкопоместного помещика пришлась А. П. Ганнибалу по душе. В лице Христины он нашел энергичную помощницу, знакомую с местными условиями ведения сельского хозяйства. К сожалению, другими подробностями о жизни Ганнибалов в Карьякюла мы не располагаем.

Д. Н. Бантыш-Каменский пишет, пользуясь семейными преданиями рода А. С. Пушкина, что в уединении Ганнибал занялся описанием истории своей жизни на французском языке, но однажды, услышав звук колокольчика близ деревни, вообразил, что за ним приехал нарочный из Петербурга, и поспешил сжечь свою интересную рукопись²¹. А. С. Пушкин рассказывает, что прадед его жил в ревельской деревне «в поминутном беспокойстве» и «до самой кончины своей не мог без трепета слышать звон колокольчика... Он написал было свои записки на французском языке, но в припадке панического страха, коему был подвержен, велел их при себе сжечь вместе с другими драгоценными бумагами»²². По мнению Пушкина, Ганнибал вернулся из Сибири в Петербург самовольно и Миних спас его, спрятав в ревельской деревне, где он жил затем тайно 10 лет²³. Мы знаем, что это легенда, далекая от действительности. Осторожность А. П. Ганнибала в связи с пережитыми в недавнем

---

²⁰ Д. Н. Анучин. А. С. Пушкин, с. 27.

²¹ Д. Бантыш-Каменский. Словарь достопамятных людей Русской земли..., ч. 2-я, с. 14.

²² А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. 8, с. 79—80.

²³ Там же.

прошлом неприятностями, обысками, изъятием переписки и удалением в Сибирь была понятна, однако в данном случае она оказалась излишней. Остается только сожалеть, что таким образом погибла ценная автобиография прадеда поэта, если она действительно была написана*.

В 1735 году у А. П. Ганнибала и Христины родился сын Иван, в 1737 году — дочь Елизавета. С рождением детей пришлось подумать и о материальном обеспечении семьи. В 1739 году А. П. Ганнибал просит правительство, в вознаграждение своих прежних заслуг на царской службе, увеличить ему пенсию. В том же 1739 году в Кабинете министров слушалась челобитная «отставного майора Аврама Петрова, сына Ганнибала, который служил при дворе и л.-гвардии в Преображенском полку, что определено ему жалованья в год только по 100 рублей и оным ему с женою и детьми прожить невозможно и просит о прибавке жалованья и из ревельских дворовых мыз семей, сколько соизволено будет»²⁴.

Кабинет министров распорядился навести справку в Военной коллегии, «чего ради отставлен и пропитание дано такое ль, как по регламенту положено». Справка подтвердила правильность начисления «жалованья» Ганнибалу, и 18 марта 1740 года Кабинет министров отказал ему в челобитной²⁵.

Впрочем, 100-рублевая пенсия А. П. Ганнибала, учитывая доход от собственного хозяйства в Карьякюла и дешевизну жизни в середине XVIII века, была не так уж мала. Необходимо иметь в виду, что рубль того времени ценился очень высоко и равнялся 9—10 рублям конца XIX — начала XX века²⁶. А в начале XX века семья средней величины, имевшая 1000 рублей годовых, могла существовать безбедно.

Но как бы там ни было, вскоре А. П. Ганнибалу пришлось расстаться с сельской жизнью в Карьякюла и вернуться на военную службу — на сей раз в Ревельский гарнизон.

---

* Новейшие исследования подтверждают спорность предположения о существовании такой автобиографии (см.: Н. Эйдельман. Ганнибалов колокольчик. — «Наука и жизнь», 1983, № 10, с. 86—93). — *Ред.*

²⁴ М. Вегнер. Предки Пушкина, с. 86.

²⁵ Там же.

²⁶ В. Ключевский. Русский рубль XVI—XVIII вв. в его отношении к нынешнему. Опыт определения меновой стоимости старинного рубля по хлебным ценам. М., 1884, с. 72.

4. А. П. Ганнибал в Ревеле начальник артиллерии крепости

(1741)

Положение России в тридцатых годах XVIII века было сложное. Внутри — засилье немцев, в основном балтийских, с фаворитом Анны Ивановны Э. И. Бироном во главе, парализовавшее нормальное течение и развитие государственной жизни в духе петровских реформ; во внешней политике — обострение обстановки в связи со стремлением европейских держав (Англии, Дании, Франции, Швеции) ограничить морское могущество России и ликвидировать ее гегемонию на Балтийском море. Швеция мечтала вернуть потерянные ею в ходе Северной войны Эстляндию и Лифляндию.

Война за Польское наследство (1733—1735) и русско-турецкая война (1735—1739) закончились для России с удовлетворительными результатами. Назревала третья война — со Швецией, которая искала удобного случая для реванша и аннулирования Ништадтского мирного договора (1721). Угроза этой войны имела непосредственное отношение к возвращению А. П. Ганнибала на военную службу и к использованию его в обороне приморской крепости Ревеля.

В Швеции надеялись, что после смерти Петра I в России «великое замешательство учинится» и тогда можно будет «в мутной воде рыбу ловить». Шведский король на заседании сената предлагал немедленно двинуть войска в Россию с целью возвращения балтийских провинций¹. Отправленное в мае 1725 года в Петербург шведское посольство во главе с бароном И. Цедергельмом имело задачей склонить Екатерину I к возврату Швеции Лифляндии, Эстляндии и города Выборга в Финляндии. В 1726 году в Балтийское море вошли английская и датская военные эскадры. Известие о смерти Екатерины I вызвало в Швеции новую волну воинственных настроений. Поддерживавший Швецию английский флот устроил в 1727 году новую демонстрацию в Балтийском море².

Враждебная позиция Швеции принудила правитель-

---

¹ Очерки истории СССР. Россия во второй четверти XVIII в., с. 334.

² Там же, с. 347.

ство пересмотреть принятое 6 декабря 1724 года решение Петра I относительно Ревельской крепости:

«Содержать так, как ныне есть, а между тем подумать, когда Рогервик (Палдиски) офортифуется, нужна ли она будет; ныне же она фортецею почестья не может, а ежели доделывать так, как зачата и три большерка сделаны, то и в 20-ть лет не отделать, понеже шведы один большерк 17-ть лет делали, и потомуж ежели бастионы прямо людьми осадить, то более 10 тысяч гарнизону надобно и несколько тысяч пушек»³.

На основании этого заключения Петра I военное ведомство перестало «доделывать» Ревельскую крепость. Однако в связи с обострением внешнеполитической обстановки на заседании Верховного тайного совета 16 мая 1726 года было решено принять меры для упрочения обороны Кронштадта и Ревеля — важных морских крепостей и баз военно-морского флота на подступах к столице. В Ревеле начались срочные оборонительные работы в гавани и на бастионах, гарнизон был усилен тремя пехотными полками. Уже к июлю 1726 года в Ревеле находилось около 5000 человек сухопутных войск, 1193 моряка и 297 пушек в крепости и на береговых батареях⁴. И все же общее положение крепостей в Прибалтике к началу тридцатых годов оставалось неудовлетворительным, о чем свидетельствует и следующий документ 1731 года:

«А в каком ныне крепости состоянии имеютца ведомостей в скором времени, за дальностию мест и за неимением доволного числа в практике искусных инженеров, порозн обо всем акуратно ныне сочинит невозможно. Однакож генерално извесно есть, что все крепости чрез долгое время исправлением упущены... А из оных крепостей, которые как например бывшие швецкие пограничные: Нарвская, Выборская, Ревелская, Перновская, Рижская и Динаменская — еще и во время швецкого владения в надлежащем состоянии не были. А при некоторых починки и внов строении и поправлении были; однакож и те еще весма великого исправления требуют... Ибо многие крепости, от долговременного в непоправлениях запущения, повредилис во многих местах

³ В. И. Годунов. Краткий очерк истории Эстляндии, с. 57.

⁴ Очерки истории СССР. Россия во второй четверти XVIII в., с. 340.

и чрез то в немалое худое состояние пришли, так что ко обороне zelo безнадежны. А другие, например Ревель и Рига, хотя в своих линиях и в целости содержатца, однакож обретаютца местами весма в худом фланкировании и несилной дефензии»⁵.

Эстляндский губернатор генерал-лейтенант Г. Дуглас⁶ доносил в 1738 году:

«Имеющиеся в море морские крепости, цитадель и двойная батарея так обветшали и погнили, что и пушкам стоять опасно»⁷.

Преимник графа Дугласа барон В. Левендаль⁸ писал в Петербург в 1740 году, что в Ревельской крепости «пред двумя полигонами во многих местах через вал и ров можно не только пешему пройти, но и конному проехать»⁹.

Весной 1740 года, с нарастанием угрозы русско-шведской войны, было приказано все крепости, и в первую очередь прибалтийские, «в надлежащую исправность и оборону приводить с возможным поспешением».

Не удивительно, что в такой тревожной обстановке фельдмаршал граф Б. Х. Миних вспомнил о своем прежнем подопечном Ганнибале — способном военном инженере и артиллеристе, проживавшем на покое в своей ревельской деревне. По-видимому, в этом же году А. П. Ганнибалу было предложено вернуться на военную службу, с использованием его по специальности в Ревельской крепости. Предложение это, думается, устраивало Ганнибала, поскольку материальное положение его таким образом значительно улучшалось: вместо небольшой 100-рублевой годовой пенсии он стал получать солидный оклад. Кроме того, за ним оставалась воз-

---

⁵ Исторические статьи М. Д. Хмырова, с. 28—29.

⁶ Граф Густав Дуглас, швед, был взят в плен под Полтавой. В 1717 г. получил в управление отвоеванные у шведов провинции Финляндии. В 1725 г. генерал-майор, в 1729 г. генерал-лейтенант в 1738 г. генерал-аншеф. Эстляндский губернатор с 31 июля 1738 г. по 11 марта 1740 г. В 1740 г. был предан суду за изменническую переписку со Швецией, умер под следствием в 1741 г.

⁷ Исторические статьи М. Д. Хмырова, с. 33.

⁸ Вальдемар Левендаль, датский барон, с 1742 г. граф, был в 1736 г. принят на русскую службу в чине генерал-лейтенанта, с 1740 г. генерал-аншеф. Эстляндский губернатор с марта 1740 г. по 1 нояб. 1743 г. В ноябре 1743 г. перешел на службу Франции. Маршал Франции с 1747 г. Умер в 1755 г.

⁹ Исторические статьи М. Д. Хмырова, с. 33.

возможность руководить своим хозяйством в Карьякюла, расположенном всего в 30 километрах от места службы.

О времени возвращения из отставки на действительную военную службу сам А. П. Ганнибал говорит по-разному. В краткой автобиографии (1742) он пишет: «... в 1741 году определен в Ревельской Гарнизон Подполковником»¹⁰. А в формуляре, составленном им же в 1752 году при переводе в Инженерный корпус, этой датой указывается 1740 год¹¹. Архивный документ, однако, называет точную дату поступления А. П. Ганнибала на службу в Ревельский гарнизон — 23 января 1741 года¹².

В конце 1740 года в Петербурге произошли политические события, в общем благоприятные для А. П. Ганнибала. 17 октября скончалась Анна Ивановна и императором был провозглашен Иван VI Антонович под регентством герцога Курляндского Э. И. Бирона, всеильного тогда временщика. 8/9 ноября 1740 года в результате дворцового переворота Б. Х. Миних во главе 80 солдат арестовал ненавистного всем регента Бирона и ближайших к нему лиц. Правительницей государства стала мать малолетнего императора Анна Леопольдовна, а первым министром фельдмаршал граф Б. Х. Миних, друг и покровитель А. П. Ганнибала. Этот переворот в верхах должен был, несомненно, повлиять на решение Абрама Петровича вернуться на военную службу. Не исключено, что он и сам проявил инициативу в этом деле.

По-видимому, с помощью того же Миниха Ганнибал получил в 1741 году из государственных земель, в качестве материального подспорья, в пожизненное арендное пользование деревню Рахула недалеко от Ревеля¹³, по количеству гаков втрое превышавшую его мызу Карьякюла.

Что представляла собой во второй четверти XVIII века Ревельская крепость, где Ганнибалу пришлось служить сначала в должности начальника артиллерии, а затем в течение 10 лет обер-комендантом?

---

¹⁰ Рукою Пушкина, с. 864.

¹¹ М. Лонгинов. Абрам Петрович Ганнибал, с. 227.

¹² Исторические статьи М. Д. Хмырова, с. 32—33.

¹³ Русский биографический словарь, т. «Гааг — Гербель». М., 1914, с. 216.

Укрепления Ревеля состояли из двух возникших в разное время оборонительных поясов — построенной в XIII—XVI веках каменной городской стены с 35 башнями (длина обвода около трех километров)¹⁴ и воздвигнутой в XVII—XVIII веках внешней линии бастионов и редутов с широким и глубоким водным рвом. С 1650 года внимание шведского военного командования было сосредоточено на модернизации укреплений Ревеля в соответствии с новыми требованиями фортификационного искусства, так как с ростом могущества артиллерии главная роль отводилась теперь передней оборонительной линии. К началу XVIII века Ревель был уже окружен поясом бастионов и редутов по системе известного французского военного инженера С. Вобана.

Система ревелских укреплений была разработана главным инспектором шведских крепостей Э. Дальбергом. Однако проект его, утвержденный королем Карлом XI 5 января 1686 года, не был полностью реализован из-за большого объема работ и недостатка материальных средств. В начале XVIII века, во время Северной войны, фортификационные работы продолжались шведами вплоть до капитуляции Ревеля 29 сентября 1710 года. К этому времени из запланированных 11 бастионов были закончены постройкой только три (Шведский, Ингерманландский и Сконе), остальные частично достраивались (4), частично были заменены редутами; из 6 рavelинов успели закончить только один¹⁵. В пояс бастионных укреплений были включены три реконструированные артиллерийские башни: Кик-ин-де-Кёк, Толстая Маргарита и Луренбург.

С переходом Ревеля к России назначение его как крепости менялось: из сухопутной она должна была превратиться в морскую. Требовались соответственные перестройки и дополнительные укрепления для защиты крепости и базы военно-морского флота со стороны моря. В последующие годы были построены береговые батареи в районе гавани («двойная батарея»), в Екатеринентале, на горке Маарьямяги («батарея Штрикберг») и у Запад-

---

¹⁴ В Ливонской войне этот мощный для того времени оборонительный пояс успешно противостоял двум длительным осадам Ревеля войсками Ивана IV: с 21 авг. 1570 г. по 16 марта 1571 г. и с 23 янв. по 13 марта 1577 г.

¹⁵ R. Kenkmaa, G. Vilbaste. Tallinna bastionid ja haljasalad. Tallinn, 1965, lk. 40.

ного мола («Кессель-батарея»). Были усилены ближай-
шие к морю крепостные верки — бастион у Больших
Морских ворот с мощной артиллерийской башней Тол-
стая Маргарита, бастион Сконё и редут Стюарт, воздвиг-
нуты небольшие звездообразные фортеции (штерншанцы)
с артиллерией на южной оконечности острова Нар-
ген (Naissaar), на острове Вульф (Aegna), на Цигель-
коппельской косе (Paljassaar) и на полуострове Виймси
близ одноименной мызы. Как мы видели, многие из этих
укреплений обветшали с течением времени и еще в 1740
году нуждались в восстановительных работах.

В общем, ко времени назначения А. П. Ганнибала
командующим артиллерией в Ревельский гарнизон обо-
ронительную систему крепости вряд ли успели привести
полностью в удовлетворительное состояние. Население
города, насчитывавшее в начале XVIII века 18 000
человек и уменьшившееся вследствие эпидемии чумы к
1711 году до 1732 человек, проживавших в 490 домах¹⁶,
не достигло к этому времени еще 5000 человек¹⁷.

Ревельская крепость по штатному расписанию под-
чинялась обер-коменданту в чине генерал-майора или
генерал-лейтенанта. Артиллерийской частью ведал по-
мощник обер-коменданта в чине подполковника. Обер-
комендант Ревеля был подчинен по службе эстляндскому
генерал-губернатору, которому принадлежала высшая
военно-административная власть в губернии и который
проживал обычно в Петербурге. После смерти в 1728
году графа Ф. М. Апраксина генерал-губернаторов в
Эстляндию перестали назначать, их функции в 1729—
1761 годах исполняли губернаторы. По специальным
вопросам, касающимся инженерного устройства и артил-
лерии крепости, обер-комендант подчинялся «генерал-
фельдцейхмейстеру и генерал-директору над фортифика-
циями» и обращался прямо в Петербург в Канцелярию
главной артиллерии и фортификации.

В качестве начальника артиллерии А. П. Ганнибал
отвечал за содержание крепостной артиллерии в бое-
вой готовности и руководил соответствующими работами
на бастионах, редутах, батареях. «И я ныне имею, со

¹⁶ E. Nottbeck, W. Neumann. Geschichte und Kunstdenkmäler der
Stadt Reval, Bd. I. Reval, 1904, S. 208.

¹⁷ В июле 1773 г. население Ревеля, за исключением военных
и лиц духовного звания (православных) и их семей, составляло
5527 человек (ТГА, ф. 230, оп. 1, ед. хр. Аа 197, л. 100).

всеми здешними Афицеры, во исправлении ревельской Артиллерии неусыпной труд», — писал он в одном из своих писем 1741 года в Петербург¹⁸.

Кроме крепостной артиллерии, обслуживаемой русскими воинскими подразделениями, в Ревеле издавна существовала своя городская артиллерия, которая содержалась на средства города и которой командовал «капитан городской артиллерии», назначаемый на эту должность магистратом. Орудия городской артиллерии стояли на городских валах и в артиллерийских башнях и обслуживались прислугой (расчетами) и командным составом, нанимаемым городом. Материальную часть этой артиллерии составляли большей частью устаревшие системы. Городовая артиллерия имела свою лабораторию и свой цейхгауз, где ремонтировались орудия и лафеты, готовились и хранились боезапасы. Эта городская артиллерия находилась в оперативном подчинении начальника артиллерии крепости.

В Таллинском городском архиве имеется инвентаризационная опись от 22 сентября 1738 года, из которой видно, что в составе городской артиллерии было тогда:

- на валах и в башнях 203 орудия разных калибров,
- в лаборатории 16 неисправных орудий, 3030 снарядов разных калибров и 383 картечи,
- в цейхгаузе 42 орудия и 46 179 снарядов разных калибров¹⁹.

В архиве сохранились также три письма А. П. Ганнибала, относящиеся ко времени пребывания его в должности начальника артиллерии крепости, к «благородному и благоустроенному господину городской артиллерии капитану», с подписью «вашего благородства доброжелательный А. Ганібал». Из содержания этих писем видно, что Ганнибал занимался инспектированием городской артиллерии, указывал ее капитану на необходимость срочного доукомплектования личного состава «против штатного положения», требовал устранения обнаруженных недостатков, хлопотал об изготовлении гранат в городском цейхгаузе (письма от 25 февраля, 11 марта и 17 сентября 1741 года)²⁰.

Письма А. П. Ганнибала в Петербург к генерал-фельдцейхмейстеру и генерал-директору над фортификациями

¹⁸ Исторические статьи М. Д. Хмырова, с. 34.

¹⁹ ТГА, ф. 230, оп. 1, ед. хр. Аа 228, лл. 51—53.

²⁰ Там же, ед. хр. BR 20, лл. 1—3.

принцу Гессен-Гомбургскому²¹ содержат жалобы на причиняемые ему ревельским обер-комендантом обиды и разные непорядки в крепости.

В письме к принцу от 23 марта 1741 года Ганнибал пишет, что ревельской артиллерии майор Гольмер²², чиня ему обиду, подговаривает подчиненного ему поручика Асеева перевестись из Ревеля в русский гарнизон, «чтоб здесь место опорожнил для незнаемой некоторой персоны. А понеже оной Афицер при здешней Артиллерии имеетца лутчей, ктому ж и ево желания нет внутрь российские гварнизоны итьтит, — того ради вашей высококняжеской светлости покорно молю, чтоб оной порутчик Асеев из ревеля откоманды отлучен не был, и впред чтоб таких пропозиции, без их прошения, небыло. Понеже при ревельской артиллерии вофицерах имеетца самая нужда. Ктому ж ныне, по многим отвашей высококняжеской светлости строгим ордерам, велено ревельской гарнизон укомплектовать служителями по штатному положению, чтоб все было готово»²³.

В письме от 14 мая 1741 года А. П. Ганнибал жалуется тому же принцу Гессен-Гомбургскому на своего непосредственного начальника, обер-коменданта Ревеля генерал-майора А. де Брини²⁴, что «сначала принятие мною ревельской артиллерийской команды, беспрестанно от него принимаю не по делам моим, всякие несносные репреманды (выговоры) и изгнание, не так как артиллерии штап-афицера, но и последней обер афицер снести того не может, как персонально мне, так и заочно, и отданными при пороле письменными приказами. И в том я от своей братьи штап афицеров имею не малое презрение. И хвалитца искать надомною всяких причин...»

Ганнибал пишет, что де Брини приказал ему снять с ревельских укреплений несколько установленных там сверх штата пушек и, когда распоряжение это было выполнено, — опять поставить, отпершись от первого приказа. Далее он поясняет, что де Брини «теми перемен-

---

²¹ Людвиг Иоганн Вильгельм принц Гессен-Гомбургский был принят на русскую службу в 1731 г. Генерал-фельдцейхмейстер с 1735 г., фельдмаршал с 1742 г.

²² Петр Петрович Гольмер начал службу в артиллерии в 1727 г.; майор с назначением в Ревель с 1740 г., генерал-майор с 1758 г., генерал-лейтенант с 1759 г. Умер в 1760 г.

²³ Исторические статьи М. Д. Хмырова, с. 34.

²⁴ Адриан де Брини, генерал-майор с 1733 г., генерал-лейтенант с 1741 г. Умер в 1747 г.

ными ордерами меня и артиллериских обер афицеров приводит немалую конфузию и, как можно видеть, особливо надо мною ищет, чембы ни есть меня сгубить».

Кроме того, де Брини пытался выжить Ганнибала с квартиры в ту пору, когда у жены его Христины Матвеевны были трудные роды: он призвал «от ратуши служителя, чтоб ратманы с квартиры меня свели безвременно; и втом ему ратманы отказали, (сказав) что оне отводят квартиры по своему рассмотрению, не по ево повелению».

А. П. Ганнибал просил принца «принять меня, бедного, всюю высокую протекцию, как изволили меня изьусно окордовать (аккордовать), и оттаких нетерпимых и наглых напатков меня бедного охранить»²⁵.

Письмо подействовало, обер-комендант де Брини получил соответствующее указание и в ответном письме принцу Гессен-Гомбургскому 25 мая обещал впредь помогать Ганнибалу: «... что касаетца до артиллерии, всякое вспоможение чинить долженствую, и что угодно ему (Ганнибалу) впредь, по силе вашей светлости, премилосердого Г-дря моего, писания, о касающихся нуждах ко артилери, и в его во всяких случаях, сколко возможность моя допустит, вспомогать буду»²⁶.

На основании этих двух жалоб петербургскому начальству можно заключить, что уже в первые месяцы службы в Ревельском гарнизоне у А. П. Ганнибала сложились ненормальные отношения с одним из подчиненных артиллеристов, майором П. П. Гольмером, и со своим прямым начальником — обер-комендантом Ревеля генерал-майором де Брини. Поскольку на военной службе дисциплина и субординация устанавливают строгий порядок во взаимоотношениях между подчиненным и начальником, то подобные острые конфликты возникают довольно редко. Тем интереснее проследить, что же привело Ганнибала к столкновению с Гольмером и де Брини.

К счастью, сохранился документ, который проливает достаточный свет на причины и историю этой распри. Среди архивных материалов, опубликованных Н. Гастфрейндом в 1904 году, встречается донесение Ганнибала в Кабинет императрицы Елизаветы от 22 ноября 1742

²⁵ Исторические статьи М. Д. Хмырова, с. 35—36.

²⁶ Там же, с. 37.

года с приложением 22 пунктов, освещающих фактическую сторону его взаимоотношений с некоторыми сослуживцами в Ревеле. Первые 12 пунктов относятся к 1741 году, т. е. к службе Ганнибала подполковником артиллерии в Ревеле:

«В Высокий Кабинет Ея И. В. от ген.-майора и ревельского обер-Коменданта Ганибала

всенижайшее доношение.

Генерал и Кавал. и Ревельск. Губернатор граф Левендаль, не доброхотствуя ко мне и не хотя видеть меня в своей команде в Ревеле, многие мне чинит напрасные нападки и вымышленные злобы, хочет обнести напрасно Ея Имп. В-ву и как бы можно меня к несчастью привести для своих прихотных и партикулярных поступок, а за что, — тому всенижайше при сем приношу для всемилостивейшего Ея И. В. рассмотрения нижеследующие пункты.

Ноября 22 дня
1742 г.

Генерал-Майор
А. Ганибал.

1.

По всевысочайшей милости Ея И. В-ва в прошлом 1741 году был я пожалован в ревельской артиллерии в подполковники.

2.

А в то время граф Левендаль ревельской губернатор, был в Петербурге, то я пришел к нему, как к главному Командиру по моей должности; то он на меня, что я к ревельской артиллерии определен, — кричал весьма так, яко на своего холопа, ибо тогда при той артиллерийской команде был криатур шведской нации майор Гольмер, которого велено вывезть в Нарву.

3.

А как уже я прибыл в Ревель и команду артиллерийскую принял, то он, Левендаль, всячески меня гнал, чтоб мне в Ревеле не быть; и делал обиды не токмо собою, но

и чрез бывшего тогда в Ревеле обер-Коменданта Дебриния, — чем бы возможно к несчастью привести; к тому ж не толико меня, но и обретающихся в ревельском гарнизоне штаб и обер-офицеров гнали вон таким случаем, что посылали к ним с угрозами, чтоб просили в отставку добровольно; а ежели добровольно не пойдут, то и с нечестию будут выгнаны, и между некоторыми разговоры грозил заочно мне, что я де его как могу то сделаю, что он и сам не рад тому будет, что в ревельской гарнизон просил.

4.

И между прочими мне их злодейскими обще обидами стоял я на отведенной мне от ревельского магистрата квартире, и жена моя тогда была на последних часах к рождению младенца, то обер-комендант Дебриний прислал ко мне объявить, чтоб я с той квартиры вышел добровольно вон, а ежели добровольно не выду, то хотел выбить безвременно и мой багаж выкинуть на улицу, то я посылаю к нему, Дебринию, просить от артиллерии обер-офицера, дабы он того мне за имевшею жены моей болезнью не учинил, и он, Дебрини, тому посланному офицеру объявил, тож, и в магистрат писал тож, чтоб меня с той квартиры конечно выбил, но токмо того магистрат по его письму не учинил.

5.

И как оный Дебрини писал в ратушу, сыскав те резоны, что якобы оный дом строен солдатами, то я, взяв тогда с того письма копию и объявя Губернатору Левендалю, и о той наглой на меня обиде словесно просил; точною на то мое прошение резолюции никакой не учинено, почему мог я присмотреть, что то у них чинено ко изгонению меня с общего согласия.

6.

А как в прошлом году по объявлении шведской войны то по присылаемым ко мне от Его Светлости Ланд-Графа принца Гессен-Гомбургского строгих указов и ордеров велено содержать артиллерию во всякой исправной готовности и от неприятельского нападения ко обороне во

осторожности, то тогда мне обер-комендант Дебрини словесно многократно говорил, чтоб с крепости имеющиеся пушки свалить, но токмо по словесным его приказам я представлял ему резоны, что в нынешнее время того учинить не возможно.

7.

И как видя оный комендант, что я того по словесным его приказам не чиню, то он о исполнении того ко мне письменно ордером предложил, дабы с городских валов пушки сбросать, что и учинено.

8.

И как увидя штаб и обер-офицеры, також — солдатство и прочие российского народа люди, что пушки большая часть свалены и город имеется от неприятеля без защиты, то стали между себя многие переговаривать и знатно, что те переговоры ему, Дебринию, дошли.

9.

И потом он, видя, что учинено так непорядочно, то призвав меня в дом и при многих штаб и обер-офицерах о том на меня кричал не обычно, что по моему характеру весьма то было обидно, чего ради оные пушки с города свалил якобы я собою; на что я ему объявил, что оное я учинил — по ордеру его, то он при тех штаб и обер-офицерах в том заперся, что якобы ордеру такова ко мне не посылал, и я ему выняв оный ордер из кармана, и объявил, который ордер он, Дебрини, посылался (попытался) якобы отнять, точию я в руки ему не отдал.

10.

И потом паки оный Дебрини сваленные пушки с города, чтобы паки поставить по прежнему, предложил ордером ко мне, которые пушки по силе того ордера я и приказывал ставить по прежнему, от которого бросания и паки поднятия пушек на валы в вешние и беспокойные погоды в полках из солдатства и артиллерийских служителей знатное число и больных умножилось.

И о вышеписанном обо всем и во обидах и злодейских на меня нападений и изгнаниях от вышепредписанных губернатора и тогдашнего обер-коменданта Дебриния понесной (по несносной) мне нетерпеливости приносил мою жалобу письменно его высоко-княжеской светлости Г-ну Генералу Фельдмаршалу и генералу фельдцейхмейстеру Ланд-Графу Гессен-Гомбургскому, на которое мое приношении Его Светлость милостиво соизволил писать обо мне в рекомендацию к помянутому обер-коменданту Дебринию, чтоб мне обид и утеснение не чинил.

И как тое рекомендацию получил он, Дебриний, от Его Светлости, то призвав меня к себе на называемый Шведский бастион в поставленную палатку, и я к нему пришел с артиллерийским одним офицером, то он мне с ласкостию говорил, знатно де ты на меня писал жалобу к Его Светлости, и я ему на то объявил, что я по несносной мне вашей обиде и напрасного утеснения принужден был принести мою жалобу; то он говорил, что мало ли чего живет в команде да обо всем надобно и жаловаться. И потом таясь того артиллерийского офицера взяв меня и отведя говорил по французски, что я чинил тебе обиды не собою, но по повелению губернатора Левендаля, ибо де он, губернатор, мне над вами велел всякого случая искать, чем бы тебя можно было из Ревеля выгнать, он де на тебя сердит того ради, что ты определен в Ревель, а майор Гольмер выслан в Нарву, а по приеме команды ты репортовал о издержанных майором Гольмером из Цейхгаузов материалов к князю Гессен-Гомбургскому; а о том ты сам ведаешь, что собою мне гнать тебя не из чего, ибо еще при жизни блаж. памяти велик. Г-ря Императора Петра Первого ты был брату моему и мне великие друзья между собою; на что ему объявил, что прежнее дружество помнишь, за то благодарствую, точию ныне не знаемо чего ради меня гонишь и напрасно к несчастию приводишь.

Генерал-майор А. Ганибал»²⁷.

²⁷ Письма Абрама Ганибала, с. 39—43.

Назначение Ганнибала в Ревель, видимо, расстроило какие-то планы эстляндского губернатора Левендаля, желавшего видеть начальником артиллерии Ревельской крепости «свою креатуру» Гольмера, шведа по национальности. Левендалем и была организована травля Ганнибала, стоявшего за государственные интересы в напряженной внешнеполитической обстановке того времени. А. П. Ганнибал явно пришелся не ко двору, его хотели выжить из Ревеля и взяли в тиски: снизу — подчиненный Гольмер (с января 1742 года начальник артиллерии в Ревеле, после назначения Ганнибала обер-комендантом), сверху — начальство в лице де Брини и Левендаля, — чтобы Ганнибал «сам не рад тому был, что в ревельский гарнизон просил», и «чтоб просил в отставку добровольно».

Устоять в создавшемся положении Ганнибалу было не легко, однако он не сдался. В борьбе за государственные интересы он надеялся на поддержку «своего старого верного друга» (немецкая биография) фельдмаршала Миниха, а затем — с 1742 года — на своего «древнего патрона» кабинет-секретаря Черкасова и саму императрицу Елизавету.

К лету 1741 года Швеция сочла политическую обстановку благоприятной для достижения своих целей и 27 июля объявила России войну. 13 августа манифестом императора Ивана VI Россия призывалась к оружию. Главнокомандующим русскими войсками был назначен фельдмаршал граф П. П. Ласси, ирландец по национальности. Военные действия начались в Финляндии²⁸, однако неприятельские войска могли быть высажены и в Эстляндии. Для охраны побережья в Прибалтику были посланы дополнительные крупные силы.

Особую важность в сложившейся обстановке приобрела готовность к обороне Ревеля, поэтому деятельности обер-коменданта крепости придавали большое значение. Видимо, приведенные выше донесения А. П. Ганнибала вызвали в Петербурге сомнения в на-

---

²⁸ Хотя шведы и являлись нападающей стороной, они недостаточно подготовились к войне на территории Финляндии и 23 августа потерпели крупное поражение при Вильманстранде, после чего на театре военных действий наступило затишье до весны 1742 г.

дежности генерал-майора Адриана де Брини как командующего обороной Ревеля, и в сентябре 1741 года обер-комендантом Ревеля был назначен русский — генерал-майор Михаил Философов. С ним у А. П. Ганнибала никаких трений по служебным и личным делам не возникло.

5. А. П. Ганнибал — обер-комендант Ревеля

(1742—1752)

В ноябре 1741 года в Петербурге произошел новый дворцовый переворот, сказавшийся и на служебном положении Абрама Петровича Ганнибала.

В атмосфере растущей враждебности к немцам, недовольства господством и своекорыстием иностранцев и их явно антирусской деятельностью в гвардии стал зреть заговор в пользу младшей дочери Петра I, 32-летней царевны Елизаветы. В ночь на 25 ноября 1741 года Елизавета Петровна с гренадерской ротой лейб-гвардии Преображенского полка арестовала царствующую Брауншвейгскую фамилию, а вместе с ней и вельмож-иностранцев (в том числе и графа Б. Х. Миниха¹, друга А. П. Ганнибала) и вступила на престол. Главари «немецкой партии» во главе с Э. И. Бироном были сосланы в Сибирь.

Немецкая биография следующими словами описывает судьбу А. П. Ганнибала после восхождения на престол Елизаветы Петровны:

«Тут к нему вторично приблизился новый момент его счастья: Елисавета, дочь Великого Петра, вступила на по праву принадлежащий ей отцовский престол. Хорошо ей знакомый, он написал ей только следующие слова: «помяни мя, Господи, егда приидеши во царствие твое!»² В качестве милостивой и благосклонной принцессы вспомнила она тотчас верного слугу своих родителей, спутника ее молодости, выписала его к себе, по-царски одарила...

---

¹ Миниха обвинили в том, что он «не защитил перед Бироном завещания Екатерины I» и в «ноябрьском перевороте прошлого года способствовал вступлению на престол отпрыска Брауншвейгской фамилии, а не прямого потомка Петра I, царевны Елизаветы Петровны».

² Слова из Евангелия: обращение разбойника к Христу, распятому рядом с ним.

Сделала его бригадиром и обер-комендантом Ревеля и вслед за тем генерал-майором»³.

Елизавета и сама повсюду разыскивала тех, кто служил при ее отце. Неудивительно поэтому, что она поспешила вызвать Ганнибала в Петербург, обласкала и щедро одарила его. Императрица выделила ему из дворцовых земель в Псковской губернии так называемую Михайловскую губу⁴, а находящуюся близ Ревеля деревню Рахула пожаловала в следующем 1743 году в полную собственность.

В указе от 12 января 1742 года о пожаловании имений о Ганнибале говорится следующее:

«Сего года января 12 дня по ее императорского величества именному указу всемилостивейше пожаловали генерал-мазору и ревельскому обер-коменданту Абраму Петровичу сыну Ганнибала за его долговременную и верную службу Псковского уезда пригорода Воронича Михайловскую Губу, которая после кончины блаженной памяти царевны Екатерины Ивановны приписана ко дворцу и по ведомости дворцовые конторы показано по переписи генеральной пятьсот шестьдесят девять душ со всеми им принадлежащими землями в вечное владение»⁵.

Жалованную грамоту на Михайловскую губу за подписью императрицы Елизаветы и канцлера графа А. П. Бестужева-Рюмина А. П. Ганнибал получил 6 февраля 1746 года⁶.

С началом елизаветинского периода А. П. Ганнибал стал быстро продвигаться и по служебной лестнице. 12 января 1742 года императрица произвела его из подполковников артиллерии сразу в армейские генерал-майоры и назначила обер-комендантом города Ревеля вместо генерал-майора М. Философова, переведенного в Ригу и ставшего затем сенатором. В Петербурге у А. П. Ганнибала имелась теперь сильная протекция, так как прежние друзья его из кружка княгини А. П. Волконской (умершей к тому времени) заняли крупные должности: Алексей Петрович Бестужев стал вице-канцлером и в

³ Рукою Пушкина, с. 49 и 56.

⁴ Губа — небольшая территориальная единица на Руси, по площади соответствовавшая волости в позднейшее время.

⁵ ИРЛИ АН СССР, ф. 244, оп. 24, д. 1.

⁶ В настоящее время эта грамота хранится в фондах ИРЛИ АН СССР (№ 62812).

1744 году великим канцлером, брат его Михаил Петрович Бестужев — обер-гофмаршалом императорского двора, Иван Антонович Черкасов — действительным статским советником и кабинет-секретарем императрицы «для отправления комнатных письменных дел».

Вскоре после производства в генералы, в феврале 1742 года, А. П. Ганнибал направил в Сенат на высочайшее имя прошение (содержавшее и краткую автобиографию) о выдаче ему диплома на дворянство и пожаловании герба⁷. В прошении он писал: «... а на дворянство Диплома и Герба не имею и прежде не имел, понеже в Африке такого обыкновения нет. И дабы Высочайшим Вашего Императорского Величества Указом повелено было, дворянство мое Вашего Императорского Величества Грамотою Всемилостивейше подтвердить и в память потомкам моим в знак Высочайшей Вашего Императорского Величества милости, Гербом меня пожаловать»⁸. Однако из-за бюрократического порядка ведения дел в государственных учреждениях того времени А. П. Ганнибал так и не успел получить просимый герб. Лишь почти сорок (!) лет спустя, в год его смерти (1781), Герольдмейстерская контора постановила:

«Как резолюциею Правительствующего Сената 1768 года Генваря 11, велено по сим делам Правительствующему Сенату не докладывать до того времени, когда Комиссии о сочинении проекта Нового Уложения генеральное о том положение учинено будет, да и самый проситель (Ганнибал), с 1742 года, хождения по делу не имеет, почему и жив ли он неизвестно, для чего сие дело и отдать в архив»⁹.

Интересно отметить, что А. П. Ганнибал уже в том же 1742 году пользовался в Ревеле личной печатью с

---

⁷ Пункт 11-й «Табели о рангах» гласил: «Все служители Российские или чужестранные, которые 8 первых рангов находятся, или действительно были: имеют оных законные дети и потомки в вечные времена; лучшему старшему Дворянству во всяких достоинствах и преимуществах равно почтены быть, хотя б они и низкой породы были, и прежде от Коронованных Глав никогда в Дворянское достоинство произведены или гербом снабдены не были» (Памятники русского права, вып. VIII. Законодательные акты Петра I. Первая четверть XVIII в. М., 1961, с. 187). Восьмому рангу соответствовал чин майора (коллежского асессора).

⁸ Рукою Пушкина, с. 864.

⁹ А. Барсуков. Автобиографические показания...; с. 102.

гербом. В Таллинском городском архиве хранится служебное письмо обер-коменданта Ганнибала магистрату города Ревеля о беспаспортных лицах¹⁰. Письмо это припечатано печатью с оригинальным гербом в виде щита со шлемом над ним и орлом над шлемом; по бокам щита намет — листовые разводы; на щите изображен слон, на нем чепрак и подушка с двумя лентами, а на подушке корона; под щитом инициалы какого-то девиза на латинском языке — FVMMO¹¹. Изображение слона явно указывает на Африку и княжеское происхождение А. П. Ганнибала, императорская корона — на близость к особе Петра I, одноглавый польский орел надшлемника — на крестную мать, польскую королеву¹².

В Ревеле Абрам Петрович поселился с семьей в так называемом комендантском доме на Вышгороде, нижний этаж которого занимала его «гарнизонная канцелярия». Этот каменный двухэтажный дом со службами и комендантским садом сохранился в Таллине и поныне (ул. Тоомпеа, 1). За обер-комендантом Ревеля числилось в качестве «столовой мызы» крупное имение Тайбель в 14 километрах от города Гапсаля (Хаапсалу) размером в 18 2/5 гака по ревизии 1757 года (31 7/8 гака по последней шведской ревизии)¹³.

---

¹⁰ ТГА, ф. 230, оп. 1, ед. хр. BR 21, л. 42.

¹¹ К прошению об утверждении герба А. П. Ганнибал должен был приложить также чертеж (эскиз) герба с его описанием и расшифровкой инициалов девиза. Однако П. И. Бартенев, опубликовавший в 1891 г. в «Русском архиве» найденное А. Барсуковым в архиве прошение Ганнибала, ничего не говорит о гербе. По-видимому, чертеж с описанием герба был изъят или утерян в Герольдмейстерской конторе. Но в любом случае девиз этот до сих пор остается загадкой. Правда, если учесть, что герб был представлен Ганнибалом к утверждению непосредственно после головокружительного взлета, то не исключено, что у него могла возникнуть мысль отметить этот «новый момент его счастья» (немецкая биография) в девизе на гербе. Тогда инициалы FVMMO могли бы быть расшифрованы так: «Fortuna vitam meam mutavit oppido» («счастье жизнь мою изменило необычно»). Однако это всего лишь предположение автора настоящего труда.

¹² Д. Н. Анучин пишет, что он видел такую печать у правнучки Абрама Петровича, внучки Исаака Абрамовича, Анны Семеновны Ганнибал. По ее словам, таких печатей было несколько, так как И. А. Ганнибал заказал подобные печати для всех своих сыновей. Однако девиз на этой печати был уже несколько иной: FVMA (Д. Н. Анучин. А. С. Пушкин, с. 11).

¹³ Land-Rolle des Herzogthums Ehstland nach der Revision von 1765, S. 39: «publ. des Hrn Ober-Commendanten Revall Tafel-Guth».

В мае 1742 года А. П. Ганнибал, временно исполнявший в связи с отъездом Левендаля к армии в Финляндию обязанности военного губернатора, с большой торжественностью отпраздновал в Ревеле коронацию Елизаветы, состоявшуюся 25 апреля в Москве. Издававшиеся Академией наук «Санкт-Петербургские ведомости» (№ 42) писали по этому случаю:

«Из Ревеля, от 17 мая. О здешнем торжестве в высокий день коронования Ея Императорского Величества надлежит еще упомянуть, что г. генерал-майор и обер-комендант Ганнибал о полудни трактовал господ из генералитета и от флота, равным же образом штаб и обер-офицеров от артиллерии, инженерного корпуса и городского гарнизона, также и ландратов герцогства эстляндского и прочих знатных персон; а по окончании стола начался бал, которой до полуночи продолжался. Пред квартирою г. генерал-майора и обер-коменданта представлена была следующая иллюминация: 1) Ея Императорское Величество на троне сидящая, с скипетром и державою в руках, при чем изображены были: по правую сторону — Вера и Любовь, а по левую Надежда с Правосудием; надпись при том была сия: Сими побеждаю. 2) Ея Императорское Величество на коленях молящаяся, а сверх ее с небес сияние, с надписью: Жив Бог и жива душа моя. Пред Ея Императорским Величеством лежали на троне императорская корона и скипетр, с надписью: Богом и родом Петра Великого избранна, свыше Елисавет России данна. 3) Ея Императорское Величество стоящая с копьем в правой руке, левую показывает на отрасль престарелого дерева, на которой видимо имя Его королевского высочества герцога голштинского (будущего императора Петра III), с надписью: Виждь како возрастает. 4) Ея Императорское Величество стоящая с пастырским жезлом, а под ногами Ея Величества овцы, от которых по обе стороны волки прочь бегут, с надписью: Пастырь добрый полагает душу свою за овцы. 5) Российский двоголавый орел, с надписью: Виват Императрица Елисавет Петровна Мать отечеству»¹⁴.

В начале июня 1742 года возобновились военные действия со шведами. Летом этого года шведской армии в

¹⁴ Цит. по кн.: Исторические статьи М. Д. Хмырова, с. 38—39.

Финляндии был нанесен ряд крупных поражений, русские войска заняли Гельсингфорс и тогдашнюю столицу Финляндии город Або. 24 августа 1742 года шведская армия капитулировала. 7 августа 1743 года в Або (Турку) был подписан выгодный для России мирный договор, в котором, между прочим, Швеция принуждена была признать прежние русские завоевания в Прибалтике. Эстляндию и Ревель война, таким образом, непосредственно не затронула, хотя в продолжение нее приходилось считаться с возможностью появления неприятельского флота под Ревелем.

Заключение мира со Швецией было отпраздновано по всей России, в том числе и в Ревеле. С этим событием связан следующий эпизод, имевший отношение к А. П. Ганнибалу. Когда в Ревель прибыл камер-юнкер императрицы Елизаветы Карл фон Сиверс, посланный в Лифляндию и Эстляндию с официальным извещением о заключении мира, то обер-комендант обратился 8 сентября с письмом к Братству черноголовых, прося предоставить ему 200 рублей для традиционного подарка посланцу императрицы. Черноголовые отказали Ганнибалу и указали, что «наш дом никогда не делал отдельного подарка вестнику мира — это является делом магистрата, выступающего от имени всего города»¹⁵.

В марте 1742 года А. П. Ганнибал вступил в переписку с кабинет-секретарем Елизаветы, своим давним приятелем Иваном Антоновичем Черкасовым. Он сообщал о разных непорядках в Ревеле, жаловался на губернатора Левендаля, что тот его не любит и преследует. Таковы письма от 28 марта, 3 и 13 мая, 29 июля, 4 октября, 22 ноября 1742 года.

В письме от 28 марта Ганнибал пишет:

«По отбытии генерала-аншефа и ревельского губернатора барона фон Левендаля при Ревеле на команде состою один я, и по поданным от ревельских гарнизонных полков¹⁶ ведомостям усмотрел я — в расходе показано солдат гораздо во излишестве; а по силе указов из

---

¹⁵ G. Wrangell. Geschichte der Revaler Schwarzenhäupter, S. 277.

¹⁶ Гарнизонных полков в Ревеле было три: Эстляндский, Ревельский и Дерптский. Гарнизонный полк состоял из 8 рот, сведенных в два батальона; штатный состав полка: штаб- и обер-офицеров 27, унтер-офицеров 52, строевых рядовых 1102, нестроевых рядовых 91 (Л. Г. Бескровный. Русская армия и флот в XVIII веке. (Очерки). М., 1958, с. 61).

Правительственного Сената и из Государственной военной Коллегии надлежит по нынешним конъюнктурам тех солдат, которые показаны в расходе, где им быть не подлежало, собрать к полкам».

При прежнем обер-коменданте генерал-майоре фон Манштейне (1732—1739) в расходе было указано 1613 человек, «а ныне при бытности вышеписанного генерала-аншефа и губернатора Левендаля было ж в расходе гораздо с излишеством, а именно 2528, в котором числе расходу не мало, а паче в партикулярных услугах, нежели у дел государственных... А как я слышу, что как губернии, так и прочим оное противно, и рассуждают, что де даны им солдаты от губернатора, а он де от нас отымает, и между собою разглашают, — о чем де будем мы писать к губернатору и в Москву к депутатам с жалобой... опасаются того, чегобы на мне не взыскалось»¹⁷.

В другом письме, написанном также 28 марта, Ганнибал извещает Черкасова, что отправил в Петербург под конвоем «в важном Ея Императорского Величества деле, при всеподданнейшем моем доношении» двух арестованных иноземцев — «отставного капитана Ото Эртман фон Массану, да ревельского гарнизона Дерптского полку капитана ж фон Михельсона»¹⁸.

В письме от 3 мая Ганнибал пишет Черкасову, что, узнав об отправке по секретному делу в Петербург двух немцев, «ревельский губернатор Левендаль из Петербурха ко мне с репримандом писал, для чего оные посланы помимо его... на что я ему и ответствовал: то учинено как указы повелевают».

Вместе с тем Ганнибал сообщает, с приложением копии инструкции караульному сержанту за подписью ландрата Бреверна от 3 февраля, что в Ревеле «таясь от меня отдан от губернаторской канцелярии некоторой немчин (ревельский купец Витт) под караулом и содержится якобы безызвестно; а как я слышу, что не в малом деле, а куда об нем репортовано или нет, того не знаю; ведает об нем только губернатор Левендаль, а в небытность его губернской советник и его любимый фаворит Бревер; а к тому арестанту всякого народа иноземцев всегда допускают, которые приходя с ним гово-

---

¹⁷ Письма Абрама Ганибала, с. 17—18.

¹⁸ Там же, с. 18—19.

рят по немецки как хотят, и куда хочет письма пишет и посылает и получает: в том ему позволено, а я о том ни о чем не знаю...»¹⁹

В письме от 13 мая сообщается о хищении припасенного для крепостных работ казенного леса, а именно, что Левендаль «велел перевезть в свою партикулярную мызу не малое число бревен, из которых в той мызе строил себе хоромное строение... И в том Ея Имп. Велич. интересу не без малого ущерба; а по силе указов у Ревельской крепости ко исправлению как в артиллерии и в фортификации в лесных припасах ныне обстоит превеликая нужда...»²⁰

В письме от 29 июля Ганнибал пишет, с приложением 7 обвинительных «пунктов», что «факторы» губернатора Левендаля распускают слухи, будто он, обер-комендант, принуждает «обывателей без указа к исправлению городских при здешней крепости работ», и подговаривают жаловаться на него в Петербург. Ранее на заседаниях «имели для лучшего ведома в ревельской губернской канцелярии присутствия обер-коменданты», а ныне «по отбытии из Ревеля означенного Г-на Губернатора не малейшего в той губернской канцелярии присутствия не имею и моей претензии нет, кроме того, что касается ко интересу Ея Имп. Вел-ва; а ныне настоят военные конъюнктуры и обо всем, что в губернской канцелярии чинится, по силе полученных мною Ея Имп. Вел-ва высочайшего указу знать должно...»²¹

В июне 1742 года, в разгар войны со Швецией, А. П. Ганнибал предлагает И. А. Черкасову в подробном аргументированном письме «представить кому следует» его доношение о настоятельной необходимости привлечь город «к фортификационному исправлению крепости». Прошло уже 32 года с того времени, как «Его Импер. Вел-во из своего отеческого милосердия здешний город от строения уволить соизволил и срок тогда был дан на некоторое время, но токмо для их тогдашнего разорения; а они после того завсегда... сроки перепрашивали, и им такие неоднократные сроки и даваны были, что видя и ныне також они проискивают...»²² «...срок минует сего

---

¹⁹ Письма Абрама Ганибалла, с. 19—21.

²⁰ Там же, с. 22—23.

²¹ Там же, с. 26—27.

²² Там же, с. 36.

1742 году июня 23 дня, но оной магистрат отговаривается тем, что того им исправлять за городскою бедностию и немощию невозможно; к тому ж де в заготовлении инструментов и прочего у них не имеется, о чем де — дабы еще их от того уволить, — отправлены от них депутаты со всеподданнейшем прошением...»²³

Но вот в первых числах октября вернулся из Финляндии губернатор Левендаль, и для Ганнибала, успевшего за семь месяцев самостоятельной работы навести во многих делах порядок, снова начинаются тяжелые дни. Чтобы иметь ясное представление об обстановке, в которой Абраму Петровичу Ганнибалу — российскому генералу и обер-коменданту — приходилось тогда работать в Ревеле, приводим полностью его письмо И. А. Черкасову от 4 октября 1742 года:

«М. Г. мой и древний патрон Иван Антонович!

Вашему Пр-ву Мил. Г-рю моему в покорности через сие доношу: сего октября 1 дня Г-н генерал Эстляндии губернатор и кав. граф фон-Левендаль в Ревель сюда из Гельсингфорса водою прибыл и в 2 числа ордером ко мне предложил, что по высочайшей от Ея И. В. апробации определено ему быть в Эстляндии при губернском правлении и над стоящими в Эстляндии полками полевыми и гарнизонными команду иметь, и для того о состоянии моей команды о гарнизонных полках репортовать, и что до резолюции касаться будет, к нему представлять; и в силе того ордера 3 числа по полуночи в девятом часу пошел я к нему по команде, яко к главному командиру, репортовать о состоянии команды моей о ревельском горнизоне, и со мною при том же случае тогда были штаб и обер офицеры; и как пришел в дом его, то не впуская меня в переднюю полату отказали: якобы его, губернатора, нет дома; то я и не видя его, губернатора, возвратился; и тогож часу пришел ко мне в квартиру с ним, губернатором, прибывший из Финляндии капитан и для свидетельства присланы при том ревельского гарнизона полковник Луцевин, подполковник фон-Руден, при которых и объявил мне оной Капитан, что прислан он от губернатора и сказал приказом его, чтоб я к нему впред не ходил, понеже он, губернатор, со мною быть на одной команде не желает, а чего ради оной губернатор не хочет меня иметь в своей команде, того он мне не

²³ Письма Абрама Ганибала, с. 35—36.

объявил. Почему видимо, что оной губернатор на меня злится за старые злобы, ибо когда я был в Ревель определен при артиллерии подполковником, то он в то время иметь меня в своей команде не желал для некоторого своего, который был ему надобен, и как бы возможно меня из Ревеля отогнать не токмо собою, но и чрез других, многие нападения и гонения чинил, а ныне как уже я по Высочайшему Ея И. В. именному указу пожалован генерал-майором и в Ревель обер-комендантом, то ему наипаче учинилось противно и более злобы на меня возымел, а я по принятии команды в Ревеле ему противности никакой не чинил, а исполнял по силе указов так, как верному Е. И. В. рабу надлежит по рабской моей верной должности; точию разве в том более злобу имеет, что по отбытии его из Ревеля я усмотря некоторые учрежденные им не малые излишние расходы от гарнизону солдатам как при губернии, так по уезде, и в прочих местах, которые из них по представлению моему Госуд. военной Коллегии и по апробации Высокоправ. Сената по присланному из оной Военной Коллегии указу в небытность его убавлены, а в других его прихотных поступках напред сего к Вашему Пр-ву при моем покорнейшем писании минувшего июля 29 дня представлены пунктами, в чем ныне Вашему Пр-ву принужден донести и покорнейше прошу, дабы и от таких его, губернатора, нападков и вымышленной напрасной злобы Вашего Пр-ва милостию был защищен, и какие на меня от него, губернатора будут приношения напрасные — охранен! В Вашему Пр-ву в покорности моей рекомендую себя в высокую Вашего Пр-ва милость и в неотменном надеянии, что Вашего Пр-ва милостию оставлен не буду.

Вашего Пр-ва, М. Г-ря моего покорнейший слуга

А. Ганибал.

Октября 4 дня 1742 году»²⁴.

22 ноября Ганнибал опять извещает Черкасова о преследованиях со стороны Левендаля:

«...Здесь губернатор Левендаль занапрасно на меня напал и гонит, а наипаче похваляется чрез своих друзей и собою старается, чтоб мне здесь не быть и Ея Императорскому Величеству меня обнести напрасно, а в чем, того я не знаю, разве в том я ему неугоден чинюсь,

---

²⁴ Письма Абрама Ганибала, с. 49—50.

что исполняю по указам и правам Ея И. В. по моей рабской присяжной должности, что собрал к полкам от излишних расходов солдат, которых было весьма немалое число».

Ганнибал пишет, что у разных губернских чиновников «солдатство многие употребляемы были и в партикулярные услуги, яко собственные холопы, а ныне то при мне пресекалось, а то у них было так, что и дрова рубить все бедными солдатами, от которых трудов довольствовались и другие; а когда зима придет, то солдаты больные в госпиталях, в караульных и в полковых дворах не малую бедность претерпевали за неимением к топленю печей дров, почему и ныне приготовленные для солдатства дрова оный губернатор по приезде в Ревель, уповаю на прежнее, желает к себе взять, о чем и ордером предложил, також и о прочем, что пространно в посланных при сем за открытою печатью в конверте при нижайшем моем доношении пунктах в высокий кабинет пространно явствует... И того ради он на меня по прибытии своем паче злится, а особлибо о том; что расходы многие солдатам убавлены...»

Ганнибал просит Черкасова «улуча благополучное время — оные пункты поднести Ея Имп. Вел-ву, моей всемилостивейшей Государыне, для всемилостивейшего рассмотрения», а его, Ганнибала, «от таковых злоб, нападений и гонений оборонить и своею высокою милостию защитить, ибо оная злоба и гонение от него, Левендаля, происходит на меня не от иного чего, только что я, как верный Ея Вел-ва издревле раб, охраняя интерес и берегу солдат и исполняю во всем по правам и указам Ея Имп. Вел-ва, в чем свидетельствуюсь ревельского гарнизона трех полков штаб и обер офицерами, а в прихотях его, Левендаля, мне услужить ему не можно, ибо противно оное Ея Импер. Вел-ва указам и правам...»²⁵

Постепенно отношения между губернатором Левендалем и А. П. Ганнибалом обострились настолько, что последний поставил вопрос о своем уходе из Ревеля. В одной записке (без обозначения даты) он пишет И. А. Черкасову:

«Прошу, ежели мы оба с губернатором при одной команде в Ревеле еще пределимся (?), что меня от ево нападков пожаловать охранить, а буде же по вашему

---

²⁵ Письма Абрама Ганибала, с. 37—38.

знанию то безнадежно, прошу искать, чтоб меня с ним развесть, ибо по ево интригам мне с ним никакo быть не возможно, и при случае доложить Ея Императорскому Величеству, чтоб меня перевесть в Нарву»²⁶.

Видимо, и губернатор Левендаль слал в Петербург жалобы с предложением избавить его от строптивного обер-коменданта.

Кем же был в действительности А. П. Ганнибал — ревностным ли и бдительным должностным лицом, отстаивавшим государственные интересы, или же неуживчивым интриганом? Д. Н. Анучин пишет: «От этой эпохи пребывания Ганнибала в Ревеле, с 1741 по 1752 г., известны некоторые его донесения, а также жалобы на него других начальствующих лиц, опубликованные Хмыровым. Из них можно заключить, что «арап» не ладил ни с подчиненными, ни с высшими (ревельским губернатором), отличался вообще пылким, сварливым нравом, писал жалобы по начальству и, в свою очередь, обвинялся в превышении власти, в «свирепости» к подчиненным и в невнимании к старшим по службе»²⁷. Так ли это на самом деле?

Цитированные выше донесения Ганнибала достаточно полно раскрывают суть конфликта. Подкрепленные документальным материалом, письма эти отображают тогдашнюю обстановку в Ревеле и причины столкновений в таком свете, что невольно хочется принять сторону Ганнибала в его трудной и неравной борьбе с титулованными начальниками (де Брини, Левендаль). Ведь из подчиненных он не ладил единственно с фаворитом Левендаля майором Гольмером, да и то лишь вследствие вызывающего и провоцирующего поведения последнего, — явно по наущению и при поддержке Левендаля.

Прямой, горячий «африканский» нрав Ганнибала действительно мог играть некоторую роль в его взаимоотношениях с должностными лицами в Ревеле. Но, несомненно, были и другие обстоятельства, влиявшие на эти отношения и вызывавшие резкую реакцию у Ганнибала. Обстановка, в которой Ганнибалу пришлось работать в те годы, была сложная. В 1741—1743 годах шла война со Швецией. Ревель был на военном положении, и обер-комендант отвечал за оборону крепости. Высшие

---

²⁶ Письма Абрама Ганибала, с. 48.

²⁷ Д. Н. Анучин. А. С. Пушкин, с. 10—11.

административные посты на местах занимали лица иностранного происхождения, в армии на командных должностях было много прибалтийских немцев. Все они заботились главным образом о своей служебной карьере и имущественных интересах. Прежний губернатор Эстляндии граф Г. Дуглас, швед по национальности, был в 1740 году предан суду за изменническую переписку со Швецией. Его заменил датский барон Вальдемар фон Левендаль, хотя Дания и Пруссия, как известно, были в своей антирусской политике тесно связаны со Швецией. Следовательно, у А. П. Ганнибала, ответственного за оборону Ревеля от возможного нападения шведов, могло быть достаточно оснований считать Левендаля ненадежным, как он об этом и писал в письме к И. А. Черкасову 22 ноября 1742 года.

Правнучка А. П. Ганнибала А. С. Ганнибал представляла столкновения своего прадеда с должностными лицами в Ревеле следующим образом:

«Деятельная натура Абрама Петровича требовала усиленной работы: он с горячим рвением относился к своим служебным обязанностям; беспрестанно указывал начальству на совершаемые в Ревеле злоупотребления, с которыми энергично боролся; указывал на неотложные нужды, на упадок дисциплины, одним словом — на расстройство военного дела; это делало его, конечно, очень неприятным в глазах некоторых лиц. Сослуживцы Ганнибала и его подчиненные, недовольные его требовательностью и постоянным стремлением водворять законность в той сфере, где до тех пор царствовала распушенность и произвол, — старались всячески уязвить Абрама Петровича»²⁸.

Мнение А. С. Ганнибал кажется нам в общем убедительным. И все же известную роль в этих столкновениях следует приписать и особенностям характера А. П. Ганнибала — человека бескомпромиссного, не слишком большого дипломата в сношениях с высшими должностными лицами и, может быть, не всегда умевшего ладить с сослуживцами.

В 1742 году А. П. Ганнибал обратился в Академию наук с просьбой вернуть ему библиотеку, изъятую в 1730 году в связи с его арестом в Сибири. Администра-

²⁸ А. Ганнибал. Ганнибалы, I, с. 240.

ция академии удовлетворила просьбу и вернула книги согласно реестру, восполнив затем по ходатайству Ганнибала недостающие экземпляры²⁹.

В том же 1742 году имела место встреча А. П. Ганнибала с будущим полководцем Александром Суворовым, в какой-то мере предопределившая дальнейшую судьбу последнего. Дело в том, что Ганнибал был приятелем отца его, Василия Ивановича Суворова, также военного инженера и в прошлом крестника Петра I. Когда Ганнибал приехал к ним в гости, Василий Иванович пожаловался товарищу, что его слабый здоровьем сын, которого решено было определить на гражданскую службу, не слушает его, чудит и упорно стремится сделаться военным. Заинтересованный гость захотел поговорить с мальчиком. Он нашел его в своей комнате лежащим на разложенных на полу картах и разыгрывающим с игрушечными солдатиками какое-то сражение. Ганнибал стал наблюдать за игрой, давать советы. Маленький Суворов иногда соглашался, иногда спорил. Ганнибал долго с ним беседовал, затем вернулся к отцу и сказал: «Оставь его, братец; пусть он делает как хочет; он будет умнее и тебя и меня»³⁰. Отец послушался совета и записал сына в лейб-гвардии Семеновский полк солдатом.

С 1 ноября 1743 года эстляндским губернатором (вместо уехавшего во Францию В. Левендаля) стал генерал-поручик принц Петр Гольштейн-Бек, немец по происхождению, сын прусского генерала, участник военных походов русской армии против турок в 1738—1739 годах и против шведов в 1742 году. С ним А. П. Ганнибалу пришлось служить в Ревеле продолжительное время, вплоть до своего перевода в Инженерный корпус в 1752 году.

Сохранились два письма Ганнибала к принцу Гессен-Гомбургскому и одно к некоему Михаилу Петровичу в Петербурге, написанные в 1744 году и живописующие дальнейшее развитие его конфликта с майором П. Гольмером. Став с января 1742 года, к несчастью Ганнибала, начальником артиллерии Ревельской крепости, Гольмер

---

²⁹ А. Ганнибал. Ганнибалы, I, с. 231—238.

³⁰ Из записок знатной дамы. — «Русский архив», 1882, кн. I, с. 209—210.

держал себя с ним по-прежнему дерзко. Больше того, он стал сам жаловаться на Ганнибала, стремившегося подчинить его дисциплине, и, видимо, не без некоторого успеха, так как принц Гессен-Гомбургский счел нужным упрекнуть Ганнибала в «свирепом» обхождении с подчиненными.

В письме от 26 марта 1744 года А. П. Ганнибал обращается к принцу Гессен-Гомбургскому со следующими словами:

«В надежде вашей светлости высокой ко мне милости, взял дерзновение, по самой необходимости, жалобу мою в следующем представить: ревельской артиллерии майор г-дин Голмер мне такие по команде приносит досады, что всего того стерпеть уже невсостояни нахожусь. Во первых, наложил на себя свыше регула меру: вартилериской команде мне товарищем быть, и некоторые дела без моего ведома начинал. И как скоро то ему, чрез мои приказы, пресекается стало, вздумал упрямитца и так пренебрежно со мною обходится, что и персонально гордым обычаем во многих поступках и словах меня обижает, за что я хотя власть и имею штрафу подвергнуть, однако ведая вашей светлости ко мне высокую милость, ктому же все оные артилериские чины в высокоповелительной вашей светлости команде состоят, не желая тем принести досады, еще терпением содержусь. И для того не в самую жалобу, но для удержания от таких ево поступков, чтоб он напоследок в безответной штраф не впал, всепокорно прошу: высоким вашей светлости повелением ево, майора г-дина Голмера, на истинной путь наставить, чтоб он впредь команду пренебрегать оставил»³¹.

На этом письме стоит собственноручная резолюция принца Гессен-Гомбургского: «Писат к Голмеру, чтоб сним поступал, как ево должность требует, а не ссорно, и недопускал бы его господина Г. М. (генерал-майора) впредь своими досадами жаловатца. И к нему Г. Ганнибалу отвечать и поздравлять»³².

Гольмер, получив «реприманд» от петербургского начальства, ответил принцу Гессен-Гомбургскому своей жалобой на Ганнибала. Содержание письма Гольмера не известно. Ганнибал, узнав об этом, обратился 28 июня к

---

³¹ Исторические статьи М. Д. Хмырова, с. 40.

³² Там же.

Erstem Schwerte Harriethe eine weibl. uneheliche Geburt
traf in Nürnberg d. 17ten. März. 1760. in die Welt zu kommen.
Ihre Eltern sind der Prediger Herr Johann Baptist aus Ober-
Schwarz, und die Frau Maria Johanna die Tochter des
Schweizers Hofes aus Oberhaim, welche einem reichen und weisen
mannlichen Stande von jener Eltern und sehr gut geachtet sind. Die
Erstgeborene ist bescheiden Klugheit von Verdien. Herr Herrschel. Die
Vater war in Bayern der bester Sprachlehrer der Studenten.
Doch welcher er auch ist worden geschicket mit anderen Christlichen
Lehrern zumeist Nürnberg und Leinwandstoffen. Die Mutter
hatte ein gutes Einkommen. Sie hat von dem Dürer erblich geerbt, wovon
sie ihr Einkommen aber wenig. Einige erst nach dem Tod geerbt
im Nachgelassenen mit der Schwägerin und alle andere sind. In der Welt
die bescheidenen Kinder in jenen Jahren. Sie war nicht anders umgeben
von unschuldigen Kindern als Beispiele nach christlichen Moral.
Ihre Mutter jener nach sollte die Kinder sehr zu pflanzen und zu
halten. Die Mutter hat das wahnsinnigste Gewissen nach alle die
Lehren. Sie hat sehr viel auf die Erlöse. Die Welt ist sehr von der
Welt. Die Mutter hat die Mutter. Die Mutter hat die Mutter. Die Mutter
hat die Mutter. Die Mutter hat die Mutter. Die Mutter hat die Mutter.

10.

Sie hat die Mutter. Die Mutter hat die Mutter. Die Mutter hat die Mutter.
Die Mutter hat die Mutter. Die Mutter hat die Mutter. Die Mutter hat die Mutter.
Die Mutter hat die Mutter. Die Mutter hat die Mutter. Die Mutter hat die Mutter.
Die Mutter hat die Mutter. Die Mutter hat die Mutter. Die Mutter hat die Mutter.
Die Mutter hat die Mutter. Die Mutter hat die Mutter. Die Mutter hat die Mutter.
Die Mutter hat die Mutter. Die Mutter hat die Mutter. Die Mutter hat die Mutter.
Die Mutter hat die Mutter. Die Mutter hat die Mutter. Die Mutter hat die Mutter.
Die Mutter hat die Mutter. Die Mutter hat die Mutter. Die Mutter hat die Mutter.
Die Mutter hat die Mutter. Die Mutter hat die Mutter. Die Mutter hat die Mutter.
Die Mutter hat die Mutter. Die Mutter hat die Mutter. Die Mutter hat die Mutter.

Sie hat die Mutter. Die Mutter hat die Mutter. Die Mutter hat die Mutter.
Die Mutter hat die Mutter. Die Mutter hat die Mutter. Die Mutter hat die Mutter.
Die Mutter hat die Mutter. Die Mutter hat die Mutter. Die Mutter hat die Mutter.
Die Mutter hat die Mutter. Die Mutter hat die Mutter. Die Mutter hat die Mutter.
Die Mutter hat die Mutter. Die Mutter hat die Mutter. Die Mutter hat die Mutter.
Die Mutter hat die Mutter. Die Mutter hat die Mutter. Die Mutter hat die Mutter.
Die Mutter hat die Mutter. Die Mutter hat die Mutter. Die Mutter hat die Mutter.
Die Mutter hat die Mutter. Die Mutter hat die Mutter. Die Mutter hat die Mutter.
Die Mutter hat die Mutter. Die Mutter hat die Mutter. Die Mutter hat die Mutter.
Die Mutter hat die Mutter. Die Mutter hat die Mutter. Die Mutter hat die Mutter.

Первая страница немецкой биографии А. П. Ганнибала.

Император Петр I,
крестный отец
А. П. Ганнибала.

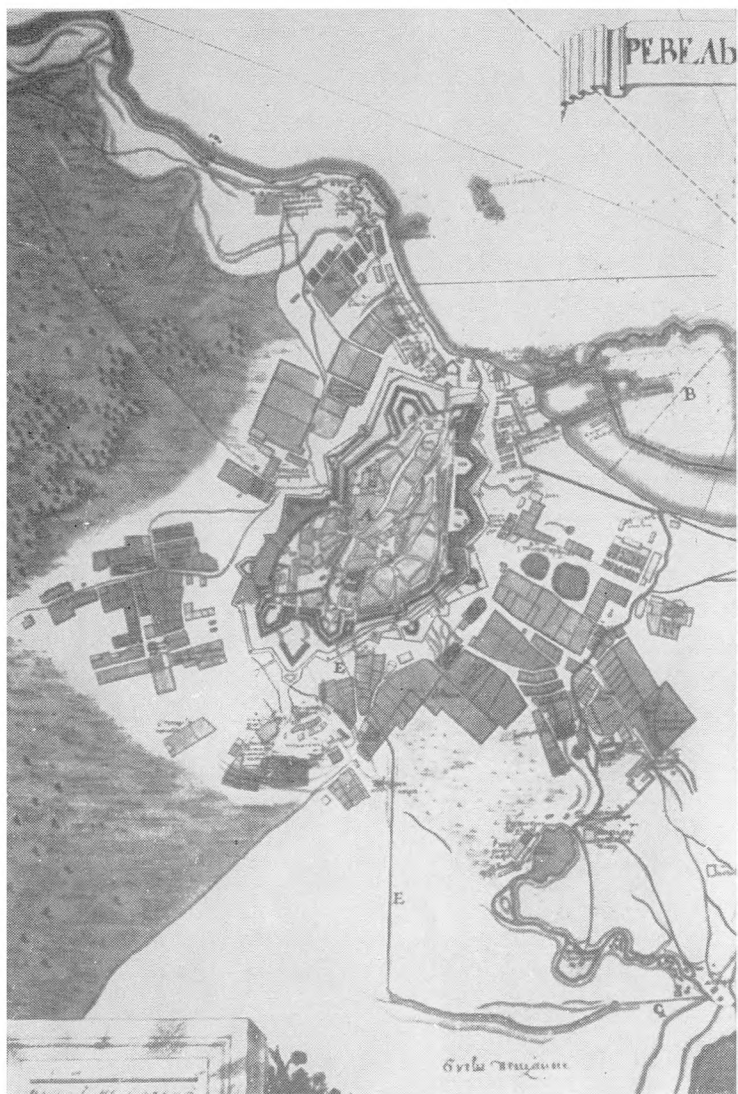

Императрица
Екатерина I, супруга
Петра I.

«Домик Петра»
в Таллине.

Пятницкая церковь
в Вильяме, где в
1705 г. Ибрагим был
крещен в православную
веру.

План г. Ревля с пригородами (около 1740 г.). А — крепость, В — гавань, С — Кадриоргский дворец, Д — летняя резиденция Петра I («домик Петра»).

Дом в Таллине на Вышгороде, где Петр I жил с «арапом Абрамом» во время своего первого приезда в Ревель в 1711 г.

«Комендантский дом» в Таллине на ул. Тоомпеа, 1, где в 1742—1752 гг. жил обер-комендант Ревеля генерал-майор А. П. Ганнибал. Здесь в 1744 г. родился Иосиф (Осип) Абрамович, дед А. С. Пушкина.

Дубовая аллея в Карьякюла.

Карьякюла — бывшая усадьба А. П. Ганнибала близ Ревеля, где он жил в 1733—1740 гг. (1970).

Интерьер Преображенского собора в Таллине, где в 1736 г.
А. П. Ганнибал обвенчался с Христиной Шёберг.

Личная печать А. П. Ганнибала (1742). В центре герба — щит овальной формы, на котором изображен слон. Над щитом — рыцарский шлем с орлом; под щитом — инициалы девиза FVMMO; по бокам щит обрамляют виньетки.

Новая личная печать А. П. Ганнибала (1761), отличная от печати 1742 г.: отсутствуют виньетки, щит располагается на фоне ордена Александра Невского, под щитом — крест ордена св. Анны с обрамляющими щит орденскими лентами.

Благоустроенные и податочные составы Бургерmeister
Прагманц

Поместе чедь поважно мить стосова в городе гурьмадтце
немало иностранных всякого звания ледь сиселт шведов
надеждаще пашпортств и кетик и иных ного безпашпортств
и иных подорителных отомь я немало невидетельных
настоящих подвистора вбывае. сиречь иже обвинителя пашпорт
иные гурьмае все везомь в рублином магистрате, того
ради вшлеть благоустроенных гурьмадтце (изволите видеть
многости все для техъ иже настоящих вбвистороз
копире и кетик в рублином гурьмадтце и в рублином
звания ледь гурьмадтце вбвистороз замедления неимаясь иже
разворот в рублином магистрате и пашпортств иже сви
детельствовател прасмотреть все на водити сра
шпортств иже иже пашпортств надлеждаще или де
вбвисторств и кетик и иных пашпортств ледь гурьмадтце
пашпортств иже в рублином гурьмадтце вбвисторств
ледь ошда гурьмадтце сора гурьмадтце пашпортств иже сора
ствовател иже в рублином гурьмадтце гурьмадтце
гурьмадтце иже в рублином гурьмадтце ледь гурьмадтце
рублине иже пашпортств иже в рублином гурьмадтце
иже гурьмадтце гурьмадтце отомь иже гурьмадтце гурьмадтце
представят иже самих иже в рублином гурьмадтце гурьмадтце
иже гурьмадтце иже иже иже гурьмадтце гурьмадтце
пашпортств соими пашпортств иже в рублином гурьмадтце
гурьмадтце гурьмадтце гурьмадтце гурьмадтце гурьмадтце

Письмо обер-коменданта А. П. Ганнибала магистрату г. Ревеля от 22 июня 1742 г., припечатанное красной сургучной печатью.

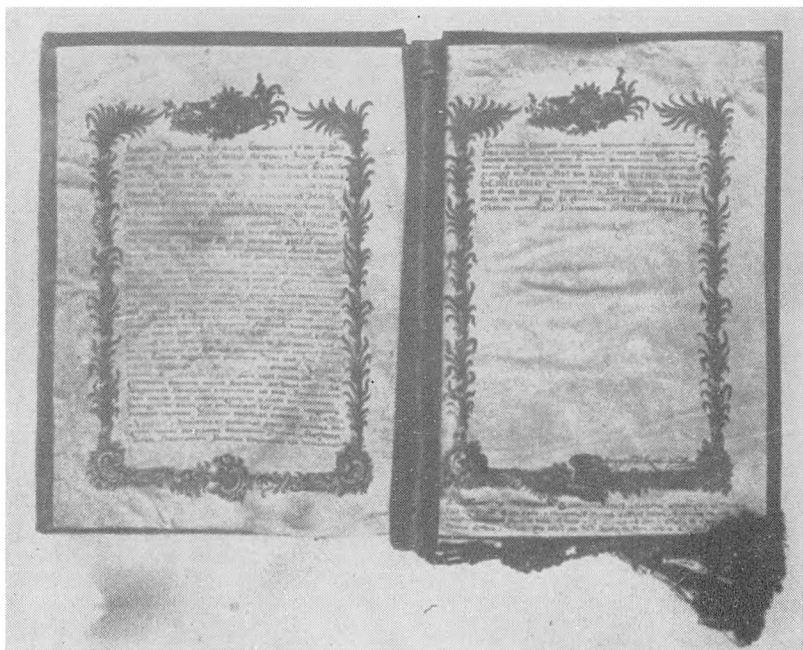
анб полне прхславно' вбисодалше' Я Императорского
Милости Указом повелевается Подольскъ Сибирскіи
Кашпортнскіи Аптекарскіи Ведомо: /

Семий в Бѣгоу рождени в.

Хотин в м Свѣта

Ваше в аз

1742 г. 22 мая
1742 г. 22 мая
рече в

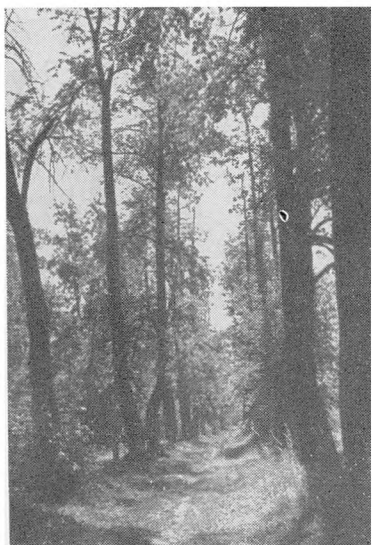

Жалованная грамота на Михайловскую губу (1746).

Ганнибалова липовая аллея в Суйде.

Памятник А. П. Ганнибалу, установленный в Суйде в 1971 г.

Усадьбный дом А. П. Ганнибала в Суйде (1972).

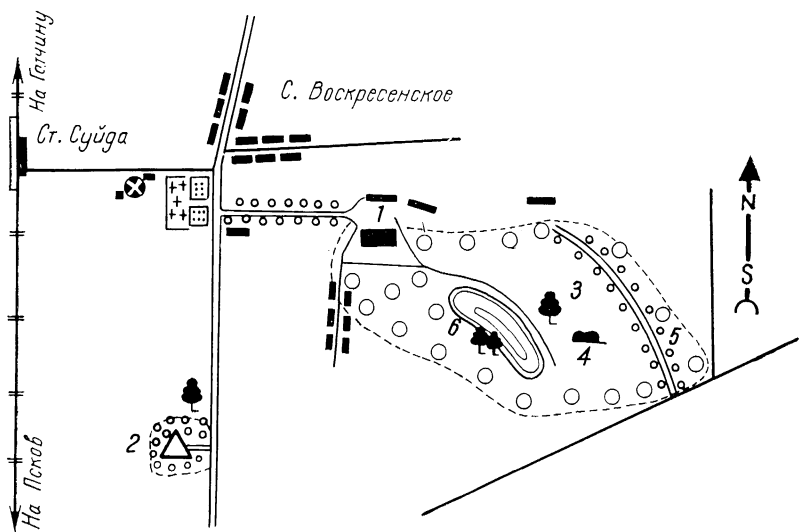

Схема ганнибаловых мест в Суйде. 1 — бывший господский дом, 2 — могила А. П. Ганнибала, 3 — «дуб Ганнибала», 4 — «каменный диван», 5 — липовая аллея, 6 — озеро.

Иван Абрамович
Ганнибал.
Портрет неизвестного
художника.

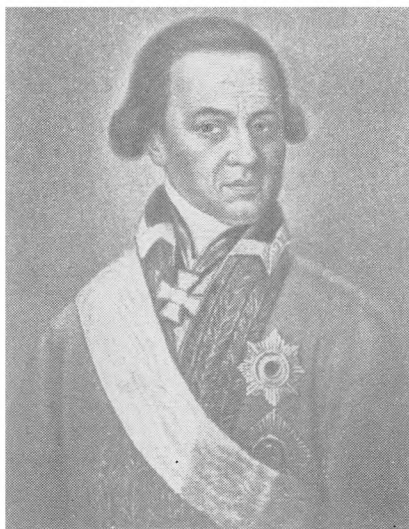
Надежда Осиповна
Пушкина, внучка
А. П. Ганнибала.
Миниатюра на
слоновой кости работы
Ксавье де Местра.

Александр Сергеевич
Пушкин, правнук
А. П. Ганнибала.
Портрет кисти
С. Кипренского.

Портрет, с 1880 г.
принимавшийся за портрет
А. П. Ганнибала. На самом
деле здесь изображен
И. И. Меллер-Закомельский.
Портрет неизвестного
художника.

принцу с новым письмом, где возымел «смелость о упоминаемом... маэоре г-дне Голмере объявить мою невинность». В доказательство своей невинности и вины Гольмера Ганнибал прилагает к письму семь «объяснительных пунктов», в которых описывается «дерзновенное» поведение майора Гольмера по отношению к нему, генерал-майору и обер-коменданту. Так, когда Ганнибал в гарнизонной канцелярии давал Гольмеру указания, касающиеся исполнения дел по службе, то «мне он весьма с немалым таким ответствием, с криком необычно и противно, показывая мне уничижительные гримасы, и рукою на меня и головою помахивая, грозил, и оборотясь спиною, — при чем были все здешнего гарнизона штап и обер-афицеры, что мне было весьма обидно... А после просил я словесно о унятии ж его, Голмера и здешнево губернатора, его светлости принц фон Голштейн-Бека, почему и его светлость ему, Голмеру, изволил говорить, чтоб от таких дерзновении унялся; точию он, Голмер, и при его светлости мне показывал такую ж с великою гордостью и неучтивою поступкою немалую обиду. И как я от его светлости вышел в свою квартиру, то после меня его светлость оного Голмера за то, что так со мною поступает, изволил чинить ему репреманд и говорил, что де «ты и при мне оказываешь неучливость, чему подлинно верить могу, ибо не толико заочно, но и при мне-де таки невежничает»... Он же маэор Голмер, как и выше объявлено, какие поступки и угрозные слова по моей команде мне показывает, а сам того не рассудит, как со своими подкомандными поступает, яко то артиллерии с капитанами и порутчиками, кои и рангами немного ево, Голмера, обстоят ниже, чинил весьма немалые и нестерпеливость обиды такие, что уже ими словесно неоднократно жалобы на него, Голмера, при нем персонално были. Сверх же тово, чрез писма моих приятелей ис Петербурха, мне известно, что он, Голмер, намерен был меня з здешним губернатором в сору привести; токмо тово ему здесь не удалось... И ежели оного Голмера не унять, то какой и я буду командир?.. А о протчих ево, Голмера, по моей команде, противных поступках более вашей высококняжеской светлости приношением ныне умолчал, не желая того, чтоб он, Голмер, за то был судим или что с ним учинено; а толко желал и желаю, как и прежнею моею жалобою в кратких терминах представлял, чтоб оттаких своих гордых и неучтивых поступок

был он унят. И то все предаю в высокое вашей высококняжеской светлости милостивое рассмотрение. А. Ганнибал»³³.

В пространном письме от 2 июля 1744 года в Петербург к Михаилу Петровичу (фамилия неизвестна), близкому к принцу Гессен-Гомбургскому лицу, А. П. Ганнибал просит его при удобном случае «представить его светлости, дабы я от него, Голмера, был свободен, чтоб он уже и в команде моей быть не мог... дабы я и впред от такого ушника и именитого чл-вка (человека) был свободен, которых нетолико в своей команде видеть и иметь у себя, но и слышать не желаю, которой имеет язык и руки нечисты»³⁴.

Из этого письма видно, что Ганнибал получил 19 июня от принца Гессен-Гомбургского письмо, после ответной жалобы Гольмера на Ганнибала, где «его светлость соизволил упоминать яко бы показанные от меня здес обиды артиллерии маэору Голмеру», который теперь, «имея надежду, так поступает, что, приходя в квартиру и называя меня уже ветряным человеком, при многих штап и обер афицерах, персонално, о чем было мне, в посланном к его светлости представлении, и упомянуть стыдно, что, по моей чести, весьма не безобидно»³⁵.

Видимо, принц Гессен-Гомбургский упрекнул Ганнибала и в мстительности по отношению к своему подчиненному, что видно из фразы Ганнибала: «Ежели б... я безделника ево, маэора, хотел мстить все ево мошенически поступки, как его светлость в писме своем упоминает, то б ему от меня даром не прошло»³⁶.

Однако жалобы и письма Ганнибала, похоже, несколько не вредили Гольмеру. Отношения между ними зашли так далеко, что петербургское начальство, вместо самого простого решения — перевести виновника конфликта в другой гарнизон, уже подумывало забрать от Ганнибала артиллерийскую и инженерную команды и подчинить их непосредственно губернатору; тем самым Гольмер выходил бы из подчинения Ганнибала. Существование такого намерения подтверждается фразой в письме Ганнибала принцу Гессен-Гомбургскому от 28 июня:

---

³³ Исторические статьи М. Д. Хмырова, с. 44—47.

³⁴ Там же, с. 49.

³⁵ Там же, с. 48.

³⁶ Там же, с. 50.

«Когдаже соизволите своею высокою милостию приказать определить артиллерийским и инженерным офицерам быть в команде губернатора, то оно обстоит в воле вашей высококняжеской светлости»³⁷.

Об этом же говорится и в письме Ганнибала Михаилу Петровичу:

«И для оправдания такова ушника, хотят команду разрознить, что я ево за дело репремандовал, за что, по ево поступкам, должен был и к суду предать. Великие мы с ним люди, да для нас знатную перемену в регулах учинить хотят...»³⁸

Из приведенного отрывка видно, что вина за создавшуюся в Ревеле обстановку возлагалась и на Ганнибала. Была ли на деле учинена «знатная перемена в регулах» — нам не известно. Однако вряд ли Военная коллегия пошла на такое изменение петровского военного регламента, определявшего полномочия обер-комендантов крепостей.

В своих отношениях с местным губернатором А. П. Ганнибал явно стремился уклониться от подчинения ему в вопросах военных, касающихся крепости и Ревельского гарнизона. Свою позицию он обосновывал тем, что такое, по его мнению наиболее целесообразное, распределение служебных функций существовало при Петре I. Так, информируя в одном из своих писем кабинет-секретаря императрицы о беспорядочном управлении губернатора Левендаля военными делами, он указывал на преимущества прежней системы руководства:

«А при жизни блаженной и вечно славы высокодостойной памяти Государе Императоре Петре Великом с самого начала взятия города Ревеля учреждено было, так что губернатор здесь в Ревеле имел команду только над губерниею и землею, а обер комендант над гарнизоном, а генерал губернатор был адмирал граф Апраксин, которого он губернатор и обер комендант рапортовали каждый от себя особо по двое команде, а один другим не командировали; и так состояло до 736 года, почему и происходило в командах их порядочно, а ныне ежели так учинить на прежнем основании и гарнизон обстоять по-

³⁷ Исторические статьи М. Д. Хмырова, с. 47.

³⁸ Там же, с. 51.

ручить военной коллегии или кому повелено будет, то бы конечно все беспорядочные поступки пресечены были, а без того никоим образом пресечь такого чинимого им в команде беспорядочного поведения невозможно»³⁹.

Очевидно, письмо это не повлекло за собой каких-либо изменений в смысле более четкого разграничения прав и обязанностей местных начальствующих лиц, поэтому с назначением нового губернатора былые противоречия не исчезли. Приводимое ниже письмо принца П. Гольштейн-Бека от 15 декабря 1744 года к генерал-фельдцейхмейстеру принцу Л. Гессен-Гомбургскому с жалобой на А. П. Ганибала достаточно красноречиво описывает фактическое положение дела и раскрывает причины разлада между ним и ревельским обер-комендантом.

«Светлеши принц, высокопревосходительныи и высокоповелительныи г-дин генерал фелтмаршел и многих ординов ковалер, милостивои мне г-дрь. В коликих беспоконных мерах бытие мое в Ревеле обстоит, вашей светлости чрез сие мое покорное (письмо), оставя пространство всего мне оскорбления, толко что до высокоповелительной вашей светлости команды подлежит, в следующем жалобу приношу. — Канцеляри Главной Артилери и фортификаци Кантора, что до здешной ревельской крепости касаетца о артилериских и инженерных обрядах, указы прямо в здешнюю гварнизонную канцелярию посылает, по которым обер-комендант Г-дин генерал маюр Ганибал, точно якобы при здешной крепости шеф, и исполнение чинит, и о том оной канторе репортует, а мне толко для ведома сообщает в таком образе, что я, якобы уже в том и команды никакой иметь не должен. Вашей же светлости довольно известно, что обер-каменданты в губерниях, при губернаторах, полных повеленей не имеют, но должны что принадлежит х крепости, обо всем чрез губернатора куды надлежит представлять. Я, милостивыи г-дрь, и конторе вины не приписую, потому что обер-камендант из гварнизонной канцеляри, преимуществуя предо мною, не объявляя мне ничего, прямо в кантору представляет, почему и кантора имеет резон указы в ту канцелярию присылать мимо меня. И хотя я чрез многие к нему, обер-каменданту, ордеры требовал, чтоб со всех тех присылаемых к нему указов, как скоро

---

³⁹ Письма Абрама Ганибала, с. 72.

оньы получаемы будут, ко мне сообщал (копии), но он, толкуя то, что ему точно, по указу, исполнять приказано, в репортах своих пишет, что исполнение учинит он, не требуя от меня на то повеленеи; что подлежит токмо до одной команды, ибо она, по всем регулам, почтена быть должна, ведая то, что все указы ненарушимо исполняютьца, токмо во всех командах оные идут по команде, кроме Ревеля. Во уверение ж сеи моеи к вашей светлости жалобы, три репорта от него обер-каменданта, для лучшего усмотрения при сем включаю. И при том предаю себя в здравое разсуждение: ежели Канцелярия Главной Артиллерии и фортификации и тои Канцелярии Кантора не имеют о мне сумнителства, что я, здесь поверенной губернатор, в артиллерических и инженерных к здешной крепости подлежащих обрядах какое упущение учинил бы, в тех мерах имеют мне докозательство предписать; буде же оных не сыщется, то без резон и обижать не надлежало, понеже я чин генерал порутчика в российской империи, по воле все милостивейших монархов, не без дел заслужил⁴⁰. И для того вашей светлости, оставя прочие мне огорчєнии, о вышєписанном прошу повелеть: о касающихся до ревелской крепости артиллерических и инженерных обрядах указы присылать ко мне, по которым я исполнять и ответ дать должен; а от обер-каменданта, мимо меня, представленеи не принимать, дабы команда в целои, по регулу, обсервации остатца могла. Я о предписанном вашей светлости чрез сие мое покорное (письмо) мою огорчителную жалобу в такой силе приношу, что в том имея правосудного разсмотрения во власти надежду полную, на то резолюцию ожидать буду, которая такие непорядки и несогласии пресечь может и каждого по своим заслугам и званиям удоволствованна оставит. В прочем же, в неотменную милость вашей светлости себя рекомандую и со всеглубочайшим почтением имею честь назватца, светлейший принц, вашей светлости, милостивого мне го-ря, покорнейший слуга Peter prinz von Holstein»⁴¹.

Одно из четырех приложений к этому письму:

«P. S. Секретно. Ваша светлость ис приложенных при сем репортов (Ганнибаловых Гольштейн-Беку) доволь-

⁴⁰ П. Гольштейн-Бек участвовал в крымских походах Миниха, где отличился при Ставучанах в 1739 г., и в шведской кампании 1742 г.

⁴¹ Исторические статьи М. Д. Хмырова, с. 52—54.

ную силу усмотреть изволите. Хотя он (Ганнибал) и пишет, что о получении указа ноября 27 дня ко мне репортовал, но во оном репорте более ничего не написано, как только что о сыскании порутчика Колонга из отпуску в дом х команде указ получен; а о следствии и вовсе умолчено, и тайно от меня камисию командровал, и по всему видимому, чтоб инженер-капитана Вризберга каким бы нибудь образом погубить ищет. Да и следствие оное, не объявля ж мне, в кантору от себя послал. Кромеж того, все дела от меня делает тайно, так, что я разве о чем стороною сведаю, и всеи той меры ищет, чтоб мое имя утушить и всеи власти ему одному остатца. Сверх же того, он об означенном порутчике Колонге, как мне то видится, неправильно и фалшиво собою отрепортовал, и якобы безызвестным об нем представляя, о чем, по справке из ево, Ганнибала, посланного о том первого репорта, упователно, пространнее сыщется; и ежели он так злобно и фалшиво отрепортовал, то за неправдивой репорт, по военным регулам, весма преступително себя учинил и подозрителным показался. Что же из того ево репорта ваша светлость обстоятелнее усмотреть соизволите, еще жь келейно вашей светлости объявить честь имею, что показанной господин генерал маэор здесь со всем генералитетом посорился и себя противником учинил. К тому жь, как я заподлинно уповаю, между протчими надо мною тайными подьски, всеконечно в государственную военную коллегию о посланных от сюду, по имянному м-стивому указу, каторжных неволниках представлял и чрез своих сручников домогался, что из тех, для рассмотрения в государственную военную коллегию посланных, 63 человека на моем коште и щете имеют обратно в Ревель посланы быть. Токмо я по совести и имеющим тогда здесь мне поданным об них спискам поступил, и кроме богохулников и по важным делам, також которые в неоднократном смертном убивствии явились, всех протчих, у которых ноздри вырезаны, публично, с безчестным знаком, наказаны и, в силе указа, в Оренбурх отослать должны, для рассмотрения в государственную военную коллегию послал и во всем в силе оного всемилостивейшего указа исполнил, и тако моеи вины ни в чем непризнавается; а хотяб тот кошт на мне и доправить, то те иждивлении не великие. Однакож обида и происходящие от того протчыя притчины мне весма скорбны б были. А понеже его светлость князь

Василей Володимирович Долгорукий ко мне милости-вец, того ради вашей светлости всепокорно прошу, дабы о том ему обстоятельно пожаловать донести и, отдав не в труд от меня нижайшого поклона, попросить, чтоб все то отменить и меня так напрасно обиде и такой славе не предать»⁴².

Каким образом, в чью пользу и когда были в Петербурге решены вопросы по этой жалобе губернатора на А. П. Ганнибала — мы не знаем. Принц Гессен-Гомбургский, которому была адресована жалоба, умер в 1745 году. В 1746 году вышло распоряжение Канцелярии главной артиллерии и фортификации, в котором — как будто по этому делу и нарочно для Ганнибала — сказано между прочим:

«Всем обер-комендантам и комендантам иметь с инженерами во всех крепостных работах доброе согласие, и должны инженеры подавать из одного только почтения о касающихся делах рапорты, но отнюдь не подчинять в точную их команду»⁴³.

Из распоряжения этого следует, что инженерная команда (а артиллерийская?) изымалась из прямого подчинения обер-коменданту крепости, — т. е. соответствующий вопрос в жалобе губернатора был решен не в пользу Ганнибала. Необходимо отметить, что вообще подобные столкновения и пререкания между должностными лицами и учреждениями нередко происходили от неясности тогдашнего законодательства.

Между тем А. П. Ганнибал и сам жаловался на губернатора П. Гольштейн-Бека, обвиняя его в разных формальных упущениях и злоупотреблениях. Однако на этот раз, по-видимому, коса нашла на камень: у принца П. Гольштейн-Бека — родственника великого князя Петра Федоровича (будущего императора Петра III) — были в столице тоже немалые связи.

От этого времени сохранился весьма интересный «Мемориал», составленный А. П. Ганнибалом для кабинет-секретаря императрицы И. А. Черкасова (без даты и подписи). Он свидетельствует о планах и стремлениях Ганнибала и относится, видимо, к концу 1744 либо к 1745 году, наиболее трудному для него времени, когда ре-

---

⁴² Исторические статьи М. Д. Хмырова, с. 54—55.

⁴³ Там же, с. 56.

шался вопрос о взаимоотношениях в Ревеле и дальнейшей его службе:

«Мемориял.

Генерал майор Ганибал повсевысочайшей милости Ея Имп. Величества пожалован во упомянутой чин генерал-майорской от армии и обер-комендантом в Ревель, где сколько до его должности принадлежит, по государственным правам и указам исправляет без упущения и никому послабляя, ниже посягая, как о всем военной коллегии и главному комисариату известно. Но от ненависти некоторых и тамошнего народа убегая, принужден находится у Ея Императорского Величества высокомонаршеской милости просить: 1) об определении его в Санкт-Петербург обер-комендантом на место господина Игнатьева, кой, как слышно, застаростью и неможением в отставку просит; 2) или в Выборге на место умершего генер.-майора князя Юрья Репнина, бывшего тамо губернатора; 3) или же в Москву в обер-коменданты же на место имеющего ныне тамо Танеева, который потомуж за старостию намерен отставки просить; 4) когда же высокое соизволение Ея Императорского Величества последует о бытии ему по прежнему в Ревеле в прежней должности, то всеподданнейше просить, дабы ему тамо обер-комендантом быть на таком основании, как было при жизни Г-ря Императора Петра Великого, ибо в то время как гарнизон, так артиллерия и инженерные служители под собственною полною командою обер-коменданта состояли, дабы в наблюдении высочайшего интереса Ея Имп. Величества ни от кого помешательства не происходило и оказавшиеся от инженерных и артиллерийских тамо обретающихся команд непорядки пресечены быть могли, и он, обер-комендант, уже бы только о всем репортовал и под апелляциею состоял военной коллегии и куда надлежит, а не у губернатора; також и что положено на него починка дворцов по указу из Сената, а ревельской военной гавани от военной коллегии, по потомуж под егоб, обер-коменданта, смотрением токмо состояло для безостановочного и безпомешательного исправления.

Он же, Ганибал, как выше упомянуто, пожалован в генерал-майоры от армии; а жалованье не генерал-майорского окладу получает, но со уменьшением токмо по обер-комендантскому чину, и для того всерабственно просит о выдаче ему со времени пожалования его в тот

чин недоданных денег, и впредь о произвождении по полному окладу генерал-майора армейского»⁴⁴.

Приведенные документы свидетельствуют о том, что к 1745 году отношения А. П. Ганнибала с Гольмером и эстляндским губернатором обострились настолько, что он начал ходатайствовать о переводе из Ревеля. Особенно губительными оказались для него разногласия с губернатором, что видно из собственноручного письма Ганнибала к кабинет-секретарю императрицы от 8 апреля 1745 года:

«Милостивой Гдрь мой, Иван Антонович!

Понеже я обдержим немощию тому уже немалое время, и того для не имею чести персонально Вам, Милостивому Г-дрю моему, мое бедное и печальное приношение донести не могу, токмо чрез сие начертание, всепокорно прошу не оставить. 1) Чтоб мне быть при команде по прежнему пока гавань ревельской починится для скорости и безостановочного порядку и скорейшему исправлению той починки гавани, а по окончани оной повелено б было мне явиться в кабинет; 2) С пожалования моего выдать мне удержанное мое жалование по ненависти других и впредь чтоб выдовать полное по моему рангу армейское; 3) Истенно от верности и ревности моей и от страха вышнего не дерзал ни к чему как другие забыкли, отчего беден и в долгу нахожусь; — я бы желал, чтоб все так были как я: радетелен и верен по крайней моей возможности (токмо кроме моей черноты). Ах батюшка, не прогневайся, что я так молвил — истенно от печали и от горести сердца: или меня бросить, как негодного уroda, и забвению предать, или начатое милосердие со мною совершить, яко бог, а не позлым вымыслам челоуеков.

Ваш Милостивого Г-дря моего покорный слуга

А. Ганнибал.

Апреля 8 дня 1745»⁴⁵.

Судя по содержанию и пессимистическому тону письма, спор выиграл губернатор принц П. Гольштейн-Бек. Хотя А. П. Ганнибал и остался в Ревеле на прежней должности, но, очевидно, не в тех правах, какими пользовался обер-комендант при Петре Великом. Во всяком

⁴⁴ Письма Абрама Ганибала, с. 62—63.

⁴⁵ Там же, с. 61.

случае, его отношения с губернатором были урегулированы, так как в дальнейшем трений между ними, по-видимому, не возникало.

Комендатура в Ревеле при обер-коменданте А. П. Ганнибале — ее называли тогда гарнизонной канцелярией — была единственным русским по духу государственным учреждением среди сохранивших средневековые привилегии магистрата, Эстляндского рыцарства, судебных, церковных и прочих служебных и сословных инстанций, функционировавших на основании утвержденных Петром I в 1710 году аккордных пунктов и условий капитуляции. Ориентироваться в дебрях этих привилегий и традиций было для обер-коменданта делом нелегким, но необходимым, чтобы избежать конфликтов с вышеназванными институтами, весьма ревниво и придирчиво следившими за соблюдением своих «прав и преимуществ». Знакомство в течение десятилетнего пребывания в Эстонии с укладом и особенностями местной жизни сослужило А. П. Ганнибалу при этом немалую пользу. Кроме того, общая обстановка со вступлением на престол Елизаветы Петровны благоприятствовала Ганнибалу и укрепляла его позицию, поскольку теперь иноземцы и местные немцы в значительной степени утратили свое влияние в государственном аппарате.

В Таллинском городском государственном архиве хранится служебная переписка А. П. Ганнибала с магистратом города Ревеля в течение трех лет, состоящая из следующего количества писем (см. табл. на стр. 139).

Кроме того, уцелело 14 концептов новогодних поздравительных писем от магистрата Ганнибалу (первое написано в декабре 1748 года и последнее 19 декабря 1763 года) и 2 ответных письма Ганнибала (от 17 января 1755 года и 8 января 1761 года). Все письма Ганнибала составлены на русском языке, письма магистрата — на немецком. К каждому письму Ганнибала приложен немецкий текст перевода, сделанный чиновником магистрата.

Из этой переписки видно, что в сношениях с магистратом А. П. Ганнибал проявлял твердость в отстаивании государственных интересов. Однако были у него трения и с магистратом.

Год	Письма Ганнибала к магистрату ⁴⁶ :	Концепты писем магистрата к Ганнибалу ⁴⁷ :
1742	33 (первое 5 марта)	24 (первый 16 марта)
1743	20	22
1744	11 (последнее 24 октября)	8 (последний 27 октября)
Всего:	64 письма	54 концепта

Причиной первых разногласий послужил язык, на котором велась корреспонденция. Несмотря на протесты магистрата и на постоянные ссылки на соответствующие пункты капитуляции и на привилегии города, Ганнибал продолжал вести переписку на русском языке. Если в 1711 году магистрат вернул такое письмо первого обер-коменданта полковника Василия Зотова без исполнения, то поступить аналогично с Ганнибалом не посмели. Однако в каждом ответном письме магистрат жаловался на трудности, связанные с переводом писем обер-коменданта с русского на немецкий язык.

Разногласия между магистратом и А. П. Ганнибалом вызвал также вопрос об участии города в фортификационных работах и традиционном использовании для этой цели так называемых портовых доходов. В условиях войны со шведами требование обер-коменданта, направленное на усиление обороноспособности города, было вполне обоснованным и весьма актуальным. Однако, с другой стороны, если раньше, при шведском владычестве, городу действительно приходилось самому содержать в порядке крепостные укрепления, то после капитуляции в 1710 году Ревель, пострадавший от войны и эпидемии чумы в такой мере, что население его уменьшилось в десять раз, был временно освобожден Петром I от

⁴⁶ 1742 г.: ТГА, ф. 230, оп. 1, ед. хр. ВQ 43 (5 писем), ед. хр. BR 20 (3 письма) и ед. хр. BR 21 (25 писем);

1743 г.: ТГА, ф. 230, оп. 1, ед. хр. BR 22 (20 писем);

1744 г.: ТГА, ф. 230, оп. 1, ед. хр. BR 23 (10 писем) и ед. хр. ВQ 43 (1 письмо).

⁴⁷ 1742 г.: ТГА, ф. 230, оп. 1, ед. хр. Аа 180 (24 письма);

1743 г.: ТГА, ф. 230, оп. 1, ед. хр. Аа 180 (22 письма);

1744 г.: ТГА, ф. 230, оп. 1, ед. хр. Аа 181 (8 писем).

фортификационных работ, которые теперь производились военным ведомством. В 1731 году городу удалось добиться новой льготы: правительство освободило Ревель еще на 7 лет от участия в крепостных работах и разрешило использовать портовые доходы в течение этих лет на нужды городского хозяйства. Затем магистрат добился продления этого срока еще на несколько лет. Льготное время истекло окончательно 23 июня 1742 года — во время войны со шведами, в первый год пребывания Ганнибала на посту обер-коменданта Ревеля.

В военные годы гарнизон Ревельской крепости и военно-морской базы был значительно увеличен. Размещение его ложилось тяжелым бременем на город и требовало от магистрата и обер-коменданта постоянного к себе внимания. Поэтому в переписке между Ганнибалом и магистратом много места занимают квартирные дела, т. е. порядок размещения воинских частей и командного состава, ремонта казарм и барачков, уплаты квартирных денег и т. п. Здесь А. П. Ганнибал требовал от города точного исполнения его распоряжений. Особых конфликтов с магистратом по этим вопросам у него, по-видимому, не было.

Время от времени А. П. Ганнибал вынужден был обращаться и к делам, подлежащим ведению городских судебных органов. Происходило это потому, что граждане русской национальности, видевшие в Ганнибале представителя своей, русской власти в городе, искали у него заступничества и защиты, когда у них возникали конфликты с городской администрацией. В подобных случаях Ганнибал направлял по просьбе жалобщиков, а иногда по собственной инициативе магистрату как высшему органу города запрос относительно принятых мер или судебного решения. Разумеется, магистрату не могло нравиться такое вмешательство обер-коменданта в дела, подлежащие ведению исключительно судебных или полицейских органов, что по своей сути являлось нарушением привилегий города. Поэтому когда в 1742 году по приказу обер-коменданта в Ревеле были арестованы и отправлены в кандалах в Петербург двое ревельских граждан, магистрат направил в Сенат жалобу на Ганнибала.

Местным недругам А. П. Ганнибала были на руку его конфликты с городскими властями, и они интриговали в столичных кругах против энергичного и самостоятель-

ного обер-коменданта. В сентябре 1743 года Ганнибал обратился к бургомистру Ревеля с просьбой, чтобы магистрат опроверг распространяемые его врагами в Петербурге слухи о том, будто город недоволен им. Просьбу Ганнибала удовлетворили: представителю магистрата в столице было предписано известить при удобном случае соответствующие инстанции о том, что «в настоящее время у города нет никаких жалоб на господина генерал-майора и обер-коменданта»⁴⁸.

На этом разногласия между магистратом и Ганнибалом, по-видимому, кончились. В следующем, 1744 году магистрат выразил в письме к Ганнибалу полное доверие ему и благодарил его за оказываемую городу помощь. Очевидно, магистрат убедился в том, что деятельность требовательного обер-коменданта и строгого начальника гарнизона шла городу на пользу.

А. П. Ганнибал заботился о противопожарных мероприятиях в городе, соблюдении осторожности и порядка вблизи крепостных башен, где хранились порох и огнеопасные материалы; запретил продажу в трактирах военнослужащим спиртных напитков и пива в кредит, а горожанам покупать у солдат казенные вещи. В целях лучшего снабжения гарнизона продуктами питания Ганнибал предложил магистрату разрешить воинским частям покупать у крестьян продукты перед городскими воротами в первоочередном порядке, в чем, однако, ему было отказано.

Переписка с магистратом отражает и ряд других вопросов, которыми занимался А. П. Ганнибал в должности обер-коменданта Ревеля. Это были: организация гарнизонной службы; охрана общественного порядка на улицах города; взаимодействие между воинскими патрулями и городской стражей, ликвидация столкновений между ними; порядок празднования знаменательных дат; регистрация и учет лиц, приезжавших в Ревель извне; паспортный режим в военное время; передача магистрату правительственных распоряжений и указов и проч.

Деловая переписка между А. П. Ганнибалом и магистратом кончается 1744 годом, когда Ганнибал по-прежнему руководил крепостными работами в Ревеле. Этим годом датировано распоряжение губернатора Эстлянд-

---

⁴⁸ E. Siimo. A. Puškini vaarvanaisa Tallinna ülemkomandandina. — «Sirp ja Vasar», 1949, № 19.

скому рыцарству (помещикам) о заключении с обер-комендантом договоров на поставку в крепость строительных материалов.

С лета 1745 года по октябрь 1746 года А. П. Ганнибал состоял членом смешанной русско-шведской комиссии по разграничению российских и шведских земель в Финляндии⁴⁹, и в Ревеле его в это время, видимо, не было. Роль его как военного инженера в пограничной комиссии сводилась к тому, чтобы, во-первых, определить на местности прохождение государственной границы по наиболее выгодному с военной точки зрения рубежу. и, во-вторых, наметить места будущих фортификационных сооружений, необходимых для обороны границы.

Сохранилось письмо Ганнибала от 12 октября 1746 года из Стокфорса (Финляндия) к И. А. Черкасову, где он между прочим пишет о желании получить отпуск в свои «деревнишки»:

«... Дело мое по комиссии разграничения незнаемо по какому нещастию и поныне ни малого плода не имеет, ныне же, как и сами изволите приметить, наступает зимнее время, где и бес того претерпевал, за недостатком к пропитанию, нужду, а ныне и колми паче того за зимним временем последовать может, того бы ради желал на зимнее время в деревнишки мои уволену быть, где бы по новозаводившему случаю хотя бы малое поправить что мог, а как бы приспело время к езде на комиссию, тогда бы без всяких принуждений готовность мою я объявить не оставил, о чем я к его высокографскому сиятельству графу Алексею Петровичу (Бестужеву-Рюмину) с прошением писал, в коем случае и вас, милостивого государя, прошу в той моей крайней бедности помочь»⁵⁰.

По-видимому, с осени 1746 года или в начале 1747 года А. П. Ганнибал отправился в длительный отпуск, воспользовавшись указом Верховного тайного совета от 24 февраля 1727 года, разрешавшим отпускать в свои деревни для ведения хозяйства определенное количество офицеров и рядовых, «которые из шляхетства»⁵¹. Во время отсутствия Ганнибала обязанности обер-коменданта в Ревеле исполнял полковник Федор Луцевин, которого

---

⁴⁹ Русский биографический словарь, т. «Гааг — Гербель», с. 216.

⁵⁰ А. Ганнибал. Ганнибалы, I, с. 243—244.

⁵¹ Очерки истории СССР. Россия во второй четверти XVIII в., с. 84.

местные архивные документы именуют вице-комендантом⁵².

Очевидно, губернские власти и местная знать были довольны, что таким путем избавились на время от беспокойного и, по их мнению, слишком уж самостоятельного обер-коменданта. Прибалтийские немцы, в чьих руках находилось управление провинцией и городом, весьма неохотно видели у себя на командных постах русских. Ссылаясь на свои привилегии и используя свои связи при императорском дворе и в Сенате, они добились назначения в обер-коменданты Ревеля «своего человека». Обычно они этого достигали, так как в XVIII веке из 13 обер-комендантов Ревеля только 3 были немцами: Василий Зотов (1710—1714), Михаил Филосов в продолжение четырех месяцев 1741 года и Абрам Ганнибал (1742—1752); национальность Ф. Луцевина (1752—1755) не известна.

С течением времени у А. П. Ганнибала все больше рос интерес к сельскому хозяйству. Если его небольшая мыза Карьякюла, где он прожил с семьей восемь лет, могла быть в образцовом состоянии, то с его новой вотчиной — деревней Рахула — дело обстояло хуже. Эта государственная деревня, выделенная Ганнибалу сначала в пожизненное пользование, а затем дарованная в полную собственность, находилась всего в 20 километрах юго-западнее Ревеля, в 14 километрах от Карьякюла.

На основании архивных документов можно заключить, что А. П. Ганнибал предполагал преобразовать деревню Рахула в мызу и сделать ее местом своего постоянного проживания. Видимо, именно поэтому он продал в 1743 или 1744 году Карьякюла⁵³, чтобы получить средства и иметь возможность сосредоточить свои усилия на перестройке Рахула, которая по размерам втрое превосходила Карьякюла.

Известно также, что споры А. П. Ганнибала с прежним арендатором Рахула и с соседними помещиками о границах его новых владений завершились судебным разбирательством. Были у него тяжбы с местными помещиками и по поводу сбежавших в прошлом к ним кре-

⁵² ТГА, ф. 230, оп. 1, ед. хр. Аа 181, 182.

⁵³ V. Miller, Puškini vaarvanemad Eestis.

постных крестьян деревни Рахула, которые подлежали выдаче прежнему владельцу.

Находясь на действительной военной службе, Ганнибал не мог в военное время лично заниматься хозяйством в Рахула. Поэтому в марте 1743 года он сдал 2/3 деревни вместе с крестьянами и соответствующим количеством инвентаря в аренду профессору Иоахиму фон Тирену за годовую арендную плату в 60 рублей (оставшаяся часть деревни была сдана другому арендатору). Арендный договор Ганнибала с фон Тиреном примечателен тем, что в нем была статья, запрещающая арендатору налагать на крепостных крестьян Ганнибала повинности сверх перечисленных в вакенбухе, а также эксплуатировать их иным путем и подвергать телесному наказанию (порке).

Арендатор, однако, не посчитался с этим требованием и начал вести хозяйство по-своему, думая только о личной выгоде. Так, если соседние помещики в страдную пору нуждались в дополнительной рабочей силе, то фон Тирен с легкой совестью «одадживал» им за плату ганнибаловских крестьян. Когда положение стало невыносимым, крестьяне решили обратиться за помощью к Ганнибалу. Собравшись втайне, они избрали двух посланцев, Эско Яана и Нутто Хендрика, которые должны были отправиться в Ревель и доложить о жестоком обращении арендатора с крепостными обер-коменданта.

Посланцы крестьян-эстонцев рассказали Ганнибалу о положении в Рахула: фон Тирен не придерживается установленных вакенбухом норм барщины; часто применяется жестокая порка; границы крестьянских наделов с соседними участками не урегулированы; соседним помещикам разрешается пользоваться крестьянскими сенокосами и пастбищами, за что арендатор получает плату. Эско Яан добавил, что если так будет продолжаться, то крестьянам не останется другого выхода, как покинуть свои жилища и бежать. Вместе с тем Эско Яан и Нутто Хендрик просили Ганнибала заступиться за них и защитить от грозящей им теперь мести фон Тирена.

За восьмилетнюю жизнь в Карьякюла А. П. Ганнибал, видимо, научился эстонскому языку настолько, что в беседе с крестьянами мог обойтись без переводчика. Он их выслушал и отпустил. Визит крестьян к Ганнибалу, конечно, не укрылся от фон Тирена. Эско Яан в качестве зачинщика был зверски избит и пролежал четыре

недели в постели — за то, что осмелился «побеспокоить» господина обер-коменданта.

Услышав о происшедшем, А. П. Ганнибал вызвал к себе фон Тирена. Не дослушав объяснений арендатора и юридического обоснования якобы принадлежавшего ему по местным узаконениям права телесного наказания крепостных крестьян, Ганнибал тут же аннулировал заключенный 29 марта 1743 года арендный договор, указав на статью 3-ю договора:

«Арендатору не разрешается увеличивать повинности крестьян, он должен придерживаться установленных норм барщины; за все прежние споры и провинности с крестьян не взыскивать. Если на крестьян будут наложены не предусмотренные нормами повинности или если их будут подвергать порке или иным каким способом притеснять, то настоящий договор аннулируется»⁵⁴.

Дознание, произведенное в Рахула харьюмааским гакенрихтером (судьей) Пиларом фон Пильхау, подтвердило обоснованность жалобы крестьян. На судебном процессе фон Тирен пытался сослаться на то, будто он получил от «господина генерал-майора и обер-коменданта» словесное разрешение наказывать крестьян по своему усмотрению. Ганнибал отрицал это и указал на статью 4-ю договора, которая обязывала подписавшихся честно выполнять его условия, избегать обмана и казуистического толкования договорных статей. Обер-ландгехрихт (верхний земский суд) установил факт нарушения арендного договора фон Тиреном и аннулировал договор.

Новым управляющим имения Рахула стал шурин А. П. Ганнибала Георг Карл Шёберг.

Защита Ганнибалом интересов крестьян и открытое выступление в дворянском суде против произвола дворян-помещиков было в эпоху расцвета крепостничества явлением необычным и, пожалуй, единственным в своем роде. Оно должно было снискать Ганнибалу популярность среди местного эстонского населения и характеризовало его по крайней мере как гуманного помещика.

Говоря об этом периоде жизни А. П. Ганнибала, следует коснуться и его имения в Псковской губернии, где ему принадлежала пожалованная императрицей Елиза-

⁵⁴ O. Vares. Puškini vaarisa Eesti talupoegade kaitsjana. — «Edasi», 1949, № 130.

ветой Михайловская губа — прежнее владение племянницы Петра I царевны Екатерины Ивановны, умершей в 1733 году. В это имение входило, среди 41 мелких деревень, и связанное с жизнью и творчеством А. С. Пушкина сельцо Михайловское (ранее деревня Устье, или Зуёво). Данное владение насчитывало около 5000 десятин земли⁵⁵ и размерами намного превосходило ревельские Карьякюла и Рахула вместе взятые. По переписи 1758 года за Ганнибалом числилось в Псковской губернии уже 854 души мужского пола⁵⁶.

В связи с этим новым приобретением помещицы интересы А. П. Ганнибала переместились из Эстляндии в Псковскую губернию. Как уже указывалось, 12 октября 1746 года он обратился в Кабинет императрицы к И. А. Черкасову с просьбой предоставить ему отпуск для приведения в порядок пожалованного имения. По-видимому, он получил согласие Елизаветы, так как о дальнейшем (постоянном) пребывании его в Ревеле сведений нет.

Мызу Рахула А. П. Ганнибал держал до ухода в отставку. Он продал ее в 1764 или 1765 году. В земельной описи 1765 года владельцем этого имения показан фон Веймарн⁵⁷.

Документальных данных о том, где жил и чем занимался А. П. Ганнибал во время своего пятилетнего отпуска, к сожалению, не имеется. Ничего не сказано об этом и в немецкой биографии. Между тем представляется очевидным, что приведение в порядок псковского владения, устройство усадьбы и прочие заботы требовали длительного присутствия хозяина. Эта догадка подтвердилась всего лишь несколько лет назад, когда в начале строительных работ по восстановлению Петровского в Пушкинском заповеднике был найден каменный фундамент жилого дома неподалеку от усадебного дома Петра Абрамовича. Реконструкция дома по фундаменту показала, что дом этот с остроконечной крышей напоминал по архитектуре обычный двухэтажный дом в небольшой прибалтийской мызе. Данное обстоятельство прямо указывает на Абрама Петровича, бывшего с 1733 года владельцем такой мызы в Эстляндии. На плане Петровского 1786 года нет еще парка и дома Петра Абрамовича,

⁵⁵ А. Гордин. Пушкин в Псковском крае. Л., 1970, с. 10.

⁵⁶ Русский биографический словарь, т. «Гааг — Гербель», с. 216.

⁵⁷ Land-Rolle des Herzogthums Ehistland nach der Revision vom 1765, S. 11.

поселившегося здесь после ухода в отставку в 1783 году, а есть только этот старый дом. Приведенные факты свидетельствуют о том, что именно это место избрал А. П. Ганнибал центром вотчины в пожалованной ему Михайловской губе и построил здесь — на месте деревни Кучане у одноименного озера — усадебный дом уже в сороковых годах XVIII века. Он же назвал усадьбу Петровским, в память Петра I. Отсюда руководил он в 1747—1752 годах хозяйством вотчины, отсюда выезжал в Петербург, где велось его бракоразводное дело с первой женой. Известно также, что уже в 1746 году семья его жила в сельце Петровском⁵⁸.

С переводом Ганнибала в Петербург связь его с Ревелем не прервалась. Магистрат города сохранил к нему уважение и признательность, слал ежегодно поздравления к Новому году ему и его семье. Последнее письмо магистрата датировано 19 декабря 1763 года, когда генерал-аншеф А. П. Ганнибал был уже в отставке.

В Эстляндии у А. П. Ганнибала родились три сына и, видимо, столько же дочерей. Дед Александра Сергеевича Пушкина родился в Ревеле в 1744 году. Это о нем пишет поэт в «Начале автобиографии»:

«Дед мой, Осип Абрамович (настоящее имя его было Януарий, но прабабушка моя не согласилась звать его этим именем, трудным для ее немецкого произношения: *Шорн шорт*, говорила она, *делит мне шорни репят и дает им шертовск имя*) . . . »⁵⁹

---

⁵⁸ Н. Малеванов. Прадед поэта, с. 160, 162.

⁵⁹ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. 8, с. 81.

СЛУЖБА В ПЕТЕРБУРГЕ

(1752—1762)

О дальнейшей службе А. П. Ганнибала в течение десяти лет в столице немецкая биография рассказывает весьма коротко следующее:

«Затем он производится в инженер-генералы, потом в генерал-аншефы, состоя при этом директором каналов Петра Великого в Кронштадте и Ладожского, пока в царствование императора Петра III, вследствие болезненного состояния здоровья, особенно же своей жестокой подагры и ранений, полученных за время французской службы, не вышел в отставку»¹.

Ничего не говорит об этом периоде его жизни А. С. Пушкин, никаких сведений не находим и у современников поэта Д. Н. Бантыш-Каменского и Д. И. Языкова. Последние ошибочно относят время ухода Ганнибала в отставку к периоду царствования Екатерины II. Известно, однако, что Екатерина II вступила на престол 28 июня 1762 года, а Ганнибал ушел в отставку 9 июня, т. е. тремя неделями раньше, при Петре III.

И все же на основании материалов, опубликованных в разное время позднейшими исследователями (М. Д. Хмыров, Д. Н. Анучин, А. С. Ганнибал, Н. А. Малеванов, Э. С. Паина и др.), можно составить некоторое представление о службе А. П. Ганнибала в 1752—1762 годах в Петербурге.

25 апреля 1752 года обер-комендант города Ревеля Абрам Петрович Ганнибал был переименован из армейского генерал-майора в «генерал-майоры от фортификации» и переведен на службу в Петербург. Ему было поручено руководство технической («искусственной») частью Корпуса военных инженеров России.

¹ Рукою Пушкина, с. 49 и 56.

В 1728 году военные инженеры, пионеры (саперы), минеры и понтонеры, числившиеся ранее в артиллерийском полку, были сведены в самостоятельное соединение, получившее название Инженерного корпуса. Корпус этот состоял из штаба и инженерного полка. Личный состав корпуса был следующим: штаб корпуса — генералов 3, штаб- и обер-офицеров 5, солдат 15; полковой штаб — штаб- и обер-офицеров 13, солдат 42; инженерная рота — обер-офицеров 40, кондукторов 192, солдат 76; минерная рота — обер- и унтер-офицеров 32, минеров 150, нестроевых солдат 29. С 1736 года Инженерный корпус входил в Фортификационную контору, которая подчинялась Военной коллегии. В 40-х годах Фортификационная контора была упразднена, а ее дела перешли в ведение Канцелярии главной артиллерии и фортификации, явившейся самостоятельным органом, подчиненным Правительствующему сенату². Канцелярией руководил генерал-фельдцейхмейстер, который являлся вместе с тем членом Военной коллегии. Такая организация инженерных войск сохранилась без особых изменений до 1771 года, с той лишь разницей, что инженерный полк был увеличен до двух саперных, двух минерных и двух мастеровых рот, с личным составом 1587 человек³.

В этом корпусе и пришлось служить А. П. Ганнибалу с 25 апреля 1752 года. По-видимому, он был назначен одним из трех генералов штаба корпуса, а именно тем, кто должен был руководить технической частью. При этом, очевидно, учитывалась его высокая квалификация в области инженерного искусства.

В компетенцию инженер-генерала Ганнибала, таким образом, входило рассмотрение годовых отчетов и сведений о вновь строившихся и подвергавшихся перестройке крепостях, ведомостей о производственных работах, проектов со сметами и прочих технических вопросов, — с представлением заключения по этим делам в Канцелярию главной артиллерии и фортификации. Кадрами военных инженеров он не ведал⁴.

В 1752 году, видимо, по инициативе Ганнибала, было решено школы Инженерную и Артиллерийскую, которые

---

² Л. Г. Бескровный. Русская армия и флот в XVIII веке, с. 59—60, 69—71.

³ Там же, с. 325.

⁴ Исторические статьи М. Д. Хмырова, с. 57; А. Ганнибал. Ганнибалы, I, с. 245.

готовили офицеров для инженерных и артиллерийских частей и имели по 100 учащихся, соединить в одну — наподобие Ecole d'Artillerie во Франции, где Ганнибал обучался лет 30 тому назад; однако решение это было осуществлено на деле только 6 лет спустя.

В обнаруженных Н. А. Малевановым протоколах Канцелярии главной артиллерии и фортификации сохранились материалы, позволяющие значительно расширить круг ранее известных сведений о роли А. П. Ганнибала в укреплении обороноспособности России в пятидесятых годах XVIII века⁵.

Первая запись в этих протоколах, имеющая отношение к А. П. Ганнибалу, относится ко 2 мая 1752 года и подтверждает получение канцелярией указа Военной коллегии от 25 апреля того же года о назначении генерал-майора Ганнибала в Инженерный корпус. Указ определял вместе с тем и круг вопросов, которыми он должен был заниматься на новом поприще. Всем частям и подразделениям Инженерного корпуса предписывалось «впредь о состоянии объявленных служителей оного генерал-майора репортовать от команд: по Остзейскому департаменту — бригадиру инженер-полковнику Лудвиху, а по российским — инженер-полковнику Бибикову и о всяких касающихся до команды делах представлять к нему ж, генерал-майору, и резолюции требовать от него»⁶. Сам Ганнибал должен был отчитываться перед Военной коллегией.

Из протокольной записи от 13 мая 1752 года видно, что А. П. Ганнибал горячо взялся за дело. 11 мая он доносил Канцелярии главной артиллерии и фортификации, что «посланными от него к бригадиру Лудвиху и ко инженер-полковнику Бибикову ордерами предложено:

«1. Подать к нему, генерал-майору и кавалеру без дальнего медления репорты, сколько при которой крепости каких находится служителей порознь с подробным показанием при том, сколь давно из них, кто, где имеется и прежде где в каких командированиях и при других

---

⁵ Материалы эти хранятся в ЦГАВМФ СССР, фонд № 3 бывшего Филиала Центрального государственного военно-исторического архива (ФЦГВИА).

⁶ Н. А. Малеванов. К биографии А. П. Ганнибала. — В сб.: Пушкин. Материалы и исследования, т. IV. М.—Л., 1962, с. 408 (протокол № 1).

исправлениях обретались, и какие в том имеют атестаты, и ныне кто, где, при каком исправлении, от кого определенный состоит.

«2. Крепостям планы с профили и показанием около их ближних ситуаций.

«3. Какие в которой крепости и какими казенными или волными людьми ныне работы исправляютца и впредь заправлять должно и по чьим, когда последовавшим проектам.

«4. Сколько в которую крепость к нынешнему году нужно каких материалов и припасов для чего требовано... и нет ли где от недостатка какой остановки.

«5. Отныне (впредь) о всех происходимых командных и экономических делах и о командировании по крепостям и в другие места и об отпусках в дома и к производству чинами инженерных служителей и о прочем для резолюции представлять; также о состоянии всех команд и прочего и о фортификационных работах с приложением обыкновенных планов и профилей месячные и третные годовые репорты подавать особливо ж и семидневные репорты; кроме С.-Петербургской и Шлиссельбургской крепостей, ис прочих отдаленных каждому командующему во оных присылать прямо к нему генерал-майору и кавалеру, а таковые же семидневные репорты о С.-Петербургской и Шлиссельбургской крепостях подавать к нему ж, генерал-майору и кавалеру, и бригадиру инженер-полковнику Лудвиху.

«6. О С.-Петербургской и Московской инженерных школах, кто что ученики обучили и давно ли находятся в учении... прислать к нему ж, генерал-майору и впредь таковы ж семидневные и месячные о состоянии оных учеников и резолюции требовать от него»⁷.

Из приведенного документа видно, что «генералу от фортификации» Ганнибалу был поручен и надзор за подготовкой офицерских инженерных кадров в тогдашних Петербургской и Московской инженерных школах.

Особенно много и плодотворно работал в эти годы А. П. Ганнибал над приведением в исправное состояние крепостей на северо-западных и западных рубежах России. Все фортификационные работы в Кронштадтской, Рижской, Перновской и Петропавловской (Санкт-Петербургской) крепостях в 1753 году велено было произво-

⁷ Н. А. Малеванов. К биографии А. П. Ганнибала, с. 408—409 (протокол № 24).

дить «по ево генерал-майора и кавалера рассуждению»⁸; работы же в Петропавловской крепости выполнялись под непосредственным наблюдением Ганнибала. Даже наем рабочих «для исправления при С.-Петербургской крепости самонужнейших фортификационных работ» следовало производить «по рассмотрению ево генерал-майора»⁹.

В первые годы службы А. П. Ганнибала в Инженерном корпусе одной из наиболее важных его задач было следить за возведением Тоболо-Ишимской укрепленной линии в Западной Сибири, начатой по сенатскому указу 28 февраля 1752 года; линия эта была закончена в 1754 году¹⁰. В 1753 году А. П. Ганнибал занимался проверкой отчетов о строительстве укреплений на юге России при поселениях Новосербском и Славяносербском, между Днепром и Донцом¹¹. В 1754 году он хлопотал о закладке крепости св. Елизаветы (позднее Елизаветград, ныне Кировоград)¹². В этом же году Ганнибал впервые ввел в Инженерную школу преподавание гражданской архитектуры¹³.

В 1753—1754 годах А. П. Ганнибал вторично (после 1745—1746 годов) выполнял в Финляндии ответственное поручение Коллегии иностранных дел по разграничению «между Российской империей и шведской короной земель», что временно отвлекло его от руководства фортификационными работами. В работе разграничительной комиссии в Стокфорсе А. П. Ганнибал участвовал вместе со своей военно-походной канцелярией до января 1754 года. С 30 января 1754 года он снова присутствовал на заседаниях Канцелярии главной артиллерии и фортификации¹⁴.

Параллельно с участием в обсуждении текущих вопросов в Канцелярии главной артиллерии и фортификации Ганнибал занимался рассмотрением представленного полковником из Киева проекта по «постройке в Киево-

⁸ Н. А. Малеванов. К биографии А. П. Ганнибала, с. 409 (протокол № 66).

⁹ Там же.

¹⁰ Ф. Ласковский. Материалы для истории инженерного искусства в России, ч. III, с. 136—137.

¹¹ Там же, с. 32—33.

¹² Там же, с. 87.

¹³ Там же, с. 661.

¹⁴ Н. А. Малеванов. К биографии А. П. Ганнибала, с. 409 (протокол № 28).

Печерской крепости вместо старых ветхих Васильковских деревянных вновь каменных ворот и при них же каменных же караульных покоев», а также других крепостных сооружений¹⁵. Данное Ганнибалом заключение и собственный «особливо учиненный им план» были одобрены Канцелярией главной артиллерии и фортификации 27 февраля 1755 года¹⁶.

В 1754 году А. П. Ганнибал участвовал в разработке мероприятий по облицовке кирпичных стен Петропавловской крепости плитой, так как «плита несравненно с кирпичом, но весьма долговременно стоять может». По предложению Ганнибала решено было «плитную одежду» стен «производить по временам, когда которая часть за обвалившимся кирпичом новую одежду требовать будет». 9 августа 1754 года «для свидетельства» возможности производства этих работ А. П. Ганнибал с генералитетом, членами канцелярии и известными архитекторами-строителями того времени С. Чевакинским, М. Башмаковым, О. Трезини и А. Вистом присутствовал при второй пробной «одежде плитой» участка крепостной стены между Екатерининской куртеной и Трубецким бастионом. В протоколе осмотра этими экспертами было решено, что «оное должно учинить» в отношении всей крепостной стены¹⁷.

В апреле 1755 года А. П. Ганнибала определили на место умершего инженер-генерала И. Л. Любераса для «устроения и содержания» Кронштадтского канала, а также членом «Комиссии о Рогервикской гавани, Кронштадтском и Ладожском каналах». В указе подчеркивалось, что Ганнибал назначался для руководства этими крупными инженерными сооружениями как «довольно знаемый Правительствующим Сенатом и способный к тому делу»¹⁸.

25 декабря 1755 года А. П. Ганнибал был произведен в генерал-поручики и назначен Выборгским губернатором. Однако в протоколе Военной коллегии от 3 января 1756 года говорится, что «ее императорское величество указать изволила генерал-лейтенанту и кавалеру Ганнибалу остатца при инженерном корпусе попрежнему...

¹⁵ Н. А. Малеванов. К биографии А. П. Ганнибала, с. 410 (протокол № 3).

¹⁶ Там же, с. 410.

¹⁷ Там же (протокол № 16).

¹⁸ Там же.

понеже оной господин генерал-лейтенант и ковалер командует ныне всем инженерным корпусом и подлежащих до того корпуса делах представлени, також и о состоянии инженерных служителей месячные и третные таблицы и списки в канцелярию подает и о подлежащих же делах от себя х командам предложении чинит»¹⁹.

Из содержания этого протокола Военной коллегии следует, во-первых, что А. П. Ганнибал командовал во второй половине 1755 года всем Инженерным корпусом, и, во-вторых, что его считали в порученном ему деле незаменимым специалистом, вследствие чего и последовала отмена указа о назначении его на административный пост губернатора в Выборг. Тем не менее вскоре права его были урезаны в связи с назначением в 1756 году на должность генерал-фельдцейхмейстера фельдмаршала П. И. Шувалова, брата фаворита императрицы Елизаветы И. И. Шувалова.

В 1756 году А. П. Ганнибал организовал в Петербурге на Выборгской стороне учебный полигон, где курсанты Артиллерийской школы занимались практическими стрельбами, а курсанты Инженерной школы проходили практику в ведении инженерной атаки крепости²⁰. В том же 1756 году артиллерия и военные инженеры были объединены под управлением генерал-фельдцейхмейстера графа П. И. Шувалова, а А. П. Ганнибал 4 июля наименован генерал-инженером — т. е. главным военным инженером.

Д. Д. Благой приводит любопытное сообщение, почерпнутое из дел Канцелярии главной артиллерии и фортификации и характеризующее отношение А. П. Ганнибала к канцелярской работе. В качестве генерал-инженера он был членом присутствия, где на заседаниях разбирались и решались различные вопросы, связанные с артиллерийской и инженерной службами. Оказывается, что Ганнибал «с июля месяца 1756 г. по ноябрь 1757 г., в течение 18 месяцев, был в присутствии всего 17 дней, из остального же времени 23 дня находился при отправлении командных дел, а все прочие дни показывал себя больным». В результате этого за указанное время «им,

---

¹⁹ Н. А. Малеванов. К биографии А. П. Ганнибала, с. 410—411 (протокол № 48).

²⁰ Ф. Ласковский. Материалы для истории инженерного искусства в России, ч. III, с. 661; Исторические статьи М. Д. Хмырова, с. 58.

генералом Ганнибалом, не было подписано: протоколов — 2755 и журналов 189». Новый шеф корпуса граф П. И. Шувалов обратил на это внимание и потребовал, чтобы генерал-поручик Ганнибал «или подписал протоколы, или оговорил свое несогласие», а через некоторое время заменил его в присутствии другим лицом²¹. Видимо, А. П. Ганнибала, привыкшего к живому делу, подобное «сидение» в присутствии и подписывание колоссального числа протоколов не привлекало и отрывало от практической работы в порученной ему сфере.

В 1757 году А. П. Ганнибал был назначен вторым членом (первым был генерал-аншеф В. В. Фермор) в «Комиссию для рассмотрения положения российских крепостей», учрежденную 21 мая 1757 года. Комиссия должна была обследовать всю систему размещения крепостей в империи, поскольку «многие пред сим бывшие на границах крепости, по распространении Российских границ, от оных уже удалены, и прежней своей надобности не имеют, и та служба, для чего они тогда были построены, не весьма нужна, а оные еще и поныне равное содержание и починку из фортификационной суммы, без дальней в них нужды, получают, чрез что она напрасно излишние расходы нести принуждена; а на против того при самых границах в некоторых местах, в потребных для закрытия оных укреплениях, недостаток находится, да и некоторые крепости со всем, за худобой положения мест, к переноске на другие места подлежат, а к тому за неузаконением в крепостях надлежащей фигуры, происходят в укреплениях великие перемены, и от излишней переломки, и употребляемой на то из фортификационной, сверх надобности и необходимой нужды, суммы, некоторые крепости уже, за недостатком денег, без починки остаются»²².

Специальным приказом Канцелярии главной артиллерии и фортификации А. П. Ганнибалу выдали для работы «имеющуюся во оной канцелярии экземплярную о крепостях именуемую «Сила Российской империи» книгу», а также «потребные планы и карты» «всем состоящим около Российской империи границам и по ним

---

²¹ Д. Д. Благой. *Абрам Петрович Ганнибал — арап Петра Великого*, с. 85.

²² Полное собрание законов Российской империи с 1649 года, т. XIV (1754—1757). 1830, с. 742 (№ 10705).

лежащим крепостям и линиям... також внутренним крепостям генеральные планы»²³.

Вопрос о крепостях, безусловно, был первостепенной важности, однако и Ладожский канал требовал к себе внимания генерал-инженера Ганнибала, так как из-за засорения русла и уменьшения глубины канала до 3—5 футов в 1757 году началась расчистка первых 12 верст его, а берега стали укреплять каменной надводной одеждой, заменившей деревянную²⁴.

В начале 1758 года к служебным обязанностям А. П. Ганнибала прибавилась новая, связанная с педагогической работой: генерал-фельдцейхмейстер граф П. И. Шувалов, «рассмотрев состояние и обучение в науках артиллериской и инженерной школ, нашел, что в артиллериской фортификации, а во инженерной артиллерии необучают, которые науки знать им взаимно необходимо надобны; и для того от него, генерал фельдцейхмейстера, генваря 7 числа сего году, артиллерии к генерал лейтенанту Глебову и генерал-инженеру и кавалеру Ганибалу ордерами и предложено, чтоб в школах артиллеристов Фортификации, а инженеров Артиллерии обучать; а для каких то резонов определено, о том к ним доволно в тех ордерах изображено»²⁵.

В 1759 году у А. П. Ганнибала возникло разногласие со своим прямым начальником П. И. Шуваловым по поводу работ на Кронштадтском канале, изложенное подробно в сенатском указе от 21 мая. Из этого указа видно, что Сенат по докладу генерал-фельдцейхмейстера определил производить перемещения по службе инженерных офицеров, находящихся при Кронштадтском канале, на общих основаниях, однако все же таким образом, чтобы после каждого такого перемещения при канале оставалось не менее «трех человек с капитаном из старых... яко уже за обыкших и все важные работы знающих». Получив это определение, А. П. Ганнибал уведомил Сенат, что «из прежде находившихся при Кронштадтском канале старых Инженерных Офицеров, за раскомандированием остался один Инженер-Капитан Поручик (который ныне Капитаном) Збродов, и оный был по большой части при чертежной, а не при работах,

²³ Н. А. Малеванов. К биографии А. П. Ганнибала, с. 411 (протоколы №№ 61, 63).

²⁴ Исторические статьи М. Д. Хмырова, с. 60.

²⁵ Там же, с. 60—61.

и за тем оному, а паче в тех частях, кои уже ныне имеютя под водою, или состоят во внутренности, видеть нельзя; следовательно, тех Инженерных Офицеров из старых при том канале, яко за обыкших и все важные работы знающих, для сохранения оных не токмо трех, но и ни одного, за таковым их раскомандированием и разными случаи отбытием не осталось; а хотя вместо раскомандированных старых, из назначенных вновь по рассмотрению Господина Генерал-Фельдцейхмейстера и Кавалера, определены и к каналу прибыли, но токмо, чтоб оные вскоре при том канале подлежащие обстоятельства познать, да и чтоб в том только по одним наставлениям в исправлении на них без привычки положиться не без сомнения есть; да из оных определенных Офицеров, как некоторые определены из старших и при первой перемене оных чинами, уже по полученным новым чинам, в непродолжительном времени от канала взяты будут, то следственно паки на их места вновь присланным быть другим, да и далее время от времени то ж последовать будет, и за тем от частых перемен тех Офицеров, в сходственность оного указа, старым и привычным при том канале Офицерам оставаться не можно...»²⁶

В связи с этим Ганнибал ходатайствовал, чтобы инженерные офицеры и кондукторы при Кронштадтском канале проходили службу наравне с их коллегами при Ладожском канале, т. е. бессменно. Однако Сенат отказал А. П. Ганнибалу в его обоснованном и вполне разумном требовании, и ему было предписано в этом вопросе следовать распоряжениям графа Шувалова.

23 октября 1759 года А. П. Ганнибал был произведен в генерал-аншефы, с назначением главным директором ладожских каналов и Комиссии кронштадтских и рогервикских строений²⁷. Канцелярия Ладожского канала существовала с 1718 по 1784 год; Ганнибал управлял ею после генерал-поручика Рязанова с 1760 по 1762 год, когда она поступила «в дирекцию» 80-летнего генерал-фельдмаршала графа Б. Х. Миниха, возвращенного Петром III из сибирской ссылки.

Здесь необходимо отметить, что со строительством российских каналов А. П. Ганнибал был связан не только в пятидесятые и шестидесятые годы XVIII века, но и

²⁶ Полное собрание законов Российской империи с 1649 года, т. XV (1758—28 июня 1762). 1830, с. 548 (№ 10955).

²⁷ Русский биографический словарь, т. «Гааг — Гербель», с. 216.

гораздо раньше, еще при жизни Петра I. Это явствует из рескрипта Екатерины II, с которым она обратилась в 1765 году к Ганнибалу, тогда уже находившемуся в отставке и проживавшему в своей Суйдовской мызе около Гатчины:

«Абрам Петрович, Мне не безизвестно, что многие чертежи в сохранении вашем находились, в то время когда блаженная памяти Государь Петр Великий по способности вашей употреблял вас по многим делам, по чему я думаю, что вы сохраняя память сего великого Государя и своей тогдашней при нем службы, сберегли в своих руках все любопытства достойные бумаги. А как мне известно же, что он помышлял о сторении канала от Москвы до Петербурга и к тому уже и проект зделан был, то вы мне особливую благоугодность сделаете, ежели чертеж тому отискав (когда он у вас был) пришлете ко мне со всеми принадлежащими к нему бумагами, хотя бы он в черне только был зделан. Но ежели вы ничего о сем деле в руках своих не имели, то по крайней мере укажите мне, где оный отискать можно, который я с нетерпеливостию видеть хочу²⁸, так же есть ли вы о сем проекте от его величества рассуждения слышали прошю сколь вы о том вспомните ко мне отписать остаюсь к вам доброжелательна Екатерина.
2 сентября 1765. Царское Село»²⁹.

На запрос императрицы А. П. Ганнибал ответил:

«ВСЕМИЛОСТИВЕЙШАЯ ГОСУДАРЫНЯ.

На ВСЕВЫСОЧАЙШЕЕ ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА всемилостивейшее повеление я всеподданнейше доношу: хотя прежде сего счастье имел при блаженны и вечны достойныя памяти ГОСУДАРЯ ПЕТРА ВЕЛИКОГО всмотрение моем иметь собственной ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА кабинет, в котором все чертежи, прожекты и библиотека имелось; только ныне за долго-времением о прожекте Московского до Санкт Петербурха канала я и в рассуждении слышать не упомню, кроме о кратчайшей Першпектива до Москвы, который совершить ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО всегда напоминать изво-

²⁸ Далее следует собственноручная приписка Екатерины II.

²⁹ И. А. Шлякин. Из неизданных бумаг А. С. Пушкина. СПб., 1903, с. 310—311. Оригинал рескрипта хранится среди фамильных бумаг Ганнибалов в Историко-художественном музее г. Пскова.

лил, а после смерти сего ВЕЛИКОГО ГОСУДАРЯ уже вненешних временах видел я книги и другие достопамятные вещи сего Кабинета в Академии Наук, а как все те прожекты и чертежи всегда вместе содержались, следовательно и ныне под сохранением тамже быть надлежат или в Архиве Собственного Кабинета.

ВАШЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА, все-милостивейшей Государыне всеподданнейшей раб

А. Ганнибал»³⁰.

На докладе сенатора Г. Н. Теплова об этом деле Екатерина II написала 7 сентября 1765 года характерную и не очень лестную для академии резолюцию:

«Есть ли сии планы в Академии, то и спрашивать их ни для чего, понеже верно украдены»³¹.

Таким образом, ко времени перевода его в Петербург А. П. Ганнибал был далеко не новичком в этой области инженерного искусства. Однако не следует все же думать, что дальнейшим относительно быстрым продвижением по службе он был обязан исключительно своему опыту и рвению. В послепетровскую эпоху уповать только на свои способности и усердие было бы делом явно бесперспективным, поэтому и Ганнибал, безусловно, пользовался поддержкой друзей, о чем красноречиво свидетельствует опубликованное в «Русском архиве» за 1869 год письмо фельдмаршала А. Б. Бутурлина к оберкамергеру и фавориту Елизаветы Петровны графу И. И. Шувалову:

«Милостивой государь мой.

Старая дружба и справедливые требования А. П. Ганнибала заставили меня с прилежною моею просьбою трудить В. П., дабы великодушно вступились и милость свою к нему оказали, за что он и я останусь с вечным благодарением. Вашего превосходительства покорный слуга А. Бутурлин»³².

Ганнибал и Бутурлин были оба в прошлом денщиками Петра I. На этом письме нет даты, однако оно было написано раньше 1760 года, так как подписано просто «А. Бутурлин», а 17 февраля 1760 года Бутурлин уже

³⁰ Письма Абрама Ганнибала, с. 13.

³¹ Там же, с. 14.

³² Письма к И. И. Шувалову. — «Русский архив», 1869. М., 1870, с. 1767.

был графом. Из письма не видно, в чем состояли эти «справедливые требования», однако известно, что 30 августа 1760 года императрица Елизавета наградила Ганнибала орденом Александра Невского³³ — звездой и красной лентой через плечо. Ранее он имел орден св. Анны.

В 1761 году А. П. Ганнибал ходатайствовал об утверждении необходимого штата работников при Кронштадтском канале. В ходе рассмотрения этого вопроса в Сенате в документы вкралась ошибка, вызвавшая возражения Ганнибала. Дело это изложено в сенатском указе от 14 ноября 1761 года:

«Правительствующий Сенат, по доношению Генерала-Аншефа и Кавалера Ганнибала, коим на указ Правительствующего Сената, о учрежденном при канале Петра Первого Великого штате, объявляет, что между прочим положено при том канале мастеровых и работных людей и прочих чинов таковых, коим следует производить указной провиант, содержать 456 человек, а сумма на довольствие оных провиантом определена в отпуск только на 306 человек, 1537 рублей 65 копеек, на означенных же достальных 150 человек в отпуск суммы не определено, которой, полагая по предписанной табельной цене, потребно 753 рубли 75 копеек, без ассигнования коих отпуском и показанного числа людей провиантом довольствовать будет не из чего, и представляя, просит, чтоб на оных 150 человек, по табельной цене на провиант показанное число денег 753 рубли 75 копеек, откуда надлежит, в отпуск определить, и о том требует указа. Приказали: назначенных определенных при Кронштадтском канале мастеровых 150 человек на провиант сумму 753 рубли 75 копеек в прибавок ко определенной, по посланному из Правительствующего Сената минувшего Сентября 23 дня указу, положенной в штат ко ежегодному до указу отпуску сумме прибавить и отпускать обще с тою суммою повсягодно из Штатс-Конторы»³⁴.

24 декабря 1761 года покровительница и крестная сестра А. П. Ганнибала императрица Елизавета Петровна скончалась. В зимние месяцы следующего года А. П. Ганнибал занимался в Петербурге подготовкой к весенним и летним работам на каналах. В связи с этим

³³ Русский биографический словарь, т. «Гааг — Гербель», с. 216.

³⁴ Полное собрание законов Российской империи с 1649 года, т. XV, с. 826 (№ 11358).

в течение первых трех месяцев 1762 года в «Санкт-Петербургских ведомстях» регулярно помещались объявления, приглашавшие на торги в «военно-походную канцелярию его высокопревосходительства Ганнибала» всех желающих поставлять что-либо для команд Кронштадтского и Ораниенбаумского каналов.

На этой работе и завершилась государственная служба генерал-аншефа А. П. Ганнибала, так как 9 июня 1762 года Петр III неожиданно уволил его в отставку «за старостию». Было ему в то время 66 лет, — возраст не очень высокий, если учесть, что тогда же 80-летний граф Б. Х. Миних был оставлен на службе.

Обстоятельства внезапного ухода в отставку, в пору интенсивной деятельности и плодотворной работы, такого крупного военного специалиста, каким был А. П. Ганнибал, во многом остаются невыясненными. Немецкая биография говорит, что он сам вышел в отставку «вследствие болезненного состояния здоровья, особенно же своей жестокой подагры». А. С. Пушкин пишет коротко, что «при Петре III вышел он в отставку»³⁵.

Некоторые аспекты этого вопроса проясняет найденное Э. С. Паиной в Центральном государственном историческом архиве СССР в Ленинграде³⁶ прошение А. П. Ганнибала на имя Екатерины II, составленное в июле 1762 года:

«Всепресветлейшая державнейшая великая государыня императрица Екатерина Алексеевна, самодержица всероссийская, государыня всемилостивейшая.

«Бьет челом генерал и кавалер Аврам Петров сын Ганибал. А о чем мое прошение, тому следуют пункты:

«I³⁷.Вашего императорского величества вселюбезнейшему деду блаженныя и вечной славы достойныя памяти государю императору Петру Великому, предкам вашим и вашему императорскому величеству верно рабскую мою службу продолжал 57 лет беспорочно, а июня 9 дня неповинно и без всякого моего преступления от службы отстранен без награждения.

«И за ту мою долголетнюю беспорочную и усердную службу, припадая к стопам вашего императорского величества, прошу из высочайшей природной вашего императорского величества щедроты милосердия пожаловать

³⁵ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. 8, с. 80.

³⁶ ЦГИА СССР, ф. 468. оп. 1, д. 4006, лл. 275 и 275 об.

³⁷ В прошении указан только один пункт.

меня для пропитания з бедною моею фамилиею всеподданнейшего раба вашего в Ингерманландии в Копорском уезде из принадлежащих к Рождественской дворцовой мызы дач с деревнями, называемыми Старое Сиверко, Новое Сиверко, Болшевомежно, Выра, Рыбца; в них мужеска пола по последней ревизии пять сот семь душ, с принадлежащими до оным деревнями, пустошью Куровицкою и протчим землям санным покосам и с лесными угодьями. Или из сего числа, сколько поблагоизволению вашего императорского величества, всемиластивейше пожалованием удостоить соизволите в вечное и потомственное владение.

«Всемилоостивейшая государыня, прошу вашего императорского величества о сем моем челобитье решение учинить. Июля... дня 1762 году.

«К сей челобитной генерал и кавалер Абрам Петров сын Ганибал руку приложил»³⁸.

На прошении имеется помета неустановленного лица: «резюлюции не последовало». Просьба А. П. Ганнибала о награждении его перечисленными в челобитной землями удовлетворена не была.

Из прошения явствует, что А. П. Ганнибал был уволен в отставку Петром III против своего желания и, по-видимому, неожиданно для себя. Ничего не говорится в этом документе о действительных причинах увольнения Ганнибала, а возможно, он их и не знал.

Однако данный вопрос не представляется столь уж загадочным, если учесть некоторые побочные обстоятельства, сопутствовавшие вступлению на престол Петра III. При новом самодержце, обладавшем весьма скромными умственными способностями, гольштинце по происхождению и великом поклоннике короля прусского Фридриха II, значительную карьеру сделал его родственник принц Петр Гольштейн-Бек — эстляндский губернатор и начальник Ганнибала в Ревеле. В приведенном выше письме в Петербург он выступает как несомненный враг Ганнибала, осмелившегося не только оспаривать его распоряжения, но и представить на него, губернатора, денежный начет в Военную коллегия. Произведенный Петром III 9 января 1762 года в генерал-фельдмаршалы, Гольштейн-Бек был включен в состав образованного 18 мая того же года Особого собрания при высочайшем

---

³⁸ Э. С. Паина. Об обстоятельствах отставки А. П. Ганнибала, с. 413.

дворе³⁹. Теперь ему представился удобный случай отомстить «дерзкому» Ганнибалу, защищавшему в Ревеле интересы российские, а не немецкие⁴⁰. Думается, именно здесь следует искать первопричину появления указа Петра III об увольнении А. П. Ганнибала в отставку.

Но как бы там ни было, факт остается фактом: в июне 1762 года А. П. Ганнибал, крестник и сподвижник Петра Великого, сыгравший немаловажную роль в улучшении постановки в России военно-инженерного дела, закончил свою карьеру отнюдь не таким образом, как он сам, вероятно, об этом мечтал. Во всяком случае, трудно поверить, чтобы сознание того, что он 57 (!) лет служил на благо обновленного Петром I государства, не родило у Ганнибала надежды на более почетную и, возможно, не столь скорую отставку. Именно в этом свете видел происшедшее и его правнук А. С. Пушкин, писавший в одном из стихотворений михайловского периода:

«В деревне, где Петра питомец,
Царей, цариц любимый раб
И их забытый однодомец,
Скрывался прадед мой арап.

Где, позабыв Елисаветы
И двор и пышные обеты,
Под сенью липовых аллей
Он думал в охлажденные леты
О дальней Африке своей...»⁴¹

---

³⁹ Я. Зутис. Остзейский вопрос в XVIII веке. Рига, 1946, с. 222.

⁴⁰ Академик Я. Зутис пишет на с. 222 своей монографии, что Гольштейн-Бек «в общей сложности 27 лет... управлял герцогством Эстляндским как немецким княжеством», к великому удовольствию Эстляндского рыцарства. Он «во всех конфликтах между рыцарством с одной, Сенатом и русской бюрократией с другой стороны выступал в Петербурге представителем и адвокатом дворянских интересов».

⁴¹ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч. в 10-ти тт. 2-е изд., т. 2. М., 1956, с. 189—190.

ОТСТАВКА И ЖИЗНЬ В ИМЕНИИ СУЙДА

(1762—1781)

О дальнейшей судьбе А. П. Ганнибала немецкая биография сообщает очень кратко, что в царствование Петра III он вышел в отставку и «начал вторично, как мудрец, деревенскую жизнь в тишине и покое. Тут же он окончил и дни свои. Он умер в 1781 году, 14 мая, на 93-м году жизни. Похоронен он вместе с своей супругой в церкви своего главного имения Суйда Софийского уезда, в 58 верстах от С.-Петербурга. Еще за 8 дней до смерти пребывал он в состоянии сильнейшего упадка сил, но столь хорошей памяти, что смог припомнить в полной точности события за много лет и их рассказать»¹.

О последних годах жизни А. П. Ганнибала сохранились лишь отрывочные сведения. Известно, например, что в Суйду к Ганнибалам неоднократно приезжал Александр Васильевич Суворов, будущий великий русский полководец, с отцом которого Абрам Петрович был в приятельских отношениях; что к этому времени сыновья А. П. Ганнибала были уже взрослыми и жили самостоятельно, — либо служили на военной службе, либо проживали в доставшихся им от родителей или взятых за женами имениях.

В шестидесятых годах XVIII века А. П. Ганнибал владел многими поместьями. Вкус к сельской жизни он приобрел, как мы видели, еще в Карьякюла, под несомненным влиянием своей жены Христины Матвеевны. Постепенно он сделался владельцем более крупных поместий. Ко времени выхода в отставку Ганнибал владел уже двумя группами имений: Михайловской губой в Псковской губернии и группой имений в Петербургской губернии, включавшей мызы Суйда с деревнями, Руново с деревней Кобрينو, Тайцы с деревнями и Елицы с деревнями.

Происхождение имений в Петербургской губернии долго оставалось неясным. В своем завещании сам Ганнибал называет их, в противоположность пожалованной ему Михайловской губе, «присовокупленными мною мы-

¹ Рукою Пушкина, с. 49 и 56.

зами в Ингерманландии». Во всяком случае, известно, что Суйда с деревнями была приобретена А. П. Ганнибалом в 1759 году от графа Ф. Апраксина. Более подробно история этих имений рассматривается в специальном исследовании Н. К. Телетовой².

Еще за пять лет до своей смерти, 13 июля 1776 года, А. П. Ганнибал составил завещание³, подписанное, кроме него, настоятелем Суйдовской церкви иереем Сергием Романовым и тремя свидетелями. Завещание это примечательно тем, что, помимо раздела имущества между детьми, оно устанавливало майоратную систему наследования недвижимости, «дабы означенные недвижимые имения никогда не выходили из роду Ганнибалов и не разделялись другим ни братьям, ни сестрам, ни дочерям, в приданое их недвижимого имения в женский род не давать... дабы никто, у кого ж имения во владении будут, не имея власти, не только всех их, но ничего, ни малейшего из них, ни продать, ни заложить, ниже укреплять в какие-либо крепости или вексели, а потому оные действительны да будут».

Поместья свои А. П. Ганнибал разделил между сыновьями следующим образом: старшему сыну Ивану он определил всю Михайловскую губу и мызу Суйду с деревнями, Петру — мызу Елицы с деревнями, Иосифу — мызу Руново с деревнями, Исааку — мызу Тайцы с деревнями. Сверх того, из движимого имущества (капитала) Петру, Иосифу, Исааку и девице Софье надлежало получить по 5000 рублей, дочерям же Елизавете Пушкиной (вдове) и Анне Нееловой «до движимого и недвижимого моего имения совсем дела нет, понеже они от меня выданы в замужество с довольным награждением». Приобретаемая в дальнейшем, т. е. после 1776 года, недвижимость становилась собственностью старшего сына Ивана.

Как известно, майоратная система наследования недвижимости, существовавшая в Англии и частично в Прибалтике, не прижилась в России. Уже в середине XVIII века действовало законоположение (1731), обеспечивавшее недвижимостью из наследства отца всех сыновей. Поэтому и завещание А. П. Ганнибала осталось

² Н. К. Телетова. «Под сенью липовых аллей». (Рукопись). Л., 1970.

³ В настоящее время это завещание хранится в ЦГИА СССР, ф. 1405, оп. 1, д. 5168, лл. 12—13.

лишь на бумаге, а его имущество — недвижимое и движимое — было после его смерти разделено между наследниками по соглашению.

Умер А. П. Ганнибал богатым помещиком, владельцем 1400 душ крепостных мужского пола и 60 000 рублей деньгами. После него осталась также библиотека с тремястами томов, ящик с золотыми медалями, мебель, инструменты по физике и механике⁴, перешедшие к Ивану Абрамовичу, а затем, в связи со смертью последнего, к Петру Абрамовичу.

И все же накопленное Ганнибалом богатство просуществовало недолго, чему причиной было отчасти многочисленное его потомство. Поделив между собой имения, его сыновья стали помещиками средней руки. Если родоначальник фамилии Ганнибалов обладал характером собирателя и умел приумножать приобретенное, то ближайшие потомки его обнаружили качества противоположные. Во всяком случае, поместья Абрама Петровича в Ингерманландии просуществовали в роду Ганнибалов весьма короткое время: Исаак Абрамович первым продал доставшуюся ему мызу Тайцы с 8 деревнями в 1786 году Е. Т. Аничковой за 15 000 рублей; за ним последовал Петр Абрамович, который продал мызу Елицы с деревнями Обша, Погост, Новая, Кузнецово в 1792 году П. Г. Демидову за 20 000 рублей; Мария Алексеевна Ганнибал (жена Осипа Абрамовича) продала в 1800 году Кобрино Ш. К. Жандр и Руново — сестрам А. и Е. Жоржи (сумма не выяснена); наконец, после смерти Ивана Абрамовича наследовавшие ему братья продали «главное имение» Абрама Петровича — Суйду с деревнями Воскресенское, Мельница и Пижня (по ревизии 1784 года в нем числилось 307 душ мужского пола работных, из них 45 дворовых) в 1805 году В. В. Цигореву (сумма не известна)⁵.

Согласно немецкой биографии, А. П. Ганнибал скончался в Суйде 14 мая 1781 года, а жена его Христина Матвеевна за день до его смерти, 13 мая 1781 года, на 76 году жизни⁶. Последняя дата вряд ли верна, так как 25 марта того же года Иван Абрамович писал из Петербурга своему брату Осипу Абрамовичу:

«... Мать нашу мы похоронили, отец весьма болен и

⁴ М. Вегнер. Предки Пушкина, с. 121.

⁵ Н. К. Телетова. «Под сенью липовых аллей», с. 21—61.

⁶ Рукою Пушкина, с. 49 и 56.

слабеет ежечасно, так что жизнь ево в опасности и надежды никакой нет; все наши домашние там находятся»⁷.

Христина Матвеевна Ганнибал умерла, следовательно, в середине марта 1781 года, за два месяца до смерти своего мужа. Похоронили ее в Суйде, а рядом с ней в мае того же года Абрама Петровича. Оба супруга прожили вместе долгую жизнь — почти полвека.

В немецкой биографии говорится также, что А. П. Ганнибал погребен вместе с женою в церкви имения Суйда⁸. Однако Д. Н. Анучин пишет, что могила Абрама Петровича была обнаружена не в церкви, а на кладбище:

«Как сообщает мне настоятель Суйдинской церкви священник А. Быстряков, на местном кладбище, действительно, находится могила Ганнибала, но от времени плита давно вросла в землю, и отыскать ее теперь трудно, тем более, что на кладбище была производима очистка земли от лишних камней; в течение 25-ти лет служения о. Быстрякова при Суйдинской церкви никто не обращался за сведениями о могиле Ганнибала. Как-либо сведений об этом бывшем владельце в церковных книгах также не сохранилось, равно как и преданий у жителей; старая церковь за ветхостью разобрана в 1845 г., и в то же время имевшиеся документы все или похищены, или уничтожены.

Сохранились в церкви только 12 книг минеи месячной, в которых по листам сделана скрепа такого содержания: «1775 года июля 21 дня Его Высокопревосходительство господин Генерал Аншеф и разных орденов кавалер Абрам Петрович Ганнибал в Суйдовской мызе в церковь Воскресения Христова вкладу дал сию книгу, именуемую месячною минеєю»⁹.

После смерти А. П. Ганнибала мыза Суйда перешла к его старшему сыну, Ивану Абрамовичу Ганнибалу, — в то время генерал-поручику и начальнику морской артиллерии. Неподалеку, в Кобрине жила тогда его племянница Надежда Осиповна Ганнибал, будущая жена отставного гвардии майора Сергея Львовича Пушкина и мать поэта, со своей матерью Марией Алексеевной Ган-

⁷ А. Ганнибал. Ганнибалы. Новые данные для их биографий, II. — В сб.: Пушкин и его современники. Материалы и исследования, вып. XIX—XX. Пг., 1914, с. 289.

⁸ Это исключалось уже потому, что сенатским указом 1773 г. было запрещено практиковавшееся ранее захоронение знатных особ под полом в церкви.

⁹ Д. Н. Анучин. А. С. Пушкин, с. 11.

нибал. К Надежде Осиповне Ганнибал перешло впоследствии знаменитое Михайловское в Псковской губернии — нынешний Пушкинский заповедник.

При Советской власти место погребения А. П. Ганнибала было отмечено памятником в виде обелиска с надписью:

ЗДЕСЬ ПОХОРОНЕН
прадед А. С. Пушкина
Абрам Петрович
ГАННИБАЛ,
выдающийся русский математик,
фортификатор и гидротехник
1697—1781

В шестидесяти километрах от Ленинграда, в десятке километров южнее Гатчины, расположено село Воскресенское, которое один из посетивших его туристов описывает так:

«Красивая дорога между двумя рядами берез ведет к старому парку бывшей усадьбы Суйда, некогда принадлежавшей Ганнибалам. Парк пересекает тенистая липовая аллея, которая обрывается у поляны, обрамленной деревьями, и граничит с небольшим озером. Здесь много света и простора. В центре поляны — большой валун с высеченным в нем сиденьем «каменный диван». А поближе к озеру возвышается шестисотлетний дуб. Искалеченный временем и огнем отгремевших здесь сражений, со сквозными отверстиями в стволе, он выглядит все же весьма внушительно...

На одной из двух мемориальных досок, установленных на стене дома, сохранившегося в Суйде еще со времен Ганнибалов, указано, что А. В. Суворов посещал Суйду неоднократно в 1760—1794 гг. Надписи на этих досках также утверждают, что, кроме прадеда и деда Пушкина, здесь жили в 1796—1798 годах отец и мать поэта — Сергей Львович и Надежда Осиповна Пушкины, сестра поэта — Ольга и няня Арина Родионовна»¹⁰.

В сентябре 1971 года Гатчинским райисполкомом в Суйде был поставлен новый памятник Абраму Петровичу Ганнибалу в виде гранитной стелы (автор памятника — архитектор М. Н. Мейсель).

¹⁰ А. Круковский. Родовое гнездо Ганнибалов. — «Нева», 1970, № 12, с. 215.

О ПОТОМКАХ А. П. ГАННИБАЛА

От кратковременного брака с первой женой Евдокией Андреевной А. П. Ганнибал детей не имел. Вторая его жена, Христина Матвеевна, согласно немецкой биографии, родила Ганнибалу 11 человек детей обоего пола. Из них двое, по-видимому, умерли в детстве и имена их не сохранились; одна из дочерей, Агриппина (род. 1746), также умерла в малых летах. В раннем возрасте умер и младший сын Якоб Абрамович (род. 1748). Таким образом, из 11 детей А. П. Ганнибала до взрослых лет дожили семеро — четыре сына и три дочери.

Из дочерей старшая, Елизавета Абрамовна, родившаяся в 1737 году в Карьякюла после сына Ивана, вышла замуж за адъютанта отца подполковника Андрея Павловича Пушкина; Анна Абрамовна, родившаяся в 1741 году в Ревеле, вышла за генерал-майора Семена Степановича Неелова; Софья Абрамовна, родившаяся в 1759 году, за секунд-майора артиллерии (потом статского советника) Адольфа Рейнгольда фон Роткирха¹.

Из сыновей трое старших (Иван, Петр и Осип) родились в Эстляндии, а двое младших (Исаак и Яков), видимо, в поместьях Псковской губернии, где Абрам Петрович проводил свой отпуск в 1747—1752 годах.

Отдавая дань обычаю того времени, когда военная служба почиталась для дворянина обязательной и наиболее почетной, А. П. Ганнибал определил всех своих сыновей в артиллерию. В составленном им в 1752 году формулярном списке значится, что сам он — «от фортификации генерал-мазор», 56 лет от роду, сын Иван — штык-юнкер артиллерии, 17 лет, сын Петр — сержант артилле-

¹ Б. Л. Модзалевский. Родословная Ганнибалов. — «Летопись Историко-родословного общества в Москве», 1907, вып. 2, с. 7—8. Как установлено Н. К. Телетовой, немецкая биография А. П. Ганнибала написана рукою А. Р. Роткирха, — *Ред.*

рии, 12 лет, сын Иосиф (Осип) — сержант артиллерии, 10 лет, сыновья же Исаак, 5 лет, и Яков, 3 лет, по малолетству еще нигде не служат².

Иван Абрамович Ганнибал

Среди сыновей «арапа Петра Великого» наиболее выдающейся личностью был, безусловно, И. А. Ганнибал, родившийся 5 июня 1735 года в Карьякюла близ Ревеля. Будучи уже в 1744 году, 9-летним мальчиком, зачислен на военную службу, он затем обучался в Петербурге в морской артиллерийской школе и Морском шляхетском корпусе, после окончания которого служил в морской артиллерии, участвовал во многих морских сражениях, проявив мужество, храбрость и изобретательность. Во время русско-турецкой войны (1768—1774) И. А. Ганнибал в ранге бригадира командовал десантным отрядом в 2500 человек, отправленным с эскадрой адмирала Г. А. Спиридова³ в июле 1769 года из Балтийского в Средиземное море. В районе Греческого архипелага он с тремя кораблями и десантным отрядом взял после 6-дневной бомбардировки 10 апреля 1770 года турецкую приморскую крепость Наварин, за что был награжден орденом св. Георгия 3-й степени. В Чесменском морском сражении 24—26 июня того же года, будучи цейхмейстером (начальником артиллерии) соединенной русской эскадры графа А. Г. Орлова, И. А. Ганнибал отличился при изготовлении брандеров и своей искусностью в управлении артиллерийским огнем содействовал уничтожению турецкого флота. Вместе с адмиралом Г. А. Спиридовым, командовавшим тогда авангардом русской эскадры, он уцелел после взрыва на флагманском корабле «Евстафий». 7 декабря 1772 года И. А. Ганнибал был произведен в генерал-майоры, 7 июля 1776 года он стал генерал-цейхмейстером морской артиллерии и в 1777 году — членом Адмиралтейств-коллегии. 25 июля 1778 года ему было поручено построить город Херсон с

---

² М. Лонгинов. Абрам Петрович Ганнибал, с. 221.

³ Старший сын этого известного в военно-морской истории адмирала, Алексей Григорьевич Спиридов (1753—1828), был в ранге полного адмирала командиром Ревельского порта. Могила его с массивной чугунной плитой на Таллинском городском кладбище сохранилась поныне.

крепостью, главным командиром которой он назначался. 1 января 1779 года И. А. Ганнибал был произведен в генерал-поручики с сохранением должности генерал-цейхмейстера. Помимо ордена св. Георгия 3-й степени он был награжден орденом св. Анны 1-й степени (1775), св. Александра Невского (1781) и св. Владимира 1-й степени (1783); в 1780 году ему было пожаловано 10 000 десятин земли⁴; 22 февраля 1784 года, в связи с болезнью, он вышел в отставку в чине генерал-аншефа, с выплатой ему полного жалованья до конца жизни.

В древнехранилище Историко-художественного музея города Пскова хранятся пять рескриптов императрицы Екатерины II к И. А. Ганнибалу. Они характеризуют старшего сына «арапа Петра Великого» как крупного военного деятеля России последней четверти XVIII столетия.

Краткое содержание этих документов следующее:

1) от 18 января 1776 года, из Санкт-Петербурга: И. А. Ганнибалу предлагается по окончании расчетов, порученных ему комиссией графа Орлова-Чесменского, никаких платежей более не производить, а о результатах произведенных работ донести императрице лично;

2) от 25 июля 1778 года, из Царского Села: И. А. Ганнибалу поручается построить город (будущий Херсон) на Днепре, при селе Александровском, с надлежащими укреплениями, с верфью и адмиралтейством;

3) от 20 ноября 1778 года, из Санкт-Петербурга: И. А. Ганнибалу сообщается о получении от него рапорта с планом города Херсона при двух корабельных эллингах; о предоставлении ему права самолично производить покупку корабельного леса; о препровождении ему при рескрипте, в знак благоволения, украшенной портретом императрицы табакерки и двух других табакерок для команданта Соколова и подполковника Германа — за «похвальные и спешные их труды»;

4) от 23 марта 1781 года, из Санкт-Петербурга: приводится подробная инструкция в десяти пунктах возвращающемуся после похорон матери в Херсон И. А. Ганнибалу относительно построения, вооружения и сосредоточения в Херсоне Черноморского флота, а также использования последнего в навигацию этого года;

---

⁴ Русский биографический словарь, т. «Гааг — Гербель», с. 217—218.

5) от 20 марта 1783 года, из Санкт-Петербурга: И. А. Ганнибалу предписывается сдать по принадлежности дела в Херсоне и тамошнем адмиралтействе и прибыть в Петербург, где Екатерина II «вознамерилася препоручить ему некоторую особую комиссию»⁵.

И. А. Ганнибал скончался в Петербурге 66-летним бездетным холостяком 12 октября 1801 года и был погребен на Лазаревском кладбище Александро-Невской лавры. На его надгробии была высечена эпитафия:

«Зной Африки родил, хлад кровь его покоил,
России он служил, путь к вечности устроил.
Стенящие о нем родня его и ближни
Сей памятник ему с усердием воздвигли»⁶.

Старшего сына своего прадеда А. С. Пушкин отметил в стихотворении «Моя родословная» следующими строками:

«И был отец он Ганнибала,
Пред кем средь чесменских пучин
Громада кораблей вспылала,
И пал впервые Наварин»⁷.

О нем же поэт писал в стихотворении «Воспоминания в Царском Селе» (1829), созерцая воздвигнутые Екатериной II памятники в царскосельском парке:

«И въявь я вижу пред собою
Дней прошлых гордые следы...

Сядятся призраки героев
У посвященных им столпов,
Глядите: вот герой, стеснитель ратных строев,
Перун кагульских берегов.
Вот, вот могучий вождь полуночного флага,
Пред кем морей пожар и плавал и летал.
Вот верный брат его, герой Архипелага,
Вот наваринский Ганнибал»⁸.

Но еще интереснее те сведения об И. А. Ганнибале, которые А. С. Пушкин приводит в «Начале автобиографии»:

⁵ И. А. Шляпкин. Из неизданных бумаг А. С. Пушкина, с. 312—317.

⁶ Б. Л. Модзалевский. Пушкин, с. 56.

⁷ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. 3, с. 210.

⁸ Там же, с. 155—156.

«Старший сын его, Иван Абрамович, столь же достоин замечания, как и его отец. Он пошел в военную службу вопреки воле родителя, отличился и, ползая на коленях, выпросил отцовское прощение⁹. Под Чесмою он распоряжался брандерами и был один из тех, которые спаслись с корабля, взлетевшего на воздух. В 1770 году он взял Наварин; в 1779 выстроил Херсон. Его постановления доньше уважаются в полуденном краю России, где в 1821 году видел я стариков, живо еще хранивших его память. Он поссорился с Потемкиным, Государыня оправдала Ганибала и надела на него Александровскую ленту; но он оставил службу и с тех пор жил по большей части в Суйде, уважаемый всеми замечательными людьми славного века, между прочими Суворовым, который при нем оставлял свои проказы и которого принимал он, не завешивая зеркал и не наблюдая никаких тому подобных церемоний»¹⁰.

Судя по имеющимся данным о службе и жизни И. А. Ганнибала и его письмам, он был умнее и образованнее своих братьев. Кроме того, и по своему темпераменту, характеру, рассудительности, благородству он отличался от них в выгодную сторону. Так, он старался образумить своего беспутного брата Осипа, деда Пушкина; принял участие в покинутой братом жене Марии Алексеевне; был опекуном его дочери Надежды Осиповны, причем предоставил матери и дочери 10 000 рублей, которые следовало получить Осипу Абрамовичу из отцовского капитала¹¹.

Несмотря на африканское по отцу происхождение, характер свой И. А. Ганнибал, по-видимому, унаследовал от матери, хотя в его внешнем облике явственно угадывались африканские черты. Это доказывает его портрет кисти академика Д. Г. Левицкого, хранившийся в Гатчинском дворце, в галерее кавалеров ордена св. Владимира 1-й степени. На этом портрете И. А. Ганнибал представлен в белом флотском мундире, с Владимирской лентой через плечо и с Александровской и Владимирской

---

⁹ Это легенда, не отвечающая действительности. А. П. Ганнибал, как мы видели, не только не противился военной службе старшего сына, а напротив — всех сыновей зачислил на службу артиллеристами уже с малолетства.

¹⁰ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. 8, с. 80—81.

¹¹ А. Ганнибал. Ганнибалы, II, с. 290.

звездами на груди. Цвет лица на портрете не шоколадный, но и не белый, а смуглый, желтоватый. Волосы черные, закручивающиеся на концах, лоб выпуклый; глаза большие, черные, блестящие; лицо округленное, с заметно выступающими вперед челюстями; губы толстоватые, подбородок округленный, не выдающийся. На миниатюрном портрете, принадлежавшем ранее Н. О. Пушкиной, И. А. Ганнибал выглядит моложе и одет также в белый флотский мундир, только с Александровской (красной) лентой через плечо, с Аннинской звездой на груди и белым Георгиевским крестом на шее; волосы и глаза такие же, но загнутость носа выражена явственнее и оклад лица несколько иной¹².

Петр Абрамович Ганнибал

О втором сыне А. П. Ганнибала, Петре Абрамовиче, известно не много. Родился он в Ревеле 21 июля 1742 года; крестной матерью его была (заочно) императрица Елизавета, а крестным отцом наследник престола великий князь Петр Федорович. П. А. Ганнибал служил в артиллерии, был поручиком в 1762 году, капитаном с 1 июня 1763 года, майором с 13 декабря 1770 года, подполковником с 10 июля 1775 года, полковником со 2 октября 1781 года¹³; вышел в отставку с производством в генерал-майоры 10 ноября 1783 года¹⁴. Долгое время он состоял под судом за растрату (недостачу) каких-то артиллерийских снарядов и был освобожден из-под суда только благодаря влиянию своего брата Ивана.

По рассказам бывшего крепостного Михайлы Калаш-

---

¹² Д. Н. Анучин. А. С. Пушкин, с. 30.

¹³ Б. Л. Модзалевский. Родословная Ганнибалов, с. 7.

¹⁴ В древнехранилище Историко-художественного музея г. Пскова хранится паспорт, выданный П. А. Ганнибалу князем Потемкиным, текст которого гласит: «Объявитель сего Артиллерии Господин Полковник Петр Ганнибал просящийся поданную на Все-высочайшее Ея Императорского Величества Имя челобитною об отставке от службы до получения на оную резолюции отпущен мною в дом его состоящий в Санктпетербурге во уверение чего дан сей паспорт за подписанием моим и с приложенным герба моего печати в Чернигове Октября 15 дня 1783 года» (И. А. Шляпкин. Из неизданных бумаг А. С. Пушкина, с. 318).

никова¹⁵, П. А. Ганнибал имел внешность «настоящего арапа», — т. е., вероятно, отличался темным цветом кожи, курчавыми волосами и толстоватыми губами. Судя по сохранившимся его запискам и письмам, он был малограмотным, что, однако, не помешало ему дослужиться до полковника артиллерии и выйти в отставку генерал-майором, а затем жить в деревне важным бариним. Любимым его занятием в старости было «возведение настоек в известный градус крепости», причем настойки эти обычно выпивал он сам.

В одной из своих записок А. С. Пушкин пишет (1824) о своем визите в 1817 году из Михайловского к двоюродному деду в соседнее Петровское: Петр Абрамович «попросил водки. Подали водку. Налив рюмку себе, велел он и мне поднести; я не поморщился — и тем, казалось, чрезвычайно одолжил старого арапа. Через четверть часа он опять попросил водки и повторил это раз 5 или 6 до обеда»¹⁶.

П. А. Ганнибал любил также музыку. Слуга его, Калашников, «обученный через посредство какого-то немца искусству разыгрывать на гусях русские песенные мотивы, погружал генерал-майора в слезы или приводил в азарт своей музыкой», что происходило обыкновенно по вечерам. Отличался он, подобно другим Ганнибалам, вспыльчивостью и крутым нравом. По словам того же Калашникова, «когда бывали сердиты Ганнибалы, все без исключения, то людей у них выносили на простынях», — т. е. пороли до потери сознания¹⁷.

После смерти отца П. А. Ганнибал получил в Софийском уезде, под Гатчиной, мызу Елицы с деревнями Елицкая, Зарецкая, Погост, Кузнецкая и Малые Обши¹⁸, а в «Псковском наместничестве в Опочецком уезде в Михайловской губе деревню Кучани, что ныне сельцо Петровское, и деревни в Спасской губе Диванисово и

---

¹⁵ Михаил Иванович Калашников — крепостной Пушкиных, живший в Михайловском еще при жизни П. А. Ганнибала, которого хорошо помнил. Впоследствии он управлял Михайловским, а потом Болдыным. На старости отпущенный на волю, умер в Петербурге в 1838 г., свыше 90 лет от роду (см.: Пушкин. Под редакцией проф. С. А. Венгерова, т. VI. Пг., 1915, с. 536).

¹⁶ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. 8, с. 20.

¹⁷ Д. Н. Анучин. А. С. Пушкин, с. 30.

¹⁸ Э. С. Паина. Об обстоятельствах отставки А. П. Ганнибала, с. 414.

Сельничихо, да в Михайловской губе Дорохово, Пальчихино, Крылово, Федорыгино, Колитино и Вепрево»¹⁹.

Усадьба на месте деревни Кучане, на берегу одноименного озера, была выстроена А. П. Ганнибалом уже в сороковых годах XVIII века. Выйдя в отставку, П. А. Ганнибал поселился на мызе Елицы, а в сельцо Петровское переехал после того, как разошелся с женой. В восьмидесятых годах он выстроил в Петровском новый просторный господский дом с многочисленными хозяйственными постройками и разбил парк. В 1792 году П. А. Ганнибал продал Елицы П. Г. Демидову и окончательно обосновался в Петровском. В Петровском у него и бывал А. С. Пушкин, — в последний раз в 1825 году, незадолго до смерти «старого арапа»²⁰, когда успел получить от него подробную немецкую биографию Абрама Петровича Ганнибала и краткую биографическую записку самого Петра Абрамовича²¹.

Женившись в 1777 году на дочери коллежского советника Г. Г. фон Данненстерна, Ольге Григорьевне, П. А. Ганнибал вскоре начал изменять жене, от которой за 9 лет супружеской жизни имел сына и двух дочерей. Он сошелся с девицей Лихачевой, уехал из поместья жены под Казанью в Елицы и уведомил оттуда жену, чтобы «к успокоению его она не жила более с ним вместе, а получала бы от него с детьми положенное им содержание». Жена покорилась своей участи и жила одна с детьми шесть лет. Умер П. А. Ганнибал в 1825 году в Петровском 83 лет от роду.

Единственный сын П. А. Ганнибала, Вениамин (род. 1780), служил с 1800 года эстандарт-юнкером в лейб-гвардии конном полку, вышел в отставку чиновником 14-го класса и жил затем в доставшемся ему от отца Петровском²². Он считался хорошим сельским хозяином, чуть ли не агрономом; занимался музыкой, имея свой доморощенный оркестр из дворовых, сочинил даже музыку на песню Земфиры из поэмы Пушкина «Цыгане». Кроме того, он увлекался стихами своего двоюродного племянника, заставлял дворовых заучивать их наизусть;

---

¹⁹ А. Гордин. Пушкин в Псковском крае, с. 11.

²⁰ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. 9, с. 166 и 781.

²¹ Записка эта, вкратце излагающая биографию А. П. Ганнибала, хранится в ИРЛИ АН СССР, ф. 244—3, № 16.

²² Б. Л. Модзалевский. Родословная Ганнибалов, с. 8.

был соседом и близким знакомым Пушкиных; считался весельчаком, добрым малым, душой местного общества. Умер бездетным холостяком в 1839 году.

Осип Абрамович Ганнибал

Третий сын А. П. Ганнибала, Осип Абрамович, родился в Ревеле 20 января 1744 года. Он служил в артиллерии (поручик в 1762 году, майор с 29 декабря 1770 года) и вышел в отставку в чине капитана 2-го ранга, затем поступил на гражданскую службу, сначала заседателем Псковского совестного суда и советником Псковского наместнического правления (1778), а с 6 апреля 1780 года советником Санкт-Петербургского губернского правления²³.

Дед А. С. Пушкина был, со слов поэта, наиболее беспутным из всех Ганнибалов. Уже в молодости он отличался расточительностью, чем навлек на себя гнев отца. В 1773 году он женился на дочери бывшего тамбовского воеводы Алексея Федоровича Пушкина Марии. Молодые жили сначала в Муроме, но когда Мария Алексеевна в связи с долгами мужа «принужденною нашлась продать приданную свою деревню в Ярославском уезде», «она испросила у отца мужа своего ему прощение и позволение к нему приехать», после чего они поселились в Суйде. Здесь О. А. Ганнибал, по словам его жены, «недолгое время жил в порядке», но вскоре, «следуя дурным своим склонностям, бежал из дому (1776), оставя отцу своему письмо, что он навеки от него скрылся». В Пскове он сошелся с вдовой Устиньей Ермолаевной Толстой и 9 января 1779 года обвенчался с ней в деревенской церкви Новоржевского уезда, дав священнику подписку в том, что он вдов, и стал, таким образом, двоеженцем²⁴. Кроме того, с Устиньей Толстой О. А. Ганнибал наделал долгов, которые она взыскала с него в судебном порядке.

Дело о незаконном браке тянулось долго и кончилось лишь в 1784 году резолюцией Екатерины II, по которой

---

²³ Б. Л. Модзалевский. Родословная Ганнибалов, с. 7.

²⁴ Б. Л. Модзалевский. Пушкин, с. 57—58; А. Ганнибал, Ганнибалы, II, с. 286—291.

второй брак О. А. Ганнибала был расторгнут, из имения его выделена 1/4 часть в ведомство дворянской опеки на содержание малолетней дочери Надежды, а сам он послан «на кораблях на целую кампанию в Северное море, дабы он службою погрешения свои наградить мог»²⁵.

А. С. Пушкин пишет о своем деде Осипе Абрамовиче Ганнибале следующее:

«...И сей брак был несчастлив. Ревность жены и непостоянство мужа были причиною неудовольствий и ссор, которые кончились разводом. Африканский характер моего деда, пылкие страсти, соединенные с ужасным легкомыслием, вовлекли его в удивительные заблуждения. Он женился на другой жене, представя фальшивое свидетельство о смерти первой. Бабушка принуждена была подать просьбу на имя императрицы, которая с живостию вмешалась в это дело. Новый брак деда моего был объявлен незаконным, бабушке моей возвращена трехлетняя ее дочь²⁶, а дедушка послан на службу в черноморский флот. Тридцать лет они жили розно. Дед мой умер в 1807 году²⁷, в своей псковской деревне, от следствий невоздержанной жизни. Одиннадцать лет после того²⁸ бабушка скончалась в той же деревне. Смерть соединила их. Они покоятся друг подле друга в Святогорском монастыре»²⁹.

После смерти отца О. А. Ганнибалу достались в Петербургской губернии мыза Руново и деревня Кобрино, взятые позднее в опеку для обеспечения содержания его дочери Надежде Осиповне³⁰.

Последние годы своей жизни О. А. Ганнибал провел безвыездно в унаследованном от отца псковском имении Михайловском. При нем была благоустроена Михайловская усадьба, выстроен господский дом с хозяйственными службами, разбит парк. В 1806 году он умер, 62 лет от роду, и имение досталось его жене, Марии Алексеевне, с которой он был в разрыве с 1776 года, и их единственной дочери Надежде Осиповне (род. 1775), бывшей уже замужем за Сергеем Львовичем Пушкиным. Мария

---

²⁵ Б. Л. Модзалевский. Пушкин, с. 58—59.

²⁶ На самом деле Надежде Осиповне было в то время 9 лет.

²⁷ О. А. Ганнибал умер 12 окт. 1806 г.

²⁸ 12 лет после того, в 1818 г.

²⁹ А. С. Пушкин. Полн. собр. соч., т. 8, с. 81—82.

³⁰ А. Ганнибал. Ганнибалы, II, с. 290—291.

Алексеевна Ганнибал умерла в Михайловском в 1818 году, после чего имение перешло к матери поэта, Надежде Осиповне Пушкиной³¹.

Исаак Абрамович Ганнибал

Четвертый сын А. П. Ганнибала, Исаак Абрамович, родился в 1747 году; в 1756 году он был определен в артиллерийскую школу; дослужился в морской артиллерии до чина капитана 3-го ранга; выйдя в отставку, с 1803 года служил псковским обер-форштмейстером (старшим лесничим). Был женат на дочери псковского помещика Анне Андреевне Чихачевой³².

Во время военных действий в Польше против войск Барской конфедерации И. А. Ганнибал находился в составе отряда (детошемента), которым командовал А. В. Суворов. В реляции Суворова от 12 сентября 1771 года главнокомандующему русскими войсками в Польше И. И. Веймарну о победе при Столовичах над войсками гетмана графа Огинского отмечается, что «господин капитан Исаак Ганнибал» вместе с другими офицерами «оказал свою неустрашимость с храбростию»³³. В то время И. А. Ганнибал служил в Нашебургском пехотном полку, где он, видимо, командовал артиллерийской командой, имевшей на вооружении две 3-фунтовые пушки и две 8-фунтовые гаубицы.

По раздельному акту 1782 года И. А. Ганнибалу досталась в Петербургской губернии мыза Тайцы с деревнями, а «в Псковском наместничестве в Опочецком уезде в Михайловской губе деревня Оклад, что ныне называется сельцо Воскресенское, с деревнями: Челово, Большие и Малые Дупли, Ванюхи, Селиваново, Щепетово, Денисово и Горки, да в Егорьевской Нижней губе пустошь Пугино, да в том же Опочецком уезде в Велейской волости пустошь Маслово»³⁴. Усадьба И. А. Ганнибала Воскресенское, стоявшая на холме неподалеку от большого озера Белогуля, находилась всего в 4—5 верстах от Петровского, усадьбы его брата Петра.

³¹ А. Гордин. Пушкин в Псковском крае, с. 11—12.

³² Б. Л. Модзалевский. Родословная Ганнибалов, с. 7.

³³ А. В. Суворов. Сборник документов, т. I. М., 1949, с. 452—453.

³⁴ А. Гордин. Пушкин в Псковском крае, с. 11.

Отличался И. А. Ганнибал, по его собственному признанию, «простодушием», из-за которого впал в крупные долги. Разведенной второй жене своего брата Осипа, Устинье Толстой, он дал расписку на 5500 рублей, за которую ему пришлось на 51 году жизни попасть «под караул», а вскоре затем за собственный долг в 35 000 рублей сесть в «городовую тюрьму». Его семья, состоявшая из жены и 15 детей, осталась без средств к существованию и вынуждена была в 1798 году обратиться «за милостью» к царю. Резолюцией императора Павла I велено было четверых старших сыновей принять «в кадеты в разные корпуса», а четырех младших детей обоего пола «в дом военного воспитания»; относительно старшей 18-летней дочери решения не последовало³⁵.

Дальнейшая судьба И. А. Ганнибала неизвестна. Умер он в 1804 году в чине коллежского асессора, 57 лет от роду.

По-видимому, И. А. Ганнибал отличался не только «простодушием», но и характером необузданным. Сохранился рассказ местного старожила, деда Прохи, о «строгостях» Ганнибалов, «которым было все позволено, даже убить человека им было нипочем. Ведь убил же Исаак Абрамович вдову воронического попа, которая отвергла ласки Ганнибалыи...»³⁶

О наружности И. А. Ганнибала Д. Н. Анучин пишет: «Из портрета-миниатюры, сохранившегося у его внучки Ад. Ал. Конден, можно заключить, что этот сын Абрама Петровича походил на своего старшего брата, Ивана Абрамовича, по смуглому цвету кожи, толстоватым губам и черным, лишь на концах закрученным волосам, но отличался более продолговатым, сухим, суженным книзу лицом и более длинным, выдающимся носом. Глаза у него, судя по портрету, далеко не отличались тою же выразительностью и интеллигентностью»³⁷.

О детях И. А. Ганнибала известно немного, да и то главным образом лишь о Павле и Семене Исааковичах. О П. И. Ганнибале собрала интересные сведения научный сотрудник Михайловского заповедника Т. Ю. Мальцева³⁸.

³⁵ Д. Н. Анучин. А. С. Пушкин, с. 31; А. Ганнибал. Ганнибалы, II, с. 293.

³⁶ С. С. Гейченко. У лукоморья. Записки хранителя Пушкинского заповедника. Л., 1971, с. 167.

³⁷ Д. Н. Анучин. А. С. Пушкин, с. 31.

³⁸ Т. Ю. Мальцева. Павел Исаакович Ганнибал (1776—1841).

П. И. Ганнибал учился с 1790 года в Петербурге в Морском кадетском корпусе и в 1794 году был выпущен мичманом на флот. В дальнейшем он служил в лейб-гренадерском полку, откуда в 1808 году, будучи капитаном, был переведен в Лубенский гусарский полк ротмистром³⁹. Участвовал в Отечественной войне 1812 года, имел боевые награды и высочайшее благоволение за храбрость. В 1824 году он был подполковником Изюмского гусарского полка; в том же году вышел в отставку с гражданским чином надворного советника. Известно также, что П. И. Ганнибал был женат на Варваре Тихоновне Ланге, но впоследствии разошелся с ней. Его единственный сын Александр служил в конной артиллерии в Петербурге.

П. И. Ганнибал слыл человеком веселым, остроумным, гостеприимным, но в то же время своевольным и необузданным, как все Ганнибалы. По словам его родственника Л. Н. Павлищева, он и его брат Петр были «олицетворением пылкой африканской и широкой русской природы, бесшабашные кутилы, но люди редкого честного и чистого сердца, которые, чтобы выручить друзей из беды, помочь нуждающимся, не жалели ничего и рады лезть в петлю».

В октябре 1826 года П. И. Ганнибал был арестован по высочайшему повелению «без объявления за что» (так сказано в приказе!) и отправлен под конвоем в город Сольвычегодск Вологодской губернии под надзор полиции⁴⁰. За буйное поведение во хмелю в Сольвычегодске (стрельба из окна в прохожих из пушечки; являлся без приглашения в гости, где приставлял нож к груди протоиерея, ругал именитых купцов и т. д.) его в 1827 году сослали в Соловецкий монастырь в одиночное заключение; там он «смирился». В 1832 году П. И. Ганнибал был

Материалы к словарю псковских знакомых А. С. Пушкина. (Рукопись). Михайловское, 1961.

³⁹ Перевод из гвардии в армейский полк без повышения в чине был вызван, очевидно, какой-то провинностью по службе или в поведении.

⁴⁰ Предположение об участии П. И. Ганнибала в декабристском движении вряд ли обоснованно: в деле III отделения за 1828 г. о нем говорится как об «известном буйне», высланном под надзор полиции (см.: Дела III отделения собственной его императорского величества канцелярии об Александре Сергеевиче Пушкине. СПб., 1906, с. 316).

освобожден по ходатайству жены, с запрещением въезда в столицу, и поселился в городе Луге. Умер он в 1841 году.

Семен Исаакович Ганнибал служил в полевой артиллерии подпоручиком⁴¹; во время антинаполеоновской войны участвовал в 1814 году в заграничном походе, а по возвращении служил в разных ведомствах, любя перемену или не уживаясь с начальством. По рассказам лиц, его знавших, С. И. Ганнибал был умен, симпатичен, считался душой общества, всюду вносящим веселье. Женился он за 50 лет, умер в 1853 году⁴².

При жизни А. С. Пушкина, в 1812—1820 годах, Павел и Петр Исааковичи Ганнибалы часто бывали в Михайловском и считались самыми веселыми родственниками-соседями. С конца десятых годов XIX века в письмах родителей поэта чаще всего упоминаются именно они.

Приезжая в Михайловское, Пушкин навещал, конечно, своих близких родственников в Петровском и Воскресенском. А. Гордин в книге «Пушкин в Псковском крае» приводит любопытный рассказ Л. Н. Павлищева о встрече поэта летом 1817 года с Павлом Ганнибалом: «П. И. Ганнибал... во главе импровизированного хора бесчисленных деревенских своих родственников... вооруженный бутылкой шампанского, постучал утром в дверь комнаты, предоставленной... Александру Сергеевичу, и пропел ему следующий экспромт:

Кто-то в двери постучал:
Подполковник Ганнибал,
Право слово, Ганнибал,
Пожалуйста, Ганнибал,
Сделай милость, Ганнибал,
Свет Исакыч Ганнибал,
ТЬфу, ты пропасть, Ганнибал!

Александр Сергеевич, только что выпущенный тогда из Лицея, очень его полюбил, что, однако, не помешало ему вызвать Ганнибала на дуэль за то, что Павел Исаакович в одной из фигур котильона отбил у него девицу Лошакову, в которую, несмотря на ее дурноту и вставные зубы, Александр Сергеевич по уши влюбился. Ссора племянника с дядей кончилась минут через десять мировой и... новыми увеселениями да пляской, причем Па-

⁴¹ Б. Л. Модзалевский. Родословная Ганнибалов, с. 9.

⁴² Д. Н. Ануцин. А. С. Пушкин, с. 32.

вел Исаакович за ужином возгласил под влиянием Вакха:

Хоть ты, Саша, среди бала
Вызвал Павла Ганнибала,
Но, ей-богу, Ганнибал
Ссорой не подгадил бал!

Пушкин тут же при публике бросился ему в объятия»⁴³.

Пятый, младший сын А. П. Ганнибала, Яков Абрамович, родился в 1748 году. Известий о нем не сохранилось. В 1756 году он был определен в Петербург в артиллерийскую школу, но вскоре умер⁴⁴.

Беспорядочные в семейной жизни; своевольные и несдержанные по характеру; не умеющие применять свои способности и силы бездельники в своих поместьях; невоздержанные поклонники «Венуса и Бахуса» — такими предстают перед нами, за малыми исключениями, сыновья и внуки «арапа Петра Великого».

Остается сказать о внучке А. П. Ганнибала, Надежде Осиповне Ганнибал, матери А. С. Пушкина.

Известно, что в молодости ее называли «прекрасной креолкой», отмечая ее южный, смуглый, красивый тип. В связи с этим Д. Н. Анучин пишет:

«Тип Надежды Осиповны превосходил их всех (Ганнибалов. — *Г. Л.*) по красоте. Смуглый цвет ее кожи не переходил в желтовато-коричневый («черномазый»); черные волосы были не курчавы, а длинные, волнисты, закручиваясь спирально лишь на концах; глаза под красивыми бровями выказывали удлинённый прорез и черную или очень карюю радужину; небольшой нос, с правильно изогнутой спинкой, загибался концом над губой, которая слегка выступала; красивый овал лица суживался к округленному подбородку; голова поддерживалась красивой, правильно развитой, совершенно европейской шеей. Несмотря на красоту черт в общем, они явственно выказывали африканский отпечаток — в спиральном закручивании волос, особенностях носа, губ... По преданию, темная окраска кожи замечалась у Надежды Осиповны».

⁴³ А. Гордин. Пушкин в Псковском крае, с. 177—178.

⁴⁴ Б. Л. Модзалевский. Родословная Ганнибалов, с. 7.

повны особенно на некоторых местах тела, между прочим на руках...

... Подобно другим Ганнибалам, она обладала, по видимому, страстным, живым темпераментом, любила веселье, беседу, общество, перемены («терпеть не могла заживаться на одном и том же месте и любила менять квартиры», по словам Павлищева), — отличалась остроумием, умом (ее противопоставляли в этом отношении, например Шевырев, ее супругу «ограниченного ума»), проявляла — по-своему — любовь к мужу (которого держала, однако, «под пантуфлей») и к детям (особенно к дочери Ольге и сыну Льву), но была своенравна, злопаятна и упряма... Александр Сергеевич был, по-видимому, наименее любимым ее сыном...»⁴⁵

Тригорская приятельница Пушкина Е. Н. Вревская рассказывала, что в последний год жизни Надежды Осиповны (1836) «Александр Сергеевич ухаживал за ней с такою нежностью и уделял ей от малого своего состояния с такой охотой, что она узнала свою несправедливость и просила у него прощения, сознавалась, что она не умела его ценить. Он сам привез ее тело в Святогорский монастырь, где она похоронена. После похорон он был чрезвычайно расстроен и жаловался на судьбу, что она и тут его не пощадила, дав ему такое короткое время пользоваться нежностью материнской, которой до того времени он не знал»⁴⁶.

Существуют ли потомки Абрама Петровича Ганнибала в настоящее время? О таких, кто носили бы фамилию Ганнибал, у нас сведений нет. Однако в 1972 году в Таллине проживали потомки Петра Исааковича Ганнибала по женской линии, — внучка его дочери Евгении Петровны Ганнибал (по мужу Грязновой) Евгения Внуковская (родилась в 1877 году в Петербурге), ее дочь Анастасия Аркадьевна (родилась в 1908 году в Ревеле), вышедшая в 1928 году в Таллине замуж за Гуткина, и дочь последней Ева Гуткина (родилась в 1937 году в Таллине).

Потомков А. П. Ганнибала по линии А. С. Пушкина в настоящее время немало. Известный пушкинист

⁴⁵ Д. Н. Анучин. А. С. Пушкин, с. 32.

⁴⁶ А. Гордин. Пушкин в Псковском крае, с. 299.

Т. Г. Цявловская опубликовала в 1971 году родословную таблицу многочисленных потомков поэта. Она пишет, что среди них есть представители многих национальностей, — «армяне и грузины, литовцы и огулы (одна из 32 национальностей Дагестана), англичане, американцы и аргентинцы, бельгийцы, итальянцы, испанцы, китайцы, французы. Живут они в разных странах.

В Советском Союзе ныне здравствуют 57 потомков Пушкина. Живут они в Москве, Ленинграде, Полтаве, Архангельске, Тбилиси, Иркутске, Петрозаводске, Харькове, Воронеже, Мичуринске, Горьком, Коростене (Житомирской области), Ухте (Коми АССР).

За рубежом шестьдесят два потомка Пушкина живут во Франции (Париж), Англии (Лондон), Бельгии (Брюссель), ФРГ (Висбаден), Италии (Флоренция), Швейцарии, США, на Гавайских островах (Гонолулу), в Аргентине (Буэнос-Айрес), Марокко (Касабланка)»⁴⁷.

Отметим, что потомки А. С. Пушкина по линии его младшей дочери, Натальи Александровны (1836—1913), породнились как с русской царствующей династией Романовых, так и позже с английским королевским домом⁴⁸. Игра судьбы: внук императора Николая I сочетался браком с внучкой Пушкина!

Из Ганнибалов жили в начале нынешнего XX века в Петербурге праправнуки Исаака Абрамовича Ганнибала — четыре внука его сына Якова Исааковича: Георгий Георгиевич (родился 29 апреля 1874 года), Александр Георгиевич (родился 17 июня 1877 года), Николай Георгиевич (родился 15 августа 1878 года) и Яков Георгиевич (родился 21 ноября 1880 года)⁴⁹. Внучка Исаака Абрамовича, Анна Семеновна Ганнибал, автор цитируемых в этой книге статей о Ганнибалах, была в 1899 году классной дамой в Одессе⁵⁰.

Таллин 1972

---

⁴⁷ Т. Цявловская. Вокруг Пушкина. — «Наука и жизнь», 1971, № 6, с. 70.

⁴⁸ Дочь Натальи Александровны, Софья Николаевна, графиня Меренберг (1868—1928), стала в 1891 г. морганатической женой великого князя Михаила Михайловича Романова (1861—1929). Семья жила затем в Англии.

⁴⁹ Б. Л. Модзалевский. Родословная Ганнибалов, с. 12.

⁵⁰ Там же, с. 11.

ПОРТРЕТ А. П. ГАННИБАЛА

Мы не знаем подлинного портрета крестника и питомца Петра I, прадеда великого русского поэта А. С. Пушкина Абрама Петровича Ганнибала. Предполагаемый его портрет впервые был помещен в «Альбоме Пушкинской выставки 1880 года». Однако в издании сочинений Пушкина, подготовленном профессором С. А. Венгеровым в начале XX века, было подвергнуто сомнению, действительно ли здесь изображен именно А. П. Ганнибал. Ныне этот портрет хранится во Всесоюзном музее А. С. Пушкина (копия — в Михайловском заповеднике).

Академик Д. Н. Анучин писал в 1899 году:

«Известен только один портрет, изображающий, по видимому, Абрама Петровича Ганнибала. Портрет этот находится в московском главном архиве министерства иностранных дел и поступил туда вместе со многими другими портретами от бывшего директора архива кн. М. А. Оболенского (†1873 г.), но без обозначения, кого именно этот портрет изображает. Впоследствии, однако, многие посетители архива, по словам следующего его директора, барона Ф. А. Бюлера, признали в этом портрете Ивана Абр. Ганнибала, тем более, что на обратной стороне его имеется надпись: «Аннибал, генерал-аншефа, на 92-м году от рождения». Известно, однако, что Иван Абр. Ганнибал, хотя и имел чин генерал-аншефа, но далеко не дожил до такого преклонного возраста; с другой стороны, и красный артиллерийский мундир изображенного на портрете лица, с черным бархатным воротником и с золотым шитьем по бортам, соответствует не эпохе Екатерины II, а первой половине XVIII века. На этом основании и принимая во внимание, что Абрам Петр. Ганнибал был тоже генерал-аншеф и умер, по словам Пушкина, на 93-м году жизни, издатели «Альбома Пуш-

кинской выставки 1880 г.» и признали указанный портрет изображающим прадеда Пушкина, Ибрагима Ганнибала. Неразъясненным осталось, однако, то обстоятельство, что изображенный на портрете генерал представлен с Андреевской лентой, Андреевской и Георгиевской звездами и Георгиевским крестом на шее, тогда как относительно Абр. Петр. Ганнибала известно, что ему были пожалованы только звезды орденов св. Анны и Александра Невского, а Андреевской ленты ни он, ни сын его Иван Абрамович не имели...

С другой стороны, в пользу того, что этот портрет изображает именно Абрама Петровича Ганнибала, можно привести сведение, сохранившееся в записной книжке кн. М. А. Оболенского и любезно сообщенное мне его двоюродным внуком, князем Н. Н. Оболенским. Сохранившаяся там запись такова: «Портрет Авраама Петровича Ганнибала. Генерал-поручик, пожалован орден св. Владимира 1-й степ. 16-го мая 1783 г., орден Георгия 3-й степ. 27-го ноября 1770 г. Куплен у Юни за 10 р.»

Итак, в пользу того, что на портрете изображен Абрам Петрович, говорили следующие аргументы:

1. Мундир якобы елизаветинского времени (Абрам Петрович служил в чине генерала с 1742 по 1762 год).

2. Надпись на обратной стороне портрета «Аннибал, генерал-аншефа, на 92-м году от рождения».

3. Темный цвет кожи лица.

«Против» были несоответствие в орденах, поскольку Абрам Петрович не имел ни одного из изображенных на портрете орденов, и анонимность портрета.

Однако красный артиллерийский мундир с черным бархатным воротником и золотым шитьем по бортам «действовал» до конца царствования Екатерины II и был упразднен только Павлом I. Следовательно, основной аргумент издателей «Альбома» — мундирный — отпадает.

Надпись на обратной стороне портрета «Аннибал, генерал-аншефа, на 92-м году от рождения», взятая явно из примечания Пушкина к «Евгению Онегину», могла быть сделана либо лицом, продавшим портрет антиквару, либо самим антикваром, продавшим портрет Оболенскому. Она должна была вызвать сомнение уже потому, что портрет изображает не дряхлого 92-летнего старца, а пожилого мужчину в возрасте около 60 лет. Да

и «Аннибалом» — вместо Ган(н)ибал — прадед поэта, как и его потомки, никогда себя не называл.

Признать генерала на портрете Ганнибалом равносильно обвинению его в присвоении орденов, ему не жалованных.

Кроме всего прочего, следовало обратить внимание на антропологический тип лица изображенного генерала: он вполне европейский, без всяких признаков африканского происхождения. Нет сходства и с известными портретами старшего сына Абрама Петровича — Ивана Ганнибала, на которых явственно видны «африканские» черты лица. «Африканские» черты заметны вполне явственно даже в четвертом поколении, как это видно по лицейскому портрету юного А. С. Пушкина. Мать поэта, Надежда Осиповна Ганнибал, также сохранила некоторые черты африканского происхождения. Что же касается темного цвета кожи у генерала на портрете, то он мог быть вызван просто загаром.

Итак, по нашему мнению, портрет, о котором идет речь, представляет не Абрама Петровича Ганнибала, а какого-то другого артиллерийского генерала второй половины XVIII века. Но кого именно?

Найти ответ на этот вопрос не так уж трудно, если учесть, что орденом св. Георгия генералов, командовавших в эпоху екатерининских войн, награждали в течение всего двадцати шести лет — с 1770 по 1796 год. Искомый кандидат должен был быть при этом артиллерийским генералом и кавалером ордена Андрея Первозванного. Количество лиц, награжденных этими двумя высокими орденами, не могло быть большим. За эти 26 лет орденом св. Георгия 1-й и 2-й степени был награжден 41 человек, и среди них лишь один артиллерист. Это был генерал-аншеф артиллерии Иван Иванович Меллер, ставший за год до своей геройской смерти (1790) и кавалером ордена св. Андрея Первозванного.

Поскольку последние годы жизни И. И. Меллера протекали в Екатеринославской армии — на юге, в черноморских областях, на «горячем солнце», то и темный цвет кожи на его вполне европейского типа лице мог возникнуть от солнечного загара.

И, наконец, еще одно немаловажное обстоятельство. В XV томе «Военной энциклопедии» (СПб., 1914) на стр. 214/215 приведены портреты двух сыновей, внука и правнука И. И. Меллера-Закомельского. Не странно ли, что

отсутствует портрет родоначальника этих известных в русской военной историографии генералов? Вот этот отсутствующий отец семейства и представлен, по нашему убеждению, на портрете, о котором идет речь, на что указывает и сходство его с портретом старшего сына, генерала от артиллерии Петра Ивановича Меллера (1755—1823).

Писались ли вообще с Абрама Петровича Ганнибала портреты за время его генеральства в Ревеле (1742—1752) и Петербурге (1752—1762) или в те годы, когда он жил отставным генералом на покое в своем поместье Суйде (1762—1781), мы не знаем. После его смерти Суйда с недвижимым и движимым имуществом перешла к старшему сыну, генерал-поручику Ивану Абрамовичу Ганнибалу, холостяку, имевшему дом в Петербурге, где он и умер в 1801 году отставным генерал-аншефом. Если в Суйде и был портрет Абрама Петровича, то он должен был перейти к Ивану Абрамовичу, а после его смерти — к отставному генерал-майору Петру Абрамовичу Ганнибалу, наследовавшему движимое имущество старшего брата Ивана. Пушкин не раз бывал у своего двоюродного деда Петра в Петровском, писал о биографических записках, которые надеялся получить (и получил) от него перед смертью (в 1825 году), но о портретах прадеда и деда никогда не упоминал, — по-видимому, их не было и в Петровском. Сохранились только три хороших портрета Ивана Абрамовича Ганнибала — два больших (один был в Гатчинском дворце, другой — в семье Перфильевых в Москве) и один миниатюрный (у племянника А. С. Пушкина Л. Н. Павлицева). Они дают некоторое представление и об «африканских» чертах лица самого царского крестника «Аврама-арапа», за исключением, пожалуй, «черноты» лица, несколько побледневшего у Ивана, сына ревельской горожанки Христины Регины фон Шёберг.

Д. Н. Анучин в своем антропологическом эскизе о Пушкине, основываясь на богатой серии фотопортретов из северной Абиссинии, воссоздал тип Ибрагима Ганнибала, уроженца Логона. Это был довольно рослый, темнокожий, шоколадного цвета человек, с черными курчавыми волосами, удлинённым черепом, овальным сухим лицом, высоким лбом без заметных выступов над бровями,

слабой растительностью на лице, черными глазами, полными, толстоватыми губами и несколько широким, но все-таки не типично африканоидным носом.

Абрам Петрович обучался военным наукам во Франции в течение пяти с половиной лет (1717—1722). Поэтому заслуживает внимания портрет в старинной коллекции Дювена, хранящийся в павильоне Сюлли департамента Сены и Уазы. В 1962 году в Париже на французском языке вышла книга Андре Менье с избранными произведениями А. С. Пушкина. В ней раздел иллюстраций открывается портретом, с подписью под ним: «Негр Петра Великого. Предполагаемый портрет А. П. Ганнибала, прадеда Пушкина по материнской линии».

Портрет изображает молодого африканца с темным лицом отнюдь не африканоидного типа, в богатом индийском костюме, с кинжалом за кушаком, с тюрбаном на голове и в плаще, из-под которого видны кираса и медаль на цепи через левое плечо.

В пользу того, что на портрете представлен «Абрам-арап», говорят следующие обстоятельства:

1. Место нахождения портрета — павильон Сюлли расположен неподалеку от города Ла-Фер, где Абрам Петрович учился в 1720—1722 годах.

2. Трудно предположить, чтобы не нашлось французского художника, который не пожелал бы запечатлеть на полотне экзотический образ крестника русского царя. Офицер-курсант военной школы в Ла-Фере, Абрам привлекал интерес к своей персоне как благодаря княжескому происхождению (отсюда, видимо, латы на портрете), так и близостью к монарху вышедшей недавно на европейскую арену могущественной державы.

3. Индийский костюм соответствует — за исключением кирасы — парадному одеянию царских арапов первой половины XVIII века.

Историк М. Д. Хмыров пишет, что при праздновании в Санкт-Петербурге 10 сентября 1721 года заключения Ништадтского мира на Троицкой площади находилась императрица, окруженная восьмью арапами в индийских костюмах. Петра I, бывшего с 26 апреля по 9 июня 1717 года в Париже, сопровождал во время визитов к королю, герцогу Орлеанскому и другим сановникам, при посещении дворцов, Академии наук и разных учреждений его арап адъютант Абрам, конечно же, в парадном арапском одеянии. Естественно, что костюм этот остался у Абрама

и после отъезда Петра I из Парижа. Так же естественно, что Абрам позировал в нем художнику-французу.

Медаль на груди изображенного на портрете арапа весьма схожа с медалью, выбитой Петром I как в честь Полтавской победы, так и за сражение при Гангуте — и тут и там голова повернута вправо. На медали узнать Петра хотя и трудно, но художник, видимо, не задавался целью вырисовывать второстепенные детали портрета. Абрам Петрович в обоих сражениях состоял при Петре и, несомненно, получил от него медали, жаловавшиеся за участие в этих сражениях офицерам и солдатам. Известно, что за Полтаву были выпущены две серебряные медали, а за Гангут золотая (офицерская) и серебряная, на всех них изображался на лицевой стороне портрет Петра с повернутой вправо головой.

Медаль на портрете арапа показана на цепи через левое плечо. Современник, генерал-лейтенант В. А. Нащокин, пишет, что за победу в Гренгамском сражении (1720) «штаб-офицерам на цепях золотых жалованы медали золотые ж, которые через плечо носили, а обер-офицерам золотые медали на голубой неширокой ленте, которые прикалывая к кафтанной петле носили, унтер-офицерам и солдатам серебряные портреты на банте голубой ленты, приколотые к кафтанной же петле нашивали, с надписью на тех медалях о той баталии». Видимо, таков был порядок ношения медалей и за Полтаву и Гангут. Петровская медаль на цепи через плечо — это важный аргумент в пользу того, что на французском портрете изображен именно «арап Петра Великого».

Итак, мы можем принять изображенного на портрете арапа за двадцатипятилетнего Абрама Петровича Ганибала, изучавшего в 1720—1722 годах военные науки в Ла-Фере. Сам автор книги Андре Менье представил его «предполагаемым портретом прадеда Пушкина по материнской линии». Осторожность автора объясняется, видимо, отсутствием на портрете поясняющей подписи художника и незнанием указанных выше деталей об «арапском» костюме и цепи. Портрет этот, безусловно, интересен, поскольку может оказаться единственным пока что портретом прадеда Пушкина*.

---

* О новых находках в этой области см., например: Б. М. Козмин. «В деревне, где Петра питомец...» — В сб.: Временник Пушкинской комиссии 1979. Л., 1982, с. 167—171. — *Ред.*

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	5
I О происхождении А. П. Ганнибала	7
II «Арап Петра Великого» (1705—1717)	16
III Абрам Петров во Франции (1717—1722)	32
IV Служба в Петербурге (1723—1727)	51
V Ссылка и служба в Сибири (1727—1730)	57
VI А. П. Ганнибал в Эстонии (1731—1752)	74
1. Служба в городе Пернове (1731—1733)	74
2. Разрыв с первой женой и вторичная женитьба	80
3. Отставка и жизнь в Карьякюла близ Ревеля (1733—1740)	90
4. А. П. Ганнибал в Ревеле начальник артиллерии крепости (1741)	100
5. А. П. Ганнибал — обер-комендант Ревеля (1742—1752)	114
VII Служба в Петербурге (1752—1762)	148
VIII Отставка и жизнь в имении Суйда (1762—1781)	164
IX О потомках А. П. Ганнибала	169
<i>Приложение.</i> Портрет А. П. Ганнибала	186

Леец Георг Александрович. АБРАМ ПЕТРОВИЧ ГАННИБАЛ. Биографическое исследование. 2-е издание. Художник-оформитель П. Уртсон. Редактор А. Тоотс. Художественный редактор М. Ваннас. Технический редактор Л. Нагел. Корректоры О. Гречишкина и Ю. Урицкая.
ИБ № 5166.

Сдано в набор 18. 11. 83. Подписано в печать 18. 01. 84. Формат бум. 84×108/32. Бумага печатная № 2. Гарнитура: литературная. Высокая печать. Печ. л. 6,0+0,5 (вклейки). Усл. печ. л. 10,92. Усл. кр.-отг. 11,12. Уч.-изд. л. 11,45. Тираж 50 000. Заказ № 512. Цена 75 коп. Издательство «Ээсти раамат», 200090, Таллин, Пярнуское шоссе, 10. Типография «Пунане тяхт», 200001, Таллин, ул. Пикк, 58.

75 коп.